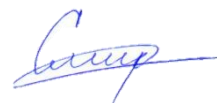

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Смирнов Евгений Сергеевич

**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ ТЕКСТОВ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор О.В. Фельде

Красноярск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования мегаконцептов «свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.....	13
1.1. Лингвокультура как объект лингвистического исследования.....	13
1.2. Лингвокультура, языковая картина мира и ценностная картина мира.....	17
1.3. Исследование лингвокультурной дихотомии «свои–чужие» в философии, литературоведении, фольклористике.....	26
1.4. Исследование лингвокультурной дихотомии «свои–чужие» в лингвистике.....	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	41
ГЛАВА 2. Структура и содержание мегаконцепта «свои» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.....	44
2.1. Влияние культурных кодов на структуру и содержание мегаконцепта «свои».....	44
2.2. Лингвокультурный концепт «сибиряки».....	47
2.3. Лингвокультурный концепт «ангарцы».....	55
2.4. Лингвокультурный концепт «деревенские».....	63
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	71
ГЛАВА 3. Структура и содержание мегаконцепта «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.....	74
3.1. Влияние культурных кодов на структуру и содержание мегаконцепта «чужие».....	74
3.2. Лингвокультурный концепт «ссылные».....	77
3.3. Лингвокультурный концепт «вербованные».....	90

3.4. Лингвокультурный концепт «городские».....	97
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	102
ГЛАВА 4. Языковые средства экспликации категории эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих».....	105
4.1. Проблема классификации эмоций.....	105
4.2. Языковые средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих».....	112
4.3. Языковые средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «чужих».....	122
4.4. Экспликация категории эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих».....	131
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	191
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Список источников исследования.....	193
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Устные тексты старожилов Северного Приангарья о «своих».....	196
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Устные тексты старожилов Северного Приангарья о «чужих».....	236
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Образцы анкет.....	300

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование выполнено на стыке психолингвокультурологии и лингвистической эмотиологии. В центре внимания находятся мегаконцепты «свои» и «чужие» в традиционной (народной) лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.

Изучение традиционных региональных лингвокультур осуществляется в основном в рамках *коммуникативного* и *лингвокультурологического* направлений русской диалектологии [Банкова, Агапова, Угрюмова, 2017; Банкова, 2014; Букринская, Кармакова, 2019; Волошина, 2016; Гольдин, Крючкова, Сдобнова, 2008; Гынгазова, Иванцова, 2015; Калиткина, 2007; 2015; Кармакова, 2013; Фельде, 2014, 2015, 2019 и др.]. Существенен также вклад диалектной и лингвокультурной лексикографии в формирование эмпирической базы изучения региональных лингвокультур [Афанасьева-Медведева, 2007–2020; Банкова, 2018; Традиционная культура Ульяновского Присурья, 2012; Язык русской деревни, 1994 и др.]. Одним из основных путей исследования традиционной лингвокультуры является анализ базовых лингвокультурных концептов, таких как «свои» и «чужие».

Дихотомия «свои–чужие» имеет давнюю традицию исследования в разных науках, в том числе в философии [Бодрийяр, 2016; Гуссерль, 2010; Сартр, 2000; Фуко, 2007 и др.]; литературоведении [Бахтин, 1986; Лотман, 1996 и др.]; фольклористике [Выходцева, 2006; Пропп, 2000 и др.]. В лингвистике дихотомия «свои–чужие» рассматривается преимущественно на материале художественных и публицистических текстов с позиций лингвокультурологии [Иванова, Чанышева, 2010; Карасик, 2002; Степанов, 2004]; психолингвокультурологии [Зыкова, 2017; Красных, 2003]; этнолингвистики и этнопсихолингвистики [Балясникова, 2003; Березович, 2007; Марковина, 2004; Толстая, 2013; Толстой, 1995]; когнитивной лингвистики [Бабушкин, 2003; Болдырев, Куликов, 2006; Лаптева, 2016]; теории межкультурной коммуникации [Детинко, Куликова, 2017; Куликова, 2010; Наместникова, 2003; Троегубова, 2008]; политической

лингвистики [Баженова, Мальцева, 2009; Красильникова, 2005] и др. На материале диалектных и региолектных текстов дихотомия «свои–чужие» исследована недостаточно.

Актуальность работы определяется, во-первых, её включенностью в коммуникативно-дискурсивную парадигму современной лингвистики; во-вторых, необходимостью расширить эмпирическую базу для решения фундаментальных проблем «язык и культура», «язык и эмоция»; в-третьих, недостаточной изученностью содержания и структуры мегаконцептов «свои» и «чужие» в концептосфере региональной лингвокультуры; в-четвёртых, важным социокультурным значением исследования традиционной лингвокультуры Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв., которая переживает этап кардинальной трансформации в результате строительства каскада ангарских ГЭС и индустриализации региона.

Объектом работы выступают мегаконцепты «свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв. Под лингвокультурным мегаконцептом понимается сложно организованный многомерный концепт, в структуру которого включены взаимообусловленные концепты, которые детерминированы теми или иными культурными кодами [Зырянова, 2011, с. 39–40; Малышева, 2011, с. 39; Орлова, 2005, с. 4–5].

Предмет диссертационного исследования – особенности структуры и содержания мегаконцептов «свои» и «чужие», а также языковые средства экспликации эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих».

Целью настоящего исследования является комплексное психолингвокультурологическое и лингвоэмотиологическое изучение мегаконцептов «свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **конкретных задач**:

1. Представить аналитический обзор исследований о лингвокультурной дихотомии «свои–чужие».

2. Сопоставить понятия «лингвокультура», «языковая картина мира» и «ценностная картина мира», а также установить функции и единицы региональной лингвокультуры.

3. Выявить базовые культурные коды, определяющие структуру мегаконцептов «свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.

4. Рассмотреть особенности языковой экспликации лингвокультурных концептов, входящих в структуру мегаконцептов «свои» и «чужие», детерминированные пространственным, событийно-историческим и социальным культурными кодами.

5. Проанализировать языковые средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих» и выявить типы эмотивной тональности данных текстов.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

1) впервые проанализирована структура и содержание мегаконцептов «свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв., а также рассмотрены особенности их языкового выражения в устных текстах старожилов Северного Приангарья;

2) впервые выявлены и проанализированы лексические и синтаксические средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих»;

3) в научный оборот вовлекаются оригинальные устные тексты, в которых отражаются представления старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих».

Эмпирическим материалом исследования являются:

1. Интервью и монологи (устные рассказы) представителей коренного населения Северного Приангарья, записанные автором в условиях экспедиций в

Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края в 2017–2019 гг.

2. Материалы «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» [ЭТКЛСП, <http://angara.sfu-kras.ru/>].

3. Тексты Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов, которые содержатся в иллюстративной части 21-томного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой (2007–2020).

4. Данные свободного ассоциативного и направленного лингвистического экспериментов, проведённых с коренными жителями Кежемского и Богучанского районов Красноярского края. В экспериментах приняли участие 150 человек, из них: 75 представителей младшей фокус-группы в возрасте от 15 до 18 лет; 72 представителя старшей фокус-группы в возрасте от 49 до 70 лет.

Объём привлечённого для анализа материала составил 226 устных текстов, 75 мини-сочинений и 2048 ассоциатов на предложенные слова-стимулы.

Теоретико-методологическую базу диссертации составляют работы, выполненные в рамках:

1) лингвокультурологии [Бутенко, 2008; Воркачëв, 2001, 2004; Карасик, 2001, 2002, 2008; Слышкин, 2004; Степанов, 2004];

2) психолингвокультурологии [Зыкова, 2015, 2017; Красных, 2003, 2010, 2012, 2013а, 2013б, 2014; Фельде, 2014, 2019];

3) лингвистической эмотиологии [Бабенко, 1989; Калимуллина, 2006; Матвеева, 2014; Шаховский, 2008].

Методы и приёмы исследования. На этапе сбора материала применялись такие методы, приёмы и методики, как:

1) интервьюирование старожилов Северного Приангарья, проживающих в Кежемском, Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края, а также переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС;

2) сплошная выборка текстов о «своих» и «чужих» из «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» [ЭТКЛСП,

<http://angara.sfu-kras.ru/>] и «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой (2007–2020);

3) метод свободного ассоциативного эксперимента, в рамках которого информанты должны были привести реакции на слова-стимулы «свои», «чужие», «сибиряки», «ангарцы», «односельчане» («деревенские»), «ссылные», «вербованные», «городские»;

4) методика дописывания заданных фраз;

5) направленный лингвистический эксперимент, в рамках которого информантам предлагалось написать мини-сочинения на заданные темы.

На исследовательском этапе были использованы метод концептуального анализа; элементы компонентного анализа лексического значения слова; элементы количественного анализа; методика эмотивного анализа; метод лингвистического описания. В работе применяется апробированный в лингвокультурологических исследованиях алгоритм концептуального анализа, который включает следующие этапы:

1) семантический и этимологический анализ имени лингвокультурного концепта;

2) выявление понятийных признаков концепта;

3) анализ языковых средств вербализации образного слоя концепта на основе анализа мини-сочинений, написанных информантами на заданные темы;

4) анализ языковых средств вербализации ценностного слоя концепта, который актуализирован оценочными словами и выражениями в устных текстах старожилов Северного Приангарья.

Аналогичный алгоритм используется в работах [Карасик, 2002; Пименова, 2002; Слышкин, 2004].

Теоретическая ценность исследования определяется его вкладом в дальнейшее развитие новой отрасли отечественного языкознания – психолингвокультурологии, что выражается в раскрытии понятия «традиционная региональная лингвокультура»; в обосновании устного текста как важнейшей макроединицы и транслятора традиционной лингвокультуры; в применении

разнообразных методик исследования ключевых единиц лингвокультуры. Теоретически значимым является также расширение сведений о национально-культурной и региональной специфике мегаконцептов «свои» и «чужие», их детерминированности кодами национальной и региональной культуры.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования предложенных в работе аспектов и приёмов при анализе различных базовых единиц лингвокультуры и изучении культурных смыслов устных текстов. Кроме того, практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в практике преподавания психолингвокультурологии, лингвокультурологии, коммуникативной диалектологии, лингвистической эмотиологии и некоторых других языковедческих дисциплин.

Социокультурная значимость исследования обусловлена его включённостью в выполнение задач по сохранению духовной культуры старожилов Северного Приангарья.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Традиционная лингвокультура Северного Приангарья является сибирской старожильческой лингвокультурой, отражённой в языковом сознании русских жителей Северного Приангарья и вербализованной в культураносных устных текстах разных жанров.

2. К числу базовых в концептосфере традиционной ангарской лингвокультуры относятся мегаконцепты «свои» и «чужие». Структура мегаконцепта «свои» детерминирована кровнородственным, пространственным и социальным культурными кодами. Структура мегаконцепта «чужие» детерминирована пространственным, событийно-историческим и социальным культурными кодами.

3. Оппозиция «свои–чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья раскрывается через динамическую модель восприятия: «настороженность–сочувствие–симпатия–уважение», которая находит отражение в ценностном слое лингвокультурных концептов, эксплицирующихся такими

средствами языка, как собственно эмотивы, экспрессивы, коннотативы, фразеологические единицы, аффективы-междометия и аффективы-инвективы.

4. Когнитивная категория эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих» является полистатусной и выражается на уровне слова, фразеологической единицы, предложения и текста.

5. В устных текстах о «своих» и «чужих» представлены три типа эмотивной тональности: адресатный, эгоцентрический и объектный. Преобладают объектный и эгоцентрический типы.

6. Особенностью устных текстов о «своих» является языковая экспликация положительных эмоций и наличие в рассказах инклюзивного «мы»; особенностью устных текстов о «чужих» является языковая экспликация положительных и экстерииоризованных смешанных эмоций.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертации были представлены на VIII Международном Крымском лингвистическом конгрессе «Язык и мир» (Ялта, 2017), XXVIII Международной научной конференции «Язык и культура» (Томск, 2017), Международной научно-практической конференции «Базовые ценности этноса в речи и тексте» в рамках VI Международного научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (Красноярск, 2017), Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2018), 56-ой Международной научной студенческой конференции (Новосибирск, 2018), Международной научно-практической конференции «Динамические процессы в языке и языковой картине мира» в рамках VII Международного научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (Красноярск, 2018), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «XXV Кудрявцевские педагогические чтения» «Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования» (Иркутск, 2018), 48-ой Международной филологической научной конференции (Санкт-Петербург, 2019), Всероссийском

научном семинаре «Экология языка и современные коммуникативные практики» (Красноярск, 2019), Международной научно-практической конференции «Динамические процессы в речи и языке» в рамках VIII Международного научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (Красноярск, 2019), V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики» (Иркутск, 2020).

По теме диссертационного исследования опубликовано 15 статей. Четыре работы опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ: «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов), «Вестник Кемеровского государственного университета» (Кемерово), «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайск), «Известия Волгоградского государственного педагогического университета» (Волгоград).

Структура работы, её содержание обусловлены целью, задачами и спецификой предмета и материала исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, 4 глав, заключения, списка литературы, списка использованных словарей и принятых сокращений, а также 4 приложений. Общий объём текста диссертации составляет 302 страницы.

Во введении указываются объект и предмет настоящего диссертационного исследования, формулируются цель и задачи, раскрывается актуальность работы, устанавливается её теоретическая ценность и практическая значимость, приводится список источников и методов исследования, определяется научная новизна, приводятся сведения об апробации работы, а также выдвигаются научные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования мегаконцептов “свой” и “чужие” в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.» рассматриваются основные подходы изучения дихотомии «свой–чужие» в современной лингвистике и других науках; описываются основные подходы к изучению лингвокультуры; проводится

сопоставление таких феноменов, как лингвокультура, языковая картина мира, ценностная картина мира.

Во второй главе «Структура и содержание мегаконцепта “свои” в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.» анализируются структура и содержание лингвокультурных концептов «сибиряки», «ангарцы» и «деревенские», которые образуют структуру мегаконцепта «свои».

В третьей главе «Структура и содержание мегаконцепта “чужие” в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв.» анализируются структура и содержание лингвокультурных концептов «ссылные», «вербованные» и «городские», образующих структуру мегаконцепта «чужие».

Четвертая глава «Языковые и текстовые средства экспликации категории эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о “своих” и “чужих”» посвящена проблеме классификации эмоций в лингвистике; анализу языковых средств выражения эмоций в устных ангарских текстах о «своих» и «чужих», а также экспликации категории эмотивности.

В заключении излагаются результаты проведённого научного исследования и освещаются перспективы дальнейшей работы.

Библиографический список использованной литературы включает 224 наименования.

В Приложении №1 приводится список источников исследования.

В Приложении №2 содержатся устные тексты старожилов Северного Приангарья о «своих».

В Приложении №3 содержатся устные тексты старожилов Северного Приангарья о «чужих».

Приложение № 4 содержит образцы анкет.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ МЕГАКОНЦЕПТОВ «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»
В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

1.1. Лингвокультура как объект лингвистического исследования

В современной лингвистике есть несколько точек зрения на определение понятия лингвокультура: во-первых, под лингвокультурой понимают совокупность устных и письменных текстов разных жанров, созданных на том или ином языке или диалекте, моделирующих самосознание этноса или определённой этносоциальной группы людей и их культуру; во-вторых, лингвокультура рассматривается как комплекс феноменов культуры, вербализованных в языке [Бутенко, 2008, с. 322]; в-третьих, лингвокультуру представляют как овнешнённую, оязыковлённую и закреплённую в знаках языка культуру, которая явлена человеку в тех или иных языковых процессах [Красных, 2010, с. 33]; в-четвёртых, под лингвокультурой понимают тип взаимосвязи языка и культуры, который репрезентируется как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежит рассмотрению в сравнении с другим типом взаимосвязи языка и культуры [Снитко, 1999, с. 9]; ряд исследователей полагает, что лингвокультура представляет собой совокупность взаимосвязанных языковых и культурных явлений, которая содержится в сознании той или иной общности людей или в сознании конкретной личности, выступая как специфическое целостное ментальное образование [Городецкая, 2009, с. 55].

Вслед за В.В. Красных мы придерживаемся мнения, что лингвокультура, являясь лингвокогнитивным феноменом, занимает промежуточное положение между культурой и языком. Содержание лингвокультуры формируется культуроносными смыслами и образами сознания, которые выражаются с помощью различных языковых средств, т.е. знаков языка. Формально лингвокультура относится к языку, а содержательно – к культуре, тем самым

создавая особую семиотическую систему, которая наделена новыми законами, отличающимися от законов культуры и языка.

В связи с тем, что лингвокультура образует оригинальную семиотическую систему, она должна обладать собственным словарём, а также грамматикой. Под словарём лингвокультуры следует понимать овнешнённые вербально культураносные смыслы и образы сознания. Грамматика лингвокультуры представляет собой основные классы единиц, их систему и структуру, отношения между собой и функционирование [Красных, 2014, с. 19–20].

В современной лингвистике учёные выделяют несколько типов лингвокультуры: национальную (этнолингвокультуру, лингвокультуру народа), региональную, а также частную. Под национальной лингвокультурой исследователи понимают: во-первых, определённый способ экспликации культуры, отражающей духовный и материальный опыт этноса, который лежит в основе этнонационального языкового сознания говорящих на определённом языке [Кобякова, Сунцова, 2015, с. 141]; во-вторых, исторически сложившуюся совокупность языковых средств, использование которых формирует особое восприятие мира каждым членом социума, а также позволяет сохранить свою этническую принадлежность и традиционные ценности [Лежнева, 2015, с. 108].

В последние годы в работах лингвокультурологов наблюдается смещение аспекта научного анализа тех или иных лингвокультурных явлений из сферы национальной в сферу региональную. Благодаря этому современная отечественная лингвокультурология получила новый виток развития, а также расширила эмпирическую и теоретико-методологическую базы. В отечественной лингвистике последних лет преобладают два направления в исследовании лингвокультуры: во-первых, это изучение частных лингвокультур, когда рассматривается не вся лингвокультура той или иной субэтнической или социальной группы, а только отдельное культурное явление, например, лингвокультура питания, лингвокультура питья и пр. [Козько, Пожидаева, 2012]; во-вторых, это тип исследований, который базируется на традициях отечественной диалектологии и рассматривает специфику языка и духовной и

материальной культуры в том или ином регионе [Орлова, 2016], т.е. особенности региональной лингвокультуры, которую учёные определяют как: «целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, детерминированный национальными культурными кодами и субкодами (антропоморфным, биоморфным, теологическим, мифологическим, бытовым, промысловым и др.), а также пространственными координатами, ценностными доминантами и социальным опытом локального сообщества» [Felde, 2019, p. 58]. Региональная лингвокультура неоднородна. Ангарская лингвокультура, которую мы рассматриваем сквозь призму концептосферы, а именно через анализ структуры и содержания лингвокультурных концептов, образующих мегаконцепты «свои» и «чужие», является традиционной региональной (старожильческой) лингвокультурой.

В настоящем исследовании под лингвокультурным концептом мы понимаем квант переживаемого опыта, многомерное ментальное явление, культурно детерминированную идеальную сущность, которая является носителем ценностной культурной информации, обладающей простой или сложной внутренней организацией, обусловленной связями с другими концептами, а также наделенной способностью к вербальному преобразованию посредством определённого множества языковых знаков [Зыкова, 2017, с. 371; Карасик, 2009, с. 9]. Во многих лингвокультурологических исследованиях отмечается, что структура лингвокультурного концепта состоит из трёх слоёв (составляющих): понятийного (фактуального), образного и ценностного (оценочного) [Василова, 2006; Горбачёва, 2006; Карасик, 2002; Лагаева, 2009 и др.]. Лингвокультурный концепт отличается от других лингвоментальных единиц (скрипта, сценария, фрейма и др.) акцентуацией ценностного элемента в своей структуре. Г.Г. Слышкин отмечает, что в содержании ценностного слоя можно выделить аспекты оценочности и актуальности. Аспект оценочности эксплицируется в оценочных выражениях; аспект актуальности репрезентируется через различные языковые единицы, которые апеллируют к определённому концепту в реальной

коммуникации через отношения «стимул–реакция», «реакция–стимул» [Слышкин, 2004, с. 6].

На формирование старожильской ангарской лингвокультуры и традиционное сознание русских старожилов Северного Приангарья оказали влияние следующие факторы:

1) многонациональность, а также многолетнее совместное проживание с автохтонными народами Сибири, что повлияло на картину мира и ценностные установки русских старожилов, например, на развитие у них толерантности и веротерпимости;

2) культурные традиции, унаследованные от первых засельщиков Сибири, например, опора на «своих»;

3) отдалённость от центра страны, которая стала стимулом развития отношений в сообществе русских старожилов, что повлияло на социокультурную сферу сибирского социума;

4) изобилие свободных земель в отличие от Центральной России, где крестьянам приходилось довольствоваться небольшими участками;

5) суровый климат, которые требовал от человека большой выносливости, изнурительного труда.

В результате этих факторов в ценностной картине мира русских старожилов сформировались следующие культурные доминанты: соборность (коллективизм), мужество, стойкость, непокорность, свободолюбие, трудолюбие, уважение к традициям, готовность к принятию нового, не своего культурного пространства.

Костяк старожильского населения Северного Приангарья сложился к середине XVIII века. Начиная с середины и до последней трети XVIII века, основную массу переселенцев в Северном Приангарье составляли крестьяне-земледельцы из северных губерний России.

Лингвокультуру, которая сформировалась к концу XIX века вполне можно назвать позднестарожильской. Она характеризуется слиянием устоявшейся старожильской лингвокультуры русских засельщиков Сибири с традициями и

привычками, которые привнесли переселенцы, однако эти традиции растворялись в культуре старожилов.

В конце XIX – начале XX вв. в период столыпинской реформы в Северное Приангарье прибывают новопоселенцы. С этого времени активно развивается и новопоселенческая лингвокультура [Новосёлова, 2015, с. 21–22].

К концу XX – началу XXI вв. на территории Северного Приангарья сложились два разных типа региональной лингвокультуры: старожильский и новопоселенческий, которые формировались под влиянием различных социальных, экономических и территориальных факторов. В некоторых поселениях, где было примерно равное количество старожилов и новопоселенцев, складывался особый симбиоз лингвокультур. В других поселениях всё зависело от количественного состава жителей: в деревнях, где проживали в основном русские старожилы, сложилась старожильская лингвокультура. В поселениях, освоенных переселенцами, складывалась новопоселенческая лингвокультура.

Особенности сибирской традиционной (старожильской) региональной лингвокультуры исследуются в рамках дискурсивного подхода [Орлова, 2015]; с позиций нарратологии и коммуникативной диалектологии [Волошина, 2016; Фельде, 2014, 2015, 2019]; лингвокультурологии [Банкова, 2014; Калиткина, 2007], а также диалектной лексикографии, методы которой позволяют интерпретировать значения лингвокультурных феноменов [Блохина, 2015].

1.2. Лингвокультура, языковая картина мира и ценностная картина мира

В задачи данного параграфа входит рассмотрение соотношения понятий «языковая картина мира» / «региональная языковая картина мира», «национальная лингвокультура» / «региональная лингвокультура», «ценностная картина мира» / «региональная ценностная картина мира». Анализ осуществляется с опорой на имеющиеся исследования в этой области.

Во многих лингвокультурологических работах наряду с понятием «лингвокультура» используется понятие «языковая картина мира». Некоторые

исследователи употребляют их как синонимичные. Однако стоит разобраться в значениях этих феноменов.

Как известно, научное представление о картине мира начало складываться ещё в конце XIX – начале XX вв. Одним из первых термин «картина мира» использовал Г. Герц в 1914 году при рассмотрении физической картины мира. Лауреат Нобелевской премии, основоположник квантовой физики, М. Планк, под физической картиной мира понимал некий образ мира, который формируется с помощью физики и отражает действительные закономерности, существующие в природе. Уже в 60-е гг. XX века это понятие активно использовалось в социально-гуманитарных науках, в частности в семиотике при рассмотрении первичных и вторичных моделирующих систем (языка и мифа, языка и кино и т.д.), например, в работах Р. Барта [Барт, 1989]. Знаменитый немецкий мыслитель XX века М. Хайдеггер, описывая картину мира, подчёркивал, что под данным феноменом подразумевается не изображение чего-то или кого-то, а целый мир, его суть [Хайдеггер, 1993, с. 64]. В дальнейшем понятие «картина мира» заняло одно из важных мест в терминологическом аппарате многих наук.

Идея рассмотрения феномена «языковая картина мира» в философско-лингвистическом аспекте высказана в трудах В. фон Гумбольдта, а сам термин введён в научный обиход в середине XX века неогумбольдтианцем Лео Вайсгербером. Согласно утверждениям В. фон Гумбольдта, язык существует в рамках своей особой «внутренней формы», которая обусловлена специфическим «народным духом». Благодаря этому тот или иной язык определяет особенности мировидения конкретного народа, а также формирует его картину мира. Лидер движения неогумбольдтианства в Германии, Л. Вайсгербер, разрабатывая теорию языковой картины мира, писал о том, что между человеком и действительностью лежит «посредствующий мир мышления», а также язык, который содержит и отображает представления того или иного народа о мире. В работах учёного прослеживается разработка научной триады «язык–мышление–этнос», на чём в дальнейшем будут строиться концепции многих американских лингвистов, этнологов и антропологов: Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа и др.

В конце XX – начале XXI вв. в России наметился большой интерес к дальнейшей разработке теории языковой картины мира [Апресян, 1995а; Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005, 2012; Колшанский, 1990; Серебренников, 1988; Фесенко, 1999].

В лингвистике принято различать языковую картину мира и концептуальную. Под языковой картиной мира понимают совокупность представлений о мире или схему восприятия действительности, которая исторически сложилась в обыденном сознании языкового коллектива и отразилась в языке [Василевич, 2010, с. 78; Яковлева, 1996, с. 47]. Концептуальная картина мира содержит в себе знание, выступающее как результат мыслительного отражения и итог эмпирического познания. Эти картины мира тесно взаимосвязаны. Концептуальная картина мира выступает как общее по отношению к языковой картине мира.

В отечественной лингвокультурологии активно разрабатываются несколько типов языковой картины мира: культурно-языковая картина мира, под которой понимают культурно маркированную и оязыковлённую сложную систему представлений, взглядов, образов [Ковшова, Гудков, 2017, с. 146; Никитина, 2009, с. 21; Постовалова, 2010, с. 268–269]; наивная картина мира, которую некоторые исследователи используют как синоним понятия языковая картина мира, понимая под этим образ реальности, а также совокупность знаний и представлений индивида об окружающем мире, содержащаяся в его языке и сознании [Апресян, 1995а, с. 349–351]; эмоциональная языковая картина мира [Красавский, 2001, с. 29; Шаховский, 2008, с. 240]; мифолого-религиозная языковая картина мира [Мечковская, 1998, с. 33]; универсальная и идиоэтническая языковые картины мира, общенациональная (национальная), коллективная и индивидуальная языковые картины мира [Корнилов, 2003, с. 113; Черемисина, 1995, с. 15–16].

Особо стоит отметить, что в последнее время актуальным стало изучение такого типа языковой картины мира, как региональная языковая картина мира, в связи с тем, что в некоторых науках, например, лингвокультурологии, наметился сдвиг в сторону описания социально и регионально обусловленных фрагментов

действительности. Подобные исследования помогают не только анализировать картину мира определённых субэтнических и социальных групп, но и через исследования фрагментов действительности рассмотреть целостную картину мира того или иного этноса.

Стоит отметить, что вопрос о региональной языковой картине мира как важном феномене был затронут относительно недавно [Игнатович, 2009; Краева, 2007; Малышева, 2005; Окунева, 2010; Хохлова, 2004]. На данный момент нет однозначного определения этого понятия, а также нет единой точки зрения на объём и составляющие компоненты региональной языковой картины мира. В качестве рабочего определения предлагаем следующее: под региональной языковой картиной мира мы понимаем некий фрагмент национальной языковой картины мира, который является определённым объединением тех или иных языковых средств, а также имеющий особенности в экспликации действительности, что обусловлено рядом причин: во-первых, условиями проживания социума на конкретной территории; во-вторых, ценностными установками социума; и, в-третьих, историческими, культурными и другими экстралингвистическими факторами развития того или иного региона страны [Данилевская, 2014, с. 174–175].

Ключевыми единицами региональной языковой картины мира являются лексико-фразеологические единицы, концепты, топонимы и этнонимы определённой местности [Лукиянова, Свиридова, 2009; Морозова, 2010; Сироткина, 2012]. В этих единицах отражаются представления, взгляды и знания этноса о мире, духовной и материальной культуре.

В современной лингвистике можно выделить несколько основных подходов к изучению различных типов языковой картины мира, в том числе и региональной: во-первых, *когнитивно-лингвистический подход*, представляющий собой совокупность различных способов, помогающих описывать и интерпретировать познавательные процессы, которые осуществляет индивид в целях постижения и понимания мира, а также процедуры, выстраиваемые с помощью языка как базового средства структурирования окружающего мира

[Болдырев, Магировская, 2009; Куровская, 2017]; во-вторых, *подход комплексного* (лингвокультурологического, этнолингвистического, семантического) *анализа* лингвоспецифических концептов и лексики определённого языка, так называемый метод реконструкции языковой картины мира, который представлен в работах многих современных российских лингвистов [Арутюнова, 1999; Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005, 2012; Степанов, 2004; Яковлева, 1994]; в-третьих, *когнитивно-словообразовательный подход* [Араева, 2018; Евсеева, 2010; Колесникова, 1999; Кубрякова, 1988].

Для реконструкции языковой картины мира используется несколько методов: дескриптивно-аналитический метод, который заключается в исследовании лексических, фразеологических, грамматических и стилистических средств, актуализирующих ментальную модель в устных и письменных текстах разных жанров; метод контекстуального анализа; интегративный метод, который позволяет применять данные различных социально-гуманитарных дисциплин для изучения взаимосвязи языка, культуры и человека; метод аналогии; анализ метафорической сочетаемости тех или иных слов абстрактной семантики.

Стоит подчеркнуть, что языковую картину мира следует отличать от лингвокультуры, являющейся лингвокогнитивным феноменом и формирующейся образами сознания, которые эксплицируются языковыми знаками. Языковая картина мира является лингвистическим феноменом, т.к. представляет собой сложное семантическое пространство [Красных, 2013б, с. 59–60].

Лингвокультуру и языковую картину мира верно будет соотносить как общее и частное. Вслед за Е.Ю. Бутенко мы считаем, что лингвокультура представляет собой комплексное семиотическое образование, которое реализует культурные явления и ценности в различных языковых формах. Лингвокультура строится на основе языковых картин мира, которые соотносятся со всеми временными этапами зарождения и развития языка или определённого диалекта [Бутенко, 2008, с. 324].

Разница между языковой картиной мира и лингвокультурой наблюдается и в выполняемых этими феноменами функциях. Для лингвокультуры характерно

выполнение четырёх функций: дифференцирующей, которая позволяет отличать «своих» от «чужих»; конгломерирующей, т.е. объединяющей «своих»; легитимирующей, которая придаёт тому или иному культурному феномену статус признанного, достойного, а также задаёт сообществу определённую систему ценностей, оценок; идентифицирующей, которая позволяет установить принадлежность человека или чего-либо к определённому сообществу.

Роль лингвокультуры, как пишет В.В. Красных, заключается, во-первых, в сохранении и формировании национальных и лингвокультурных объединений в процессе их развития; во-вторых, в идентификации, а также самоидентификации человека по отношению к тому или иному объединению [Красных, 2012, с. 27].

Языковая картина мира выполняет следующие функции: базовой функцией является интерпретативная функция, которая обеспечивает видение мира посредством языка; также ключевой функцией выступает регулятивная, служащая ориентиром человека в окружающем мире. Помимо перечисленных можно назвать ещё функцию именованности предметов, явлений, процессов, событий, существующих и происходящих в жизни человека; функцию социализации; функцию отнесения к определенной культуре [Гончарова, 2012, с. 402].

В лингвокультуре находит отражение не только языковая картина мира, но и ценностная, которая является важной частью языковой картины мира из-за вербализации ценностных доминант и ориентиров [Карасик, 2014, с. 65].

Ценностная картина мира отражает ценности, которые присущи тому или иному народу, субэтнической или социальной группе. Ценностная картина мира представляет собой модель осмысления тех или иных ценностей в языке. Нужно подчеркнуть, что ценности не выражены явно в тексте, кроме некоторых этических кодексов, например, Заповедей. Ценности могут быть описаны и интерпретированы с помощью лингвокультурных концептов, содержащихся в языковом сознании. В настоящем диссертационном исследовании мы придерживаемся точки зрения В.И. Карасика, который суть ценностной картины мира видит в следующем:

1) во-первых, ценностная картина мира содержит общечеловеческую и специфическую части, последняя из которых сводится к номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, классификации ценностей;

2) во-вторых, ценностная картина мира реконструируется с помощью оценочных суждений, которые можно соотнести с юридическими, религиозными и моральными кодексами и др.;

3) в-третьих, между оценочными суждениями возникают отношения ассоциативного пересечения, в связи с чем можно установить ценностные ориентиры той или иной культуры;

4) в-четвёртых, ценностная картина мира отражает важные культуруносные смыслы, ценностные доминанты, которые образуют определенный тип культуры [Карасик, 2002, с. 117–118].

Н.Д. Арутюнова считает, что ценностная картина мира включает определённый набор и иерархию ценностей, эксплицированных с помощью тех или иных оценок [Арутюнова, 1999, с. 131], под которыми понимается: «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин, 1984, с. 181]. Субъект оценивания (автор текста) выражает собственное ценностное отношение к действительности через использование различных оценочных средств [Маркелова, 1993, с. 5], среди которых особо выделяются лексико-фразеологические.

Ценность, являясь базовым понятием ценностной картины мира, представляет собой окультуренное представление о значимости мира, а также морально-нравственный идеал и ориентир в достижении той или иной цели [Ковшова, Гудков, 2017, с. 135]. Е.Ф. Серебренникова считает, что ценности характеризуются, во-первых, как представления и взгляды людей о нормах собственного поведения; во-вторых, как феномены, играющие важную роль в виде фундаментальных норм; в-третьих, как феномены, которые эксплицируют культурные смыслы; в-четвёртых, как образования, влияющие на интересы и

действия людей; и, наконец, как феномены, которые имеют специфические основания в индивиде и социуме [Серебренникова, 2011, с. 28].

В современной лингвистике существует несколько классификаций ценностей, основанием которых служит классификация оценок. В настоящем диссертационном исследовании в качестве рабочей принята классификация оценок, предложенная Н.Д. Арутюновой, согласно которой выделяется, во-первых, общая оценка, т.е. обобщённое представление о конкретном объекте, совмещающее различные его характеристики, сравнивая с принятой нормой поведения определённого этноса / социальной группы; во-вторых, три группы частнооценочных значений: сенсорные оценки (гедонистические (сенсорно-вкусовые), психологические, дифференцированные на интеллектуальные и эмоциональные оценки); сублимированные оценки (эстетические и этические); рационалистические оценки (утилитарные, нормативные, телеологические) [Арутюнова, 1988, с. 198].

Наряду с понятиями «ценность» и «оценка» в лингвистических работах часто используется понятие оценочности, под которым следует понимать способность слова или словосочетания выражать как положительные, так и отрицательные свойства того или иного объекта действительности, а также фиксировать его на оценочной шкале, определять его место в ценностном поле [Марьянчик, 2005, с. 7]. В некоторых лингвистических работах понятия «оценка» и «оценочность» используются как тождественные, однако мы придерживаемся точки зрения, согласно которой оценочность можно определить как особое свойство языковой единицы, а оценку как когнитивное действие, направленное на выделение положительных и отрицательных характеристик объекта оценивания (определение ценности объекта для субъекта) [Мельничук, 2017, с. 11].

Базовыми единицами любой ценностной картины мира являются аксиологические концепты, которые выражаются оценочными средствами языка.

Понятие региональной ценностной картины мира довольно редко встречается в работах лингвистов. Мы считаем, что специфика региональной ценностной картины мира состоит в отражении ценностных доминант

определённого сообщества людей, проживающих в том или ином регионе. Ценностная картина мира того или иного региона нашей страны, помимо русских общенациональных ценностей, таких как соборность, нелюбовь к среднему, потребность в идеалах, стремление к справедливости и пр. [Прохоров, Стернин, 2011, с. 47–59], отражает локальные ценности, которые в других, иногда даже граничащих в относительной близости районах, не встречаются или не являются ключевыми. Например, для региональной ценностной картины мира сибиряков аксиологическими концептами являются «могучий Енисей», «сибирское здоровье», «бескрайняя тайга».

В работах, в которых анализируется ценностная картина мира, используются следующие подходы: *лингвоаксиологический подход*, суть которого заключается в исследовании ценностных доминант и антиценностей той или иной лингвокультуры и картины мира [Байрамова, 2011; Иванова, 2013; Карасик, 2002]; *лингвокультурологический подход*, в рамках которого анализируются лингвокультурологические концепты, центром которых являются те или иные ценности общества [Бабаева, 2004; Слышкин, 2004]; *психолингвистический подход*, в рамках которого используются различные экспериментальные методики, чтобы, например, смоделировать поля аксиологического концепта [Красных, 2001]; *дискурсивный подход* [Картины русского мира: аксиология в языке и тексте, 2005].

Базовой функцией ценностной картины мира является аксиологическая, которая позволяет не столько определить смысл явлений и процессов окружающего мира, сколько дать им оценку. Также можно отметить нормативно-регулятивную функцию, которая помогает регулировать отношения человека с обществом в рамках принятой системы ценностей [Матвеев, 2004, с. 61–62].

Таким образом, в рамках современной отечественной лингвокультурологии выделяется несколько объектов исследования: лингвокультура / региональная лингвокультура, языковая картина мира / региональная языковая картина мира, ценностная картина мира / региональная ценностная картина мира, которые изучаются схожими методами. Было установлено, что эти понятия не

тождественны друг другу и имеют ряд отличий в функциях и языковых средствах экспликации.

1.3. Исследование лингвокультурной дихотомии «свои–чужие» в философии, литературоведении и фольклористике

Дихотомия «свои–чужие» является ключевой во многих лингвокультурах. Эта дихотомия характеризует ментальность, языковую и ценностную картины мира того или иного народа, а также отражает историю и способы взаимодействия между представителями различных этносов, что помогает регулировать отношения в межнациональных и межкультурных социумах.

Изучение лингвокультурной дихотомии «свои–чужие», которая в работах учёных может быть представлена как категория, концепт, константа, архетип, мифологема, является актуальной задачей социально-гуманитарных наук XX–XXI вв., т.к. исследование этого феномена позволяет лучше понять мировидение и мировоззрение представителей различных человеческих объединений.

В философии категория «свои–чужие» рассматривается как мировоззренческая универсалия, которая проникает в разные сферы человеческого бытия [Гуссерль, 2010; Зиммель, 1996; Левинас, 1999; Лотман, Успенский, 1982; Сартр, 2000; Хабермас, 2001].

Категория «свои–чужие» в рамках философской проблемы отчуждения подробно рассматривалась, например, в трудах К. Маркса [Маркс, 1983, 1987]. Отчуждение в рамках философии представляет собой отношения между субъектом и той или иной его функцией, которые складываются в результате разрыва изначального между ними единства, что в свою очередь ведёт к оскудению природы субъекта и различного рода изменениям природы отчуждённой функции [Философия: Энциклопедический словарь, 2004].

В социальной философии отчуждением является социальное отношение, социокультурная связь между субъектами, вышедшая из-под их контроля и

воздействия, превратившая субъектов в объекты, т.е. социокультурная связь стала самостоятельной и стала господствовать над действиями субъектов.

К.С. Илиополова, исследуя социокультурную дихотомию «свой–чужие» в рамках социальной философии, выделяет четыре модели отношения, которые позволяют понять процесс коммуникации, существующий в традиционном социуме. Во-первых, модель, которая фиксирует рассмотрение людьми «своего» мира как внешнего пространства по отношению к «чужому», выступающему, как внутренний мир. Во-вторых, модель, указывающая на факт рассмотрения «своего» мира как внутреннего по отношению к «чужому», который в данном случае выступает как внешний мир. Таким образом, «чужой» мир является символической фигурой, по отношению к которому применим монолог, а не диалог. В-третьих, модель, которая относится не к противостоянию различных социумов, а к различиям внутри только одного человеческого сообщества, территории или даже государства. В данном случае окраина, периферия и центр находятся в отношениях «свой–чужой». Данная позиция не помогает выстраивать диалог, а приводит к разрыву коммуникативных контактов. И, наконец, четвертая модель предполагает наличие единого социокультурного универсума, в котором существует различное множество «чужих», в некоторой степени выступающих, как «свои». При таком построении модели «свой» может быстро стать «чужим» [Илиополова, 2010, с. 8].

Современный представитель философской антропологии, В.В. Парцвания, интерпретирует дихотомию «свой–чужие» в качестве мировой тенденции, которая проходит поэтапный процесс, имеющий начало, развитие и результат. В центре внимания учёного находится индивид внутри себя, его внутренний мир. Одним из важных этапов процесса развития дихотомии «свой–чужие» является этап отчуждения. Согласно В.В. Парцвания, «отчуждение» представляет собой отделение человека от своего естественного образа, отдаление от природы, действительности [Парцвания, 2003, <http://anthropology.ru/ru/text/parcvaniya-vv/genealogiya-otchuzhdeniya-ot-cheloveka-abstraktnogo-k-cheloveku-konkretnomu>].

В связи с тем, что отношение между «своими» и «чужими», а также восприятие «чужих» во многих культурах является конкретизацией отношения «я» к «другому» или «другим», в работах известных отечественных философов и литературоведов XX века часто подвергается анализу категория «другие», которая рассматривается как важнейший элемент онтологии. Стоит отметить идеи М.М. Бахтина, повлиявшие на дальнейшие философские и литературоведческие изыскания отечественных и зарубежных учёных. М.М. Бахтин в первой половине XX века развивал в своих трудах концепцию о значении «другого» как важной категории для становления самосознания личности [Бахтин, 1986, с. 330]. Другой отечественный мыслитель, Ю.М. Лотман, определил границу между своей и чужой культурой, раскрыл суть процессов межкультурной и внутрикультурной коммуникации этносов. Важнейшим принципом, который положен в основание дихотомии «свой–чужие», по Ю.М. Лотману, является принцип зеркальности, который состоит в разделении мира на две части: внутреннее, которое является своим, и соответственно, внешнее, т.е. чужое. Учёный считает, что образ «чужого» нужен культуре в качестве изображения некоего хаоса, беспорядка, т.е. всего, что является противоположностью космоса, порядка. Чужой мир выступает и как пространство, куда можно поместить свои страхи, недостатки [Лотман, 1996, с. 175–176].

Во второй половине XX века, в рамках постструктурализма, феноменологии и других философских течений категорию «другой» анализировали Э. Гуссерль [Гуссерль, 2010], М. Фуко [Фуко, 2007] и др. На стыке веков концепт «другой» приобрёл актуальную до сих пор социально-политическую значимость. О категории «другой» пишут многие европейские учёные: Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2016], С. Жижек [Жижек, 2014], Э. Левинас [Левинас, 2009].

В конце XX века знаменитые французские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари задавались вопросом: «всегда ли концепт «другой» вторичен по отношению к собственному «я»? Если это так, то лишь по той причине, что концепт «другой» – «это концепт иного, субъекта, предстающего как объект, особенный по отношению ко мне» [Делёз, Гваттари, 1998, с. 27]. Для одного из

основоположников европейского экзистенциализма, Ж.-П. Сартра, «другой» ограничивался другим человеком. Главной задачей для философа было ограничить «другого», т.е. человека, от вещей, наделённых антропоморфными признаками, например, от куклы. Свою теорию о «другом» Ж.-П. Сартр развивал на материале «повседневности», т.к. «другой» непосредственно существует в этой сфере. Важным замечанием в работах философа было то, что изначально, когда в пространстве нет «другого», всё формируется и группируется вокруг собственного «я». Таким образом, «я» выступает в качестве центра и меры вещей. Однако, когда в личном пространстве возникает «другой», предметы и явления, которые были важной частью личного универсума, группируются и соотносятся с «другим». Ж.-П. Сартр делает вывод, что «другой» похищает мир у «я», т.к. личная свобода ограничена и определяется теперь размерами свободы «другого» [Сартр, 2000, с. 252–254].

Другой крупнейший европейский философ, основатель феноменологии, Э. Гуссерль, отмечал, что в конце XX столетия категория «другого» ушла из сферы чувств и перешла в пространство языка, поведения и человеческой деятельности в различных сферах. Именно тогда эта категория вытеснила «чужого» из общемирового пространства культуры и стала обозначать того, «вопреки которому я не должен поступать» [Рикер, 1998, с. 186–191].

Продолжатель идей Э. Гуссерля, Б. Вальденфельс, установил, что не только бытие «другого» может быть дифференцировано на отношения «своего» и «чужого», но и бытие «я». «Чужой», согласно мысли философа, является чем-то необычным, другим, но он не имеет собственного места, поэтому «чужой» начинается и существует во мне [Вальденфельс, 1994, с. 94].

Э. Левинас, рассматривавший категории «я» и «другой», утверждал, что индивиду нельзя заниматься только собой, быть зацикленным только на своём «я», т.к. это влечёт за собой страдания, страх смерти, одиночество, потерю власти над собой, власть объекта над субъектом. Философ считал, что индивиду необходимо установить с «другим» личностное отношение, т.е. сострадание, любовь, общение. Однако, что признавал и сам Э. Левинас, если этот путь

приведёт человека к постоянной ответственности и заботе перед «другим», то сделает «я» заложником, рабом «другого» [Левинас, 1999, с. 77–78, 88–90].

Важно отметить, что не только философы отмечают процесс трансформации категории «чужой» в «другой» или «иной». Современные отечественные лингвисты С.В. Иванова и З.З. Чанышева отмечают, что в рамках политического дискурса довольно часто происходит смена «чужого» на «другого», что «является данью политкорректности и отражает задачи современного общества» [Иванова, Чанышева, 2010, с. 83]. Как отмечает Т.В. Цивьян, концепт «другие» позволяет расширить представления о вариативном членении мира, а также уйти от стандартной бинарной шкалы оценок «хорошо–плохо» [Цивьян, 2006, с. 9]. Трансформация концепта «чужие» в «другие» происходит тогда, когда негативное отношение к определённой этнической / субэтнической или социальной группе людей меняется на толерантное. Со временем это отношение может стать и положительным, если «чужим» удастся влиться в местное сообщество того или иного региона, вне зависимости от обстоятельств, в результате которых они туда попали.

В литературоведении, помимо классических работ М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, о которых мы писали выше, исследования образов «свои» и «чужие» в художественных и публицистических произведениях связаны с возникновением имагологии. В рамках этой науки анализируется образ «чужих», либо в сравнении с образом «своих», либо отдельно от него.

Стоит отметить, что в широком смысле имагология – междисциплинарная область исследования. В разных социально-гуманитарных науках, например, в истории, культурологии, этнографии, социологии анализируются образы «чужого», как правило, образы чужой страны, этноса. Поэтому можно говорить о существовании исторической имагологии, лингвистической имагологии и т.д., в которых «чужие» исследуются с разными целями и разными методами. Литературоведческая имагология как отдельная научная дисциплина, зародилась в середине XX века во Франции в работах по сравнительно-историческому литературоведению. Во второй половине XX века литературоведческая

имагология получает бурное развитие в работах западных исследователей. Например, в трудах А. Дима. Учёный отмечает, что на образ той или иной страны, который создаётся в рамках художественного произведения, активно влияют несколько факторов: опыт проживания автора в стране, о которой тот пишет; наличие жанровых традиций и тенденций и пр. [Дима, 1977, с. 148].

Вклад в развитие литературоведческой имагологии внесла и польский литературовед М. Швидерска, которая описала пути возникновения этой дисциплины с опорой на работы Ж.-М. Мура и П. Рикёра. Также в области литературоведческой имагологии стоит отметить научные изыскания немецкого исследователя Хуго Дизеринка и отечественных учёных, таких как А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачёв, С.С. Аверинцев, которые заложили основу данной науки в отечественном литературоведении (См. об этом подробнее: [Папилова, 2011]).

В конце XX – начале XXI вв. имагология получила новый виток развития в России и на постсоветском пространстве [Колошук, 2013; Луков, 2007]. Е.В. Папилова отмечает, что образ «чужих» рассматривается в русле имагологии как определённый стереотип национального сознания, под которым понимается устойчивое и обобщенно-образное представление о «чужих». Такое представление формируется в конкретной социальной среде [Папилова, 2011, с. 31].

В фольклористике феномен «чужие» рассматривается как концепт, категория, образ. В фольклорной картине мира «чужие» предстают как опасные существа. Они связаны с архаичными представлениями человека о тех, кто приходил из другого, необжитого, опасного пространства (извне). Такое пространство воспринималось древним человеком как «чужое», а значит, опасное. К «чужим» относились не только так называемые нелюди (демонические существа, звери), но и люди (инородцы). Соответственно «чужим» противопоставлялись «свои», т.е. люди, живущие в одном месте, существующие в рамках одной культуры, говорящие на одном языке [Выходцева, 2006, с. 27–29].

Во многих работах фольклористов дихотомия «свои–чужие» рассматривается в оппозициях «дом–лес», «живой–мёртвый» и др. Эти оппозиции позволяют глубже раскрыть содержание, заложенное в дихотомии «свои–чужие». С.Е. Никитина и Е.Ю. Кукушкина пишут о том, что оппозиция «своё–чужое» лежит в основе ценностной картины мира и определяет её. Эта оппозиция является доминирующей во многих ритуалах, обрядах, например в свадебном обряде [Никитина, Кукушкина, 2000, с. 6, 26–27]. В работах В.Я. Проппа природные объекты (поле, река, лес и пр.) выступают своеобразными границами, которые разделяют «своё» и «чужое» пространство. В волшебной сказке данная дихотомия трансформируется в оппозицию «живое–мёртвое» [Пропп, 2000, с. 86].

Таким образом, исследования концептов, образов «свои» и «чужие» в рамках литературоведения и фольклористики имеют давнюю научную традицию. На современном этапе развития литературоведения образ «чужого» исследуется в русле литературоведческой имагологии.

1.4. Исследование лингвокультурной дихотомии «свои–чужие» в лингвистике

Большое внимание лингвокультурной дихотомии «свои–чужие» уделяется в таких лингвистических науках, как лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, этнолингвистика, психоллингвистика, политическая лингвистика и др.

Как считают лингвокультурологи (В.И. Карасик, В.В. Красных, Ю.С. Степанов и др.), лингвокультурная дихотомия «свои–чужие» относится к базовым явлениям лингвокультуры многих народов.

Академик Ю.С. Степанов проанализировал концепты «свой» и «чужой» как основополагающие культурные концепты (=константы). Рассмотрев имена анализируемых концептов, учёный сделал вывод о том, что они тесно связаны с самосознанием народа и стереотипами его поведения. «Свой» обозначает свободного от рождения человека с особыми привилегиями, «чужой» – более

сложное культурное явление, т.к. его значения в индоевропейских языках и русском языке расходятся. Если в индоевропейских языках «чужой» – это раб, человек, не знающий своего рода, то в русском языке, помимо того, что лексема «чужой» относится к «не своему» и «далёкому» в сфере народа, она связана, во-первых, с концептом «чудо», во-вторых, с именем народа *чудь*. Как отмечает Ю.С. Степанов, происхождение слова «чужой» в русском языке и слова «чуждый» в древнерусском и старославянском языках до сих пор не установлено [Степанов, 2004, с. 135–139].

Согласно В.В. Колесову, «свой» всегда был противопоставлен «чужому», т.к. дихотомия «свой–чужие» является одной из древнейших. «Чужое» в русской народной культуре предстаёт как некая масса, что-то неразличимое, словно чудовище, чудо. Именно поэтому концепт «чужой» может быть связан с концептом «чудо». Эта связь наблюдается в некоторых поэтических текстах, где слова «чужой» и «чудо» совпали, создавая метафоры. «Свой» же, напротив, всегда имеет человеческий облик и выступает как второе «я». «Свой» – это всегда конкретное лицо [Колесов, 1986, с. 63].

С.В. Иванова и З.З. Чанышева определили, что лингвокультурная дихотомия «свой–чужие» используется как дифференциация, благодаря которой говорящий определяет себя как отдельного индивида, а также себе подобных. Учёные делают вывод, что исследуемая лингвокультурная дихотомия принадлежит к общим категориям, которые определяют человеческое существование [Иванова, Чанышева, 2010, с. 82].

В.В. Красных рассматривает дихотомию «свой–чужие» в соответствии с культурными кодами, под которыми понимается сетка, «которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2003, с. 297–310].

Ещё один исследователь, А.Н. Серебренникова, в лингвокультурологическом ключе анализирует дихотомию «свой–чужой» на лексическом диалектном материале. А.Н. Серебренникова рассмотрела те компоненты слова, которые формируются непосредственно под влиянием

культуры, а также коннотации, содержащие семантику «чуждости» и «свойственности» [Серебренникова, 2004, с. 54–79].

Языковеды, анализируя лингвокультурную дихотомию «свой–чужие», довольно часто обращаются к фольклорным данным, чтобы выявить семантику «чуждости». В русле семантического анализа категорию «чужого» подробно рассматривает А.Б. Пеньковский, который пишет о том, что одним из базовых семиотических принципов является членение пространства на два мира – «свой» и «чужой» [Пеньковский, 1989, с. 54]. Подобной точки зрения придерживается и М.Н. Петроченко. Он утверждает, что концепт «чужие» служит для дифференциации представления мира: во-первых, есть «свой» мир, т.е. близкий, родной, и есть «чужой» мир – плохой и опасный. По мнению М.Н. Петроченко, лингвокультурная дихотомия «свой–чужие» содержится не только в сознании индивида, но и во всех сферах окружающего мира. Анализируемая дихотомия является определённым смысловым компонентом, который свойственен тем или иным классам слов, именно поэтому она реализуется в семантическом пространстве [Петроченко, 2005, с. 34–53]. Рассматривая дихотомию «свой–чужой» в семантическом аспекте, можно уточнить, что «свой» мир – это не только близкое и родное пространство, но и мир имён собственных, мир форм слов единственного числа со значением единичности, а мир «чужой» – это мир нарицательных имён множественного числа [Балясникова, 2003, с. 21]. Люди «своего» мира имеют имя, им присущи качества, которые «своими» воспринимаются положительно.

Одна из последних работ С.Е. Никитиной посвящена особенностям семантики дихотомии «свой–чужой», а также её функционированию в языке и культуре русских религиозных групп (молокан, духоборцев и старообрядцев). Для анализа были выбраны фольклорные тексты. С.Е. Никитина установила, что дихотомия «свой–чужой» в общерусских, мирских фольклорных текстах разных жанров реализуется через оппозицию «норма – не-норма», в связи с тем, что фольклорный мир представляет собой воплощение нормы, которая эксплицирована в языке. В мирских фольклорных текстах норма – это всегда

хорошо, всегда правильно и естественно. Однако иногда норма в идеальном мире, который описывается в фольклорных текстах, может претерпевать различные изменения, нарушаться. Тем не менее, она всегда восстанавливается. В сакральных фольклорных текстах такого совпадения «своего–чужого» не наблюдается. В таких текстах превалирующей дихотомией является «добро – зло», которая семантически и функционально связана с рядом других оппозиций: «своя вера – чужая вера», «свои книги – чужие книги», «своя посуда – чужая посуда» и др. Проанализировав тексты религиозной направленности трёх этноконфессиональных групп, С.Е. Никитина делает вывод, что оппозиция «свой–чужой» по существу является тернарной, т.к. между «своим» и «чужим» находится «другой», который помогает осуществлять семантическую динамику между крайними позициями [Никитина, 2017, с. 76–79, 89].

Лингвокогнитологи особое внимание уделяют проблемам концептуализации «своего» и «чужого» в языковой и ценностной картинах мира, а также определению значимости концептов «свои» и «чужие», что необходимо для понимания способов и средств функционирования того или иного языка в целом. Помимо этого, в трудах лингвокогнитологов выявляется структура и содержание концептов «свои» и «чужие», как на материале общенародного языка, так и художественной речи [Болдырев, Куликов, 2006; Лаптева, 2016; Судакова, 2005]. А.П. Бабушкин, анализируя когнитивный процесс отражения «чужого» через стереотипы, пришёл к выводу, что обращение к тем или иным стереотипам является быстрым средством осознания особенностей «чужой» культуры, что является способом экономии речевых усилий [Бабушкин, 2003, с. 26].

М.Л. Лаптева утверждает, что в качестве когнитивной категории «своё–чужое» структурирует и организует мыслительную деятельность индивида, а также отражает элементы языковой семантики, в рамках которой эксплицируется опыт человека и совокупность представлений и взглядов того или иного этноса [Лаптева, 2016, с. 8–10].

В этнолингвистике и этнопсихоллингвистике «свои» и «чужие» чаще всего рассматриваются как этнические стереотипы [Белова, 2005; Пивоев, 1998;

Толстой, 1995]. В этнопсихолингвистических исследованиях делается акцент на том, что каждый этнос формирует представление о «своём» и «чужом» согласно своему мировоззрению, основы которого были заложены предыдущими поколениями в традициях и национальных ценностях и, соответственно, отразились в этнических стереотипах о «своих» и «чужих». О.В. Белова рассматривает дихотомию «свой–чужой» как определённый рубрикатор, который используется в качестве классификации этнокультурных стереотипов. Такие стереотипы, как отмечает учёный, обладают ярко выраженной оценочностью [Белова, 2005, с. 28–30]. О.В. Балясникова пишет о том, что представление о «своём» и «чужом» может возникать и при отсутствии контактов между «своими» и «чужими», а представления в дальнейшем, в частности о «чужих», преобразуются в этнокультурные стереотипы [Балясникова, 2003, с. 31].

И.Ю. Марковина рассматривает дихотомию «своё–чужое» в рамках этнопсихолингвистического исследования «лакун», которые являются элементами как вербальных, так и невербальных аспектов чужой культуры, которые вызывают неприятие и непонимание. При этом «своё» воспринимается как правильное, естественное, хорошее. Лакуны выявляются при сравнении двух или более культур и позволяют объективно судить о степени их совместимости [Марковина, 2004, с. 59].

В этнолингвистических исследованиях содержательного плана культуры широко используется понятие семантических оппозиций («свой–чужой», «далеко–близко», «мужской–женский» и др.), относящееся к предикатам (признакам). Такие оппозиции являются парами альтернативных признаков, противопоставляющих большое количество различных предметов, которые наделены этими признаками. В основе каждой оппозиции, которые содержатся в языке культуры, есть оценка: положительное противопоставлено отрицательному, полезное сравнивается с бесполезным и т.д. В связи с этим, предикатные оппозиции могут приравниваться друг к другу, а также образовывать равнозначные ряды и отождествляться. Например, семантическую оппозицию «свой–чужой» можно рассматривать сквозь призму оппозиций «мать–мачеха»,

«отец–отчим» в зависимости от культурного и языкового контекста [Толстая, 2013, с. 115–116, 119].

Е.Л. Березович анализирует оппозицию «свои–чужие» сквозь призму языкового моделирования пространственных отношений в русской народной языковой традиции, главным представителем которой является русский крестьянин. Объектом исследования выступают культурные коннотации различных прецедентных географических названий. В результате исследования Е.Л. Березович удалось установить, что географическое пространство в русской народной языковой традиции делится на два пояса: микромир (соседние деревни, холмы, дороги и пр.) и макромир, под которым следует понимать «чужие» земли, как правило «заморские страны» и большие города. В народной языковой традиции названия (топонимы) «своих» земель являются коннотативно нагруженными, т.к. они включены в хозяйственную деятельность, буквально освоены человеком. Соответственно «чужие» земли не освоены в хозяйственном плане, поэтому топонимы «чужого» пространства не получили яркие характеристики в языке русских крестьян и не были коннотативно нагружены. Это связано с тем, что русский крестьянин был ограничен в передвижениях, существовал в монопольной и монокультурной средах. Реалии чужого мира и чужой культуры воспринимались как экзотизмы [Березович, 2007, с. 176–177, 182–183].

В рамках психолингвистики изучение дихотомии «свои–чужие» осуществляется, как правило, на базе ассоциативных экспериментов и анализируется с позиции так называемой теории стереотипизации [Этнокультурная специфика языкового сознания, 1996; Языковое сознание и образ мира, 2000]. В рамках психолингвистических исследований лингвокультурная дихотомия «свой–чужой» понимается как абстрактная оппозиция отношений противопоставления, которые строятся по принципу принадлежности / непринадлежности, причём в самом широком понимании этого принципа. Данная дихотомия служит для проведения реальной / виртуальной (мысленной) границы между «своим», освоенным пространством и «чужим». Тот

или иной индивид проходит социализацию, приобретает знания и опыт в «своём» мире, т.е. в «своей» лингвокультурной среде. Эта лингвокультурная среда даёт индивиду понимание и представление о том, что всё, что он приобрёл в рамках «своего» мира является естественным, вписывается в рамки общественной нормы, морали, определённых правил поведения. Также «свой» мир показывает образ «чужого» мира, чаще всего без непосредственной связи с «чужим» миром. Таким образом, дихотомия «свой–чужие» является важной составляющей образа окружающего мира в сознании человека [Балясникова, 2003, 2016; Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977].

В коммуникативистике через дихотомию «свой–чужие» анализируются модели поведения в человеческом сообществе и конструируются формы построения своей и чужой речи, а также изучаются типы взаимоотношений, которые возникают непосредственно в процессе коммуникации. Базовым или ядерным языковым явлением, по мнению Н.В. Максимовой, в дихотомии «свой–чужие» является феномен чужой речи [Максимова, 2005, с. 96].

Е.Ю. Кислякова рассматривает категорию «инакости», которая тесно сопряжена с феноменами «свой», «чужие» и «другие». Исследователь определяет, что категория «инакости», являясь ключевой коммуникативной категорией, проявляется в процессе коммуникации с конкретной значимой особенностью. Стоит отметить, что «инакость» позволяет расположить «другого», «иного», «чужого» и «своего» к тому или иному совместному физическому и ментальному действию, например, к трудовой деятельности, к сопереживанию, к разделению интересов и взглядов и т.д. [Кислякова, 2012а; 2012б].

В теории межкультурной коммуникации концепты «свой» и «чужие» также являются одними из ключевых объектов научных исследований. О проблеме «чужого» и «чуждости» в рамках данной науки писали многие отечественные и зарубежные учёные [Детинко, Куликова, 2017; Йокояма, 2001, 2003; Наместникова, 2003; Трегубова, 2008].

Ю.И. Детинко, Л.В. Куликова в своей работе отмечают, что «чужое» не является объективной категорией, т.к. оно чуждо конкретному человеку. Учёные

считают, что никто не является «чужим» раз и навсегда. Речь идёт о внутренней динамике в восприятии «чужого», особенно в повседневной культуре. Также учёные рассматривают представления о «чужих» в монокультурном и межкультурном пространствах, разграничивая отношения к «ближнему чужому» (т.е. «чужой», который находится в той же лингвокультуре, что и адресант) и «дальнему чужому» (т.е. «чужой» находится за пределами лингвокультуры, к которой принадлежит сам адресант) [Детинко, Куликова, 2017, с. 28–31]. В теории межкультурной коммуникации многие исследователи отмечают, что сквозь призму данной дихотомии представители различных народов выстраивают взаимоотношения как внутри собственного человеческого сообщества, так и с другими этносами. Помимо этого они формируют собственное восприятие всего окружающего мира.

В политической лингвистике дихотомия «свои–чужие» за последние несколько лет приобрела статус одного из центральных объектов исследований, поскольку этому способствуют многие экстралингвистические факторы, вызванные чаще всего напряжёнными отношениями между странами. Н.А. Красильникова пишет о том, что дихотомия «свои–чужие» в политическом дискурсе является одной из базовых. Учёный определяет, что прагматический смысл большинства политических конфликтов, которые происходят внутри многих государств и во взаимоотношениях между государствами, связан в первую очередь с завоеванием доверия адресата (потенциального электората) путем интеграции своих, дискредитации чужих и созданием той или иной идеологической картины мира в сознании избирателя [Красильникова, 2005, с. 57–68].

Е.А. Баженова и И.В. Мальцева считают, что дихотомия «свои–чужие» используется в политическом дискурсе для создания имиджа политика. Данная дихотомия является результативной коммуникативной тактикой в предвыборной гонке, т.к. эта дихотомия является глубоко архаичной ментальной структурой. Такая структура доступна и понятна большому количеству электората, поэтому её

и используют довольно часто в современной политике для создания имиджа политического кандидата [Баженова, Мальцева, 2009, с. 28–30].

В политической лингвистике также рассматриваются приёмы, использующиеся для речевой реализации дихотомии «свои–чужие»: например, разделение на основе символов Добра и Зла, популярный приём – «навешивание ярлыков» и т.д. Е.А. Баженова и С.А. Лапчева отмечают, что дифференциация на «своих» и «чужих» является очень распространённым приёмом политической борьбы [Баженова, Лапчева, 2003, с. 18–19]. В политической лингвистике анализ концептов «свои», «чужие», а также дихотомии «свои–чужие» отражён в работах П. Канчани, Е.В. Кишиной, М.В. Новиковой-Граунд, А.М. Нехорошевой и др.

В зарубежной лингвистике научные изыскания в области дихотомии «свои–чужие» проводятся преимущественно в русле когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа [Hurt, 2014; Fairclough, 1992; vanDijk, 1997; Wodak, 1996]. В большинстве работ Т.А. ван Дейка анализируется идеологический дискурс и его важные компоненты: положительные черты «своих» и отрицательные черты «чужих». Учёный подробно анализирует средства и способы функционирования стратегий и тактик, которые применяются при создании образов «своих» и «чужих» в западных СМИ, а также манипулятивные стратегии, использующиеся в прессе [Dijk, 1997]. Ч. Бриггс и Р. Бауман рассматривают дихотомию «свои–чужие», опираясь на те же методы и тот же терминологический аппарат, что и Т.А. ван Дейк [Bauman, Briggs, 2003].

Таким образом, удалось установить, что лингвокультурная дихотомия «свои–чужие» является одним из главных объектов исследования во многих науках: лингвокультурологии, этнолингвистике, когнитивной лингвистике, психоллингвистике, теории межкультурной коммуникации, политической лингвистике и др. Анализ лингвокультурной дихотомии «свои–чужие», особенностей структуры и содержания концептов «свои» и «чужие» может быть ключом к пониманию особенностей лингвокультуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Особенности национальных и региональных лингвокультур находятся в центре внимания многих отечественных ученых. В последние годы внесён большой вклад в теоретическое осмысление феномена лингвокультуры, специфику которого можно выявить в сопоставлении с языковой и ценностной картинами мира. В основу настоящего исследования положена идея о том, что региональная лингвокультура – это особый целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, который формируется различными национальными культурными кодами и субкодами, например, мифологическим, бытовым и другими, а также пространственными координатами, ценностными доминантами и социокультурным опытом местного сообщества, проживающего в том или ином регионе. Традиционная (старожильческая) региональная лингвокультура транслируется через устные тексты разных жанров, которые являются источниками исследования в настоящем диссертационном исследовании.

Анализ близких по проблематике научных работ показал, что лингвокультура, языковая и ценностная картины мира имеют ряд отличий:

1) языковая и ценностная картины мира соотносятся с лингвокультурой как частное и общее;

2) лингвокультура является лингвокогнитивным феноменом, а языковая картина мира представляет собой сложно устроенное семантическое пространство, т.е. лингвистический феномен;

3) лингвокультура формируется образами сознания, овнешнёнными в языке, а языковая картина мира языковыми единицами;

4) доминирующими функциями языковой картины мира являются интерпретативная, регулятивная, номинативная функции, а также функция социализации; доминирующими функциями ценностной картины мира являются аксиологическая, нормативно-регулятивная функции; лингвокультура выполняет

базовые дифференцирующую, конгломерирующую, легитимирующую, идентифицирующую функции.

Важной составной частью концептосферы региональной лингвокультуры являются концепты «свои» и «чужие».

Аналитический обзор работ, выполненных в рамках различных социально-гуманитарных наук, а именно философии, литературоведения и фольклористики показал, что в **философии** дихотомия «свои–чужие» понимается как мировоззренческая универсалия, которая проникает в разные сферы человеческого бытия. В работах многих философов XX–XXI вв. рассматривается также дихотомия «свои–другие», «свои–иные». В **литературоведении** концепты «свои» и «чужие» изучаются как стереотипные образы национального сознания. Во многих литературоведческих исследованиях, выполненных на основе идей и концепций философских трудов отечественных и зарубежных учёных, также рассматривался образ «других», как важнейший элемент художественной картины мира. В **фольклористике** феномен «чужие» трактуется как концепт, категория и образ. В фольклорной картине мира «чужие» являются опасными существами (звери, демонические существа и инородцы), т.к. связаны с древнейшими представлениями человека о тех, кто приходил из другого пространства, которое воспринималось как чуждое и опасное.

Большое внимание соотношению лингвокультурной дихотомии «свои–чужие» уделяется и в различных отраслях современной лингвистики: в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, этнопсихолингвистике, коммуникативистике (теории межкультурной коммуникации, политической лингвистике) и др. Большинство специалистов единодушны во мнении, что лингвокультурная дихотомия «свои–чужие» представляет собой архаичную базовую социокультурную оппозицию многих народов, т.к. она тесно связана со стереотипами поведения и самосознанием людей.

Оппозиция «свои–чужие» находит яркое воплощение и в художественных произведениях, и в фольклорных текстах, и в разговорной речи. Лингвисты

рассматривают не только дихотомию «свой–чужие» и отдельно концепты «свой» и «чужие», но и концепты «другие» / «иные». Исследователи в области коммуникативистики считают, что категория «инакости» («иные») является одной из основных коммуникативных категорий и часто репрезентируется в процессе коммуникации. Этнолингвисты, анализирующие тексты религиозной тематики, также приходят к выводу, что оппозиция «свой–чужой» во многих случаях является контрарной: свой–другой–чужой.

Таким образом, можно сделать вывод, что дихотомия «свой–чужие» является важным лингвокультурным феноменом. Это связано с тем, что в основе коллективного и этнического мироощущения лежит один из базовых законов диалектики – закон единства и борьбы противоположностей (добро–зло, свой–чужие и т.д.).

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МЕГАКОНЦЕПТА «СВОИ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

2.1. Влияние культурных кодов на структуру и содержание мегаконцепта «свои»

В задачи главы входит анализ структуры и содержания мегаконцепта «свои». Исследование предваряет параграф, в котором рассматривается влияние кодов культуры на структуру исследуемого мегаконцепта.

Под культурным кодом вслед за В.В. Красных мы понимаем «сетку», которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют” [Красных, 2003, с. 297–298]. Важнейшим культурным кодом является кровнородственный код культуры (архетипы рода, «родной крови»). Он обусловил формирование в структуре мегаконцепта «свои» таких лингвокультурных концептов, как «родня», «семья» и их субконцептов («отец», «мать», «бабушка» и т.д.). Анализ этой зоны мегаконцепта «свои» требует глубокого и всестороннего анализа, который бы значительно увеличил объём исследования. Поэтому наше внимание привлёк ещё один, не менее значимый культурный код – пространственный (код, соотносимый с архетипом «родной земли», «своего» и «чужого» пространства). Пространственный код позволяет структурировать окружающий мир и расположенные в нём субъекты и объекты с позиции их локализации. Именно пространственный культурный код повлиял на формирование лингвокультурных концептов «сибиряки», «ангарцы». Пространственный и социальный культурные коды повлияли на формирование лингвокультурного концепта «деревенские».

Графически мегаконцепт «свои» можно изобразить в виде структуры концепта-гештальта:

Схема 1. Структура мегаконцепта «свои» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья

Данная схема носит открытый характер, т.к. на формирование и состав мегаконцепта «свои» могут влиять разные культурные коды. В данной диссертационной работе мы подробно рассматриваем влияние пространственного и социального культурных кодов на структуру исследуемого мегаконцепта.

На формирование структуры и содержания мегаконцепта «свои» большое влияние оказали различные экстралингвистические факторы, прежде всего история заселения Северного Приангарья, которая связана с приходом русских засельщиков Сибири на Нижнюю Ангару для сбора ясака с тунгусоязычных родоплеменных групп в первой трети XVII века [Баташев, Макаров, 2015, с. 15–16].

Первоначально берега Ангары заселяли свободные переселенцы – крестьяне-поморы из северных губерний России (архангелогородцы, устюжане и др.). Русских засельщиков Сибири XVII–XVIII вв., а также их потомков в Северном Приангарье принято называть старожилами (русские старожилы, сибирские старожилы), а культуру – старожильской.

Постоянное потомственное старожильческое население Северного Приангарья сложилось к середине XVIII века. В конце XVIII – большей части XIX вв. на территорию Сибири прибывают крестьяне и служащие-чиновники – добровольные (вольные) переселенцы из Европейской части России.

Культуру, которая сформировалась уже после первой трети XVIII века, вполне можно назвать позднестарожильской. Она характеризуется слиянием устоявшейся старожильской культуры засельщиков Сибири с традициями и привычками, которые привнесли переселенцы, однако эти традиции растворялись в культуре русских старожилов.

Большинство переселенцев старались найти место жительства именно в старожильческих поселениях, т.к. старожилы активно помогали в обустройстве и поиске работы. Старожилами быстрее всего становились самые трудолюбивые и усердные переселенцы.

Ситуация начинает меняться в конце XIX – начале XX вв., когда на территорию Северного Приангарья прибывают новопоселенцы. С этого времени помимо старожильской, начинает активно развиваться и новопоселенческая культура (См. об этом подробнее [Новосёлова, 2004]). Новопоселенческая культура отличалась от старожильской.

К концу XX – началу XXI вв. на территории Северного Приангарья сложились два культурных слоя: старожильский и новопоселенческий. Столкнувшись, два разных типа культуры неоднородно влияли друг на друга. В некоторых поселениях, где было равное количество старожилов и новопоселенцев, складывался особый симбиоз культур, уживались традиции народной культуры, сохранившиеся в старожильческом социуме и новые, трансформировавшиеся, которые принесли с собой переселенцы из Европейской части страны. В других поселениях всё зависело от количественного состава жителей: в деревнях, где проживали в основном русские старожилы, превалировала старожильская культура. В новых поселениях, освоенных переселенцами, развивалась новопоселенческая культура.

Далее подробно рассмотрим структуру и содержание лингвокультурных концептов, входящих в мегаконцепт «свой».

2.2. Лингвокультурный концепт «сибиряки»

Лингвокультурный концепт «сибиряки» занимает одно из центральных мест в концептосфере традиционной ангарской лингвокультуры.

Именем исследуемого лингвокультурного концепта является слово *сибиряк*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *сибиряк* имеет значение: «житель, уроженец Сибири» [Даль, Т.11, с. 74]. В современных толковых словарях русского языка данная лексема имеет сходное значение: «житель или уроженец Сибири» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>; Ожегов, 2006, с. 703].

Анализ приведённых дефиниций слова *сибиряк* позволяет выделить два понятийных признака в содержании исследуемого лингвокультурного концепта:

- 1) родившиеся в Сибири;
- 2) проживающие в Сибири.

Анализ устных текстов о сибиряках показал, что в содержании исследуемого концепта можно выделить пять базовых концептуальных признаков:

а) потомки поморов, переселившихся в Сибирь в конце XVI – первой пол. XVIII вв.: *Сибиряки – это русские старожилы, это люди, это поморы, которые осваивали новые земли, чтобы жить, чтобы передавать своим детям, внукам то, что они делали, то, что они создавали* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП];

б) люди, проживающие на востоке страны за Уралом: *Я думаю, что сибиряки – это другие люди, которые живут с той стороны Урала* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП];

в) люди, проживающие в Красноярском крае и Иркутской области:

[– Где проживают сибиряки? В каких границах? – Собир.]

– *Красноярский край, Иркутская область, где-нибудь вот эти* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП];

г) люди, родившиеся и прожившие всю жизнь в Приангарье: *Которые всю жизнь прожили на Ангаре, всю жизнь. Родились и там жили* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП];

д) устойчивая общность людей, образовавшаяся в результате формирования общности их территории, экономических и культурных связей: *Во-первых, сибиряки – это нация. Вот как ни крути, а сибиряки – это нация. Вот я приведу вам один маленький пример. У меня был один знакомый, крымский татарин, который прошёл всё: Крым, работал в Крыму, работал в Москве, и вдруг он познакомился с сибирячкой. Приехал сюда, здесь жил. И он сказал мне, уезжая обратно в Крым, потому что жене дали, когда Крым стал нашим, она тренер по гимнастике, её по распределению туда, и он поехал. Он не хотел отсюда уезжать. Он говорил: «Николай (а мы с ним одного года), гордись, что ты, – говорит, – сибиряк. Что в Крыму, – говорит, – что в Москве, люди уже... там уже загнивает всё. А здесь, здесь, – говорит, – самые настоящие люди». И говорит: «Сын у меня родился здесь. И он у меня щас сибиряк».*

Мы с ним созваниваемся оттуда, он живёт в Севастополе. Вот будет там празднование Дня Победы, приглашает. У меня в честь освобождения Севастополя песня есть написанная. Он обалдел, когда я пропел ему.

Так что я считаю, что человек со стороны – ему виднее, что вот так, в самом деле, нация. А ведь в Сибири, когда наши предки жили, мой дед всегда говорил: «У них, паря, там в Россее, круговня идёт. У нас-то тут в Сибири всё нормально, тихо и спокойно». Всё, вся муть, мол, оттудова (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП].

Как показал анализ устных текстов о сибиряках, наличие образного слоя в лингвокультурном концепте определяется типом дискурса: в устном диалектном

дискурсе не содержатся образные признаки, но они представлены в письменном дискурсе. Такие данные были получены в результате лингвистического эксперимента, в рамках которого испытуемым было предложено закончить фразу «Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают следующие картины и образы...». Анализ полученных материалов показал, что испытуемые описали в основном внешность сибиряков, на этих описаниях лежит «густая тень» стереотипов: *В холодные зимы ходят в тёплых одеждах: тулупах, валенках, ушанках; Сибиряки – народ, который заботится о покупке тёплой одежды на зиму, т.к. холода – это не редкое в нашем регионе явление. Жители Сибири много средств тратят на то, чтобы хорошо утеплиться; Когда я думаю об образе сибиряка, я всегда представляю перед собой плотного телосложения человека, одетого в ватную куртку и валенки, всегда с красными, как рябина, щеками; Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают следующие картины и образы: передо мной стоит мужчина ростом примерно 1 метр и 70 сантиметров в тёплой шубе, шапке и валенках. У него густая борода и накаченное тело. По его выражению лица видно, что он замёрз и устал от работы. Рядом с ним стоит женщина более низкого роста, также в шубе и валенках, но без шапки, в капюшоне. Рядом бегают двое детей и играют в снежки с медведем; Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают картины и образы могучих мужчин и женщин, которые выходят в 40 градусный мороз из своих изб в пуховиках и отправляются в лес за дровами; Типичный сибиряк – это бородатый мужик с топором верхом на медведе; Женщины сибирячки в первую очередь у меня ассоциируются со старушкой лет 70-ти: не слишком старой, живой, словно она в расцвете своих сил и представляет себя молодой.*

Приведённые примеры позволяют сделать вывод, что наиболее часто при создании перцептивных образов испытуемые указывали на то, как одеваются сибиряки (преимущественно в *тёплые одежды*). Автостереотипные представления сибиряков опираются на элементы национального обыденного и отчасти на элементы мифологического сознания.

Стоит отметить, что при описании сибиряков респонденты используют различные образные средства языка, такие как:

а) сравнительные обороты: *Это сильные мужчины, с телосложением, подобным спортсменам-атлетам; Они немногословны, возможно, даже угрюмы. Настоящие сибиряки огромные, сильные и монументальные. Их силу и габариты можно сравнить с медвежьими;*

б) метафоры: *Сибиряки – это сердце России; Сибиряки – соль Земли; Сибирская душа заснежена и необъятна, а люди с этой душой просты и неспешны.*

Приведённые сравнения и метафоры повторяют газетно-публицистические штампы, в которых сибиряки представлены как люди, на которых держится Россия, как настоящие, простые люди с необъятной душой.

В ценностном слое лингвокультурного концепта «сибиряки» преобладает зона положительной оценки, представленная такими типами оценок, как этическая, нормативная и эстетическая. Данные типы нами выявлены с опорой на классификацию Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988, с. 198]. В устных текстах о «сибиряках» перечисленные оценки эксплицированы оценочными прилагательными:

а) этическая оценка: *Приехала на Ангару когда, ну, женщины здесь, люди... сибиряки хорошие, понравились мне, гостеприимные, чистоплотные, добрые, всё* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП];

б) нормативная оценка: *Сибиряки трудолюбивые, да, да* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП];

в) эстетическая оценка: *Сибиряк крепкого сложения должен быть в общем-то. Потому, как он где живёт* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП].

Встречаются контексты, в которых информанты дают сразу несколько положительных оценок, как, например, в этом фрагменте интервью:

[– Как вы себе представляете сибиряка? – Собрив.].

– *Сильного, смелого, здорового, весёлого, добродушного.*

[– *Здоровый*, что значит в вашем представлении? – Сибир.].

– *Это по здоровью просто, по здоровью* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП].

В данном случае коренной ангарец оценивает и этические качества сибиряка (*добродушный, весёлый, смелый*), и даёт его нормативную характеристику (*сильный, здоровый*).

В некоторых текстах дана амбивалентная оценка сибиряков: *Сибиряки, ну, мы привыкли воспринимать самих, хотя мы сами сибиряки, что мы разухабистые, мы такие открытые, мы выпивохи, горлопаны, в душе немного простоватые. На самом деле, наверно, какая-то в этом толика есть* (Бг.: Иркинеево, 2017) [ЭТКЛСП]. Анализ свидетельствует, что:

1) положительно оцениваются этические качества сибиряков, которые эксплицируются оценочными прилагательными: *открытые*;

2) отрицательно оценивается поведение сибиряков, с помощью приведения существительных с отрицательной коннотацией: *горлопан (сниж.)*, т.е. «тот, кто выражает своё недовольство, несогласие криком, кто говорит очень много, громко и попусту, не слушая собеседника» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>], а также *выпивоха (разг.-сниж.)* – «любитель выпить; пьяница» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>].

3) приводится амбивалентная оценка сибиряков в таких выражениях, как *мы разухабистые*; с одной стороны, разухабистый человек – это человек удалой, смелый, а с другой стороны, разбитной человек; а также используется выражение *в душе немного простоватые*, что может означать бесхитростного человека, но вместе с тем слишком наивного.

Данные, полученные с помощью методики дописывания фразы «Когда я думаю о сибиряках, передо мной возникают следующие картины и образы...», позволили уточнить особенности ценностного слоя лингвокультурного концепта «сибиряки». Испытуемые для описания сибиряков использовали в основном морфологические средства языка (преимущественно оценочные прилагательные),

которые выражают разные типы оценок и формируют зону положительной оценки ценностного слоя.

Во-первых, выделим контексты с **этической оценкой**, в которых сибиряки характеризуются как люди:

а) суровые (данная характеристика сформирована стереотипными представлениями испытуемых о людях, на которых повлияла суровая сибирская природа): *Я их представляю как людей **суровых**, так как живут в тяжёлых условиях холодной, суровой Сибири; Все сибиряки схожи в **суровости**, может быть, холод сильно действует на характер и прививает подобную модель поведения; Ну, во-первых, Сибирь – довольно холодное место. Именно поэтому с ней ассоциируются **суровые люди**; Я вижу **суровых мужчин**, не боящихся проблем;*

б) душевные: *Единая группа людей, которая имеет какую-то **душевную связь**, которая проявляется в умении помочь друг другу. И вообще я считаю, что сибиряки являются лучшим отражением человечности в нашем мире; Некоторые из сибиряков имеют **особый духовный склад**; Сибиряки **полны и сильны духом**;*

в) скромные: ***Скромны**, но могут быть **агрессивны и ворчливы**, когда им что-то не нравится (в данном примере сибиряки характеризуются и с положительной, и с отрицательной стороны); Такие люди **скромны**, не любят сильно выделяться;*

г) дружелюбные: *Я думаю, что это **дружелюбные, хорошие** люди; Это **дружелюбный** народ, который может помочь в любую минуту. Они уважают культуру и традиции своей страны; Всем прекрасно знакомо **гостеприимство и дружелюбность** сибиряков вне зависимости от того, живут они в городской среде или же в деревенской среде;*

д) добрые и вольные: ***Вольные** мужчины <...> они бывают либо **наивно добрые**, либо **неоправданно агрессивны**; девушки же наоборот: **добры и наивны**, либо **корыстны** (в данном примере испытуемые дают как положительную, так и отрицательную характеристику сибиряков); Я вижу **милых добродушных женщин средних лет**.*

Во-вторых, стоит отметить контексты с **нормативной оценкой**, в которых сибиряки преимущественно характеризуются как люди:

а) выносливые и сильные: *Они **выносливые** – готовы приспособиться к любым условиям жизни. Высокий уровень взаимовыручки; Люди с **закалённым, твёрдым и решительным характером**; Жителей Сибири я вижу как **сильных и выносливых** людей; Люди, привыкшие к преодолению трудностей, воспринимают испытания как что-то само собой разумеющееся. Знал одного дачника, который в своём пожилом возрасте занимался огородом, размером с небольшой дачный кооператив. Люди изначально существовали в трудных условиях, что впоследствии позволило им быть **более сильными**; Люди с **крепким здоровьем, закалённые** морозами родного региона. Люди **крепкие, люди стойкие**;*

б) трудолюбивые: *Сибиряки – это **самый трудолюбивый народ**, который способен осилить любые трудности и достичь успехов во всех делах; Жители Сибири также известны своим **трудолюбием**.*

Среди единичных характеристик, которые были приведены испытуемыми, стоит выделить те, в которых сибиряки описываются как люди самостоятельные: *мы, сибиряки, люди **простые**, не боимся трудностей в жизни; мы не затянуты в какую-то яркую, шумную жизнь, как в центре; мы **самостоятельны**.*

В-третьих, можно выделить контексты с **интеллектуальной оценкой** сибиряков: *Являются достаточно **образованными** людьми; Сибиряк может быть **культурным и образованным**.*

В некоторых текстах в противопоставлении приводится положительная и отрицательная оценка сибиряков: ***Немного подавленные, угрюмые, но добрые и сильные внутри люди, заботящиеся друг о друге. Могут выстаивать некоторые сложности, жизненные трудности.** Оценка в данном контексте приводится с помощью оценочных прилагательных: **подавленные, угрюмые, добрые, сильные.***

Отметим и единичные отрицательные оценки: *Хмурые и безэмоциональные взрослые; Злые лица, холод и безразличие в глазах; Злые люди, достаточно замкнуты.*

Для расширения эмпирической базы исследования с целью характеристики образного и ценностного слоёв исследуемого лингвокультурного концепта был проведён свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *сибиряк*. Были получены ассоциаты, которые отражают особенности понятийного, образного и ценностного слоёв анализируемого концепта.

Анализ полученных данных позволил расширить сведения о содержании понятийного и образного слоёв лингвокультурного концепта «сибиряки», а также получить новые данные об особенностях ценностного слоя. Испытуемые на слово-стимул *сибиряки* привели следующие типы ассоциативных реакций:

а) реакции-пояснения, которые актуализируют ассоциацию, связанную с местом рождения сибиряков: *люди, родившиеся в Сибири (15); коренные (8); родившиеся в сибирских сёлах и городах (4);*

б) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Сибири: *люди, живущие в Сибири (26); жители Сибири (17); люди, проживающие в Сибири (15); люди, которые проживают в Сибири (7); Сибирь (6); люди из Сибири / с Сибири / в Сибири (6); живут в Сибири (5); те, кто живёт в Сибири (3); жители сибирских городов и поселений (2);*

в) реакции-пояснения, указывающие на проживание сибиряков в Северном Приангарье: *ангарцы (6); живут в Козинске (3);*

г) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северу: *люди, живущие на Севере (6); жители северных районов (2);*

д) реакции, актуализирующие представления о погодных условиях Сибири: *холод (10); морозы (8); зима (3); привыкли к сильному морозу (2); привыкли к холоду и постоянным заморозкам (2); проживающие в резко континентальном климате (1); готовые к морозу (1); устойчивы к морозам (1); живущие в холодном климате (1); которые живут в холодном климате (1); те, которые живут в более суровых условиях (1);*

е) реакции, которые актуализируют стереотипные представления об образе сибиряков: *ходят в шубах* (3); *люди, которые тепло одеваются* (2); *это люди, которые тепло одеты* (2); *люди, которые умеют тепло одеваться* (1).

Наряду с приведёнными выше ассоциациями, были приведены и оценочные реакции, представленные прилагательными, которые эксплицируют разные типы оценок:

а) этическую оценку: *счастливые* (2); *дружные* (1); *добрые* (2); *позитивные* (1);

б) нормативную оценку: *сильные* (4); *выносливые* (2); *смелые* (1); *трудолюбивые* (1); *самостоятельные* (1);

в) эстетическую оценку: *крепкие* (8);

г) интеллектуальную оценку: *умные* (2).

Помимо положительных оценочных реакций, были приведены ассоциаты, которые выражают амбивалентное отношение испытуемых к сибирякам: *суровые* (3) – твёрдые и непреклонные люди, не знающие снисходительности как к себе, так и к другим.

Таким образом, было установлено, что структура лингвокультурного концепта «сибиряки» состоит из трёх слоёв: понятийного, образного и ценностного. На материале устных текстов и интервью коренных ангарцев, а также данных лингвистического и ассоциативного экспериментов было проанализировано содержание и рассмотрены особенности языковых средств, вербализующих эти слои.

2.3. Лингвокультурный концепт «ангарцы»

Лингвокультурный концепт «ангарцы», входящий в структуру мегаконцепта «свои», включает представления, знания и оценки о людях, которые проживают на территории Северного Приангарья, а именно о жителях «своего» района – Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края.

Именем лингвокультурного концепта «ангарцы» является слово *ангарец*. В существующих словарях названий жителей различных мест данная лексема отсутствует. Слово *ангарец* зафиксировано в «Словаре русских говоров северных районов Красноярского края» со значением «человек, родившийся и всю жизнь проживший на Ангаре» [СРГСРКК, 1992, с. 25], а также в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой: «коренной житель селения, расположенного на р. Ангаре» [СГРСБС, Т. 1, с. 342]. Анализ приведённых дефиниций слова *ангарец* позволяет выделить три понятийных признака в содержании данного концепта:

- а) родившиеся в населённом пункте, расположенном на р. Ангаре;
- б) всю жизнь прожившие в населённом пункте, расположенном на р. Ангаре;
- в) коренные жители (исконные, основные и постоянные; обычно о жителях определённой местности).

В живой устной речи коренных ангарцев используется контекстуальный синоним к слову *ангарец* – *чалдон / челдон*: «*Вот нас в деревне называют чалдоны. Обычный, вот коренной, как я. Могут меня назвать чалдоном*» (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; «*Вот я челдон, у меня мама моя челдонка, чистокровная сибирячка мать*» [СГРСБС, Т. 20, с. 144]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова слово *чалдон* имеет дефиницию «коренной житель Сибири» (с пометой *народно-разговорное*) [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]. Согласно «Этимологическому словарю русских диалектов Сибири» А.Е. Аникина, *чалдонами* в сибирских говорах называли «коренных жителей Сибири» [Аникин, 2000, с. 320]. В некоторых переносных значениях слова *чалдон* присутствует также компонент оценочности: «назв. старожилов Сибири, первых поселенцев и их потомков. В Приенисейском крае дополнительное значение: упрямый, здоровый человек» [Самотик, 1998, с. 676].

Анализ устных рассказов и интервью русских старожилов Северного Приангарья об «ангарцах» показал, что в понятийном слое лингвокультурного концепта «деревенские» выделяются два базовых концептуальных признака:

1) те, кто с рождения проживают в населённом пункте, расположенном в Северном Приангарье:

[– Какого человека можно назвать ангарцем? – Собр.].

– *Кто с рождения здесь* (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП];

2) те, кто длительное время проживают в населённом пункте, расположенном в Северном Приангарье: *Ну, есть различия, или коренной, что твои корни ушли глубоко, что пра-пра-пра все были на Ангаре, или ты приезжий, но ты здесь живёшь, всю жизнь прожил – тоже ангарец. Хоть не коренной, но уже ангарец будешь, если всю жизнь живёшь* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП].

Анализ образного слоя лингвокультурного концепта «ангарцы» был проведён в результате лингвистического эксперимента, в рамках которого коренные ангарцы должны были закончить фразу «Когда я думаю об односельчанах, передо мною возникают следующие картины и образы...». Анализ показал, что при описании ангарцев испытуемые преимущественно использовали перцептивные лексемы, описывающие ангарцев: *Ангарцы обладают какой-то суровой красотой.*

В ценностном слое лингвокультурного концепта «ангарцы» преобладает зона положительной оценки. В устных текстах об «ангарцах» оценка выражена морфологическими средствами языка, в первую очередь оценочными прилагательными и наречиями, которые эксплицируют три типа оценок:

а) общую оценку: *А я по всём Ангаре жил. И в Заимке жил, и в Дворце, но большинство в Дворце жил, и на Косом Быку жил, ну, кто где пригреет <...> А люди-то как были! Хорошие* [СГРСБС, Т. 13, с. 175];

б) этическую оценку: *Они же скромные* <коренные ангарцы>, *они не будут ведь так вот болтать – скажут, дак скажут, мат, да-к мат, как говорится* (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП]; *Всё вместе вот как-то. Все вместе помогали*

друг другу. **Дружливый был народ** у нас. Бяда-то у одной, а нам-то всё равно надо чё-то делать всё. Бяда ей, и нам бяда [СГРСБС, Т. 16, с. 80–81]; Колхоз, косили, гребли, вот сразу хлеб пололи весь, осоть весь вырывали, руки все были в занозах <...>. О-о-ой! Всё равно лучше сто раз была жизнь, чем сейчас. Люди какие-то были **дружные** [СГРСБС, Т. 5, с. 209–210]; Раньше были неграмотны. Счас все грамотны стали. **Добрее люди были** [СГРСБС, Т. 11, с. 256];

в) нормативную оценку: У нас народ дружный был, сильно-то таких **не было резвивых**. Вот дрова заготовливать ли чё ли, друг другу помогали [СГРСБС, Т. 6, с. 465–466]; Это, считай, что у них восемнадцать часов рабочий день был или больше. Вот так жили <...>. Это не только мама, это все так работали. Народ же **трудолюбивый** был [СГРСБС, Т. 14, с. 373]; А за воровство на позорный угол ставили, за преступок какой-нибудь, чё-то утаашил. Я говорю: раньше народ **не баловливый был**, слушались; староста сказал – всё, должен сделать [СГРСБС, Т. 4, с. 58]; Вот мебели раньше никакой не было, постелёнка одна, а вся белым-бело! В избе половички через звяно белёхоньки, у старых-то людей, у них никоо, а всё устилено было, чистенько. Вот такой народ-то жил <...>. **Старый-то народ был, старый-то, они же чистоплотные были** [СГРСБС, Т. 3, с. 85].

Таким образом, зона положительной оценки в устных рассказах и интервью об «ангарцах» эксплицирована оценочными прилагательными, которые выражают общую оценку (*хороший*), этическую оценку (*скромный, дружелюбный, дружливый, дружный, добрее*) и нормативную оценку (*трудолюбивый, не баловливый, не резвивый, чистоплотный*).

Преимущество положительной оценки в ценностном слое лингвокультурного концепта «ангарцы» обусловлено одобрительным отношением к действиям и поступкам «своих».

Однако стоит отметить, что в некоторых текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» представлена и отрицательная оценка, выраженная прилагательными: *Раньше тоже народ всякий был. И которы вороватеньки были, ничё нельзя оставить. А старики за воровство били* [СГРСБС, Т. 8, с. 243].

Также информанты акцентируют внимание на конкретных особенностях и отличиях «своих» (обычаях, традициях, говоре и др.) при сравнении коренных ангарцев, живущих в разных частях Северного Приангарья:

[– «Верховские» и «низовские» чем-нибудь отличаются друг от друга? – Собираю.].

– *Я не знаю, чем отличаются. Может быть, **говором отличаются*** (Бг.: Таёжный, 2017) [ЭТКЛСП]; *Ну, делятся поселения, а люди одинаковые. Поселения делятся, да. Ну, **отличаются обычаями, отличается какой-то вот период жизни у них, у них вот так, вот тут так вот. Песни поют и то по-разному*** (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП]; *Вот даже **разговор у нас разный**. Вот есть у нас деревня – Яркино. Они разговаривают протяжно: «Ты куды-ы пошё-ё-ёл!».* Ну, с протягой. Это самое, в Каменке, там совсем другое (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП].

Данные лингвистического эксперимента, использованные для уточнения особенностей ценностного слоя исследуемого лингвокультурного концепта, показали, что при описании ангарцев преимущественно были использованы оценочные прилагательные, которые выражают положительную оценку, в частности этический тип оценки, а также нормативную оценку. Респонденты отметили, что ангарцы:

а) добрые и гостеприимные: *По мере того, как я рос и путешествовал, я заметил, что в нашем районе много таких гостеприимных и доброжелательных людей; Люди добрые, гостеприимные, в годы войны уходили защищать Родину, а в послевоенное время вместе со всей страной отстраивали и возвращали всё, что было унесено в военное время; **Все добры и гостеприимны. Удивительные люди! Ангарцы – это люди, которые добры душой и готовы помочь безо всякой мысли; Люди, живущие здесь, в Богучанском районе, добры, отзывчивы и радушны; Нас дедушка за мелкие шалости мог поругать словом «бессовестные» и всё, но от этого можно было провалиться сквозь землю. Они были очень гостеприимны, бабушка кормила обедом или ужином, дедушка всегда о чем-то расспрашивал гостей;***

б) простые и скромные: *Ангарцы простой и скромный народ; Я всё веду к тому, что ангарцы – это простой народ, которому присуще всё человеческое; Я был рождён в Богучанском районе и знаю ангарский народ и его природу. Даже мой посёлок неустанно развивается, сейчас он посёлок городского типа, но здесь по-прежнему осталось много деревень и других посёлков. А люди здесь всё ещё простые и искренние;*

в) настоящие: *Благодарю судьбу за то, что родилась на Ангаре, на Севере, среди настоящих русских людей;*

г) свободные: *Ангарцы – это люди свободы, и я очень горд быть одним из них;*

д) щедрые: *Помню, у бабушки была соседка, Рукосуева Людмила. Каждый вечер мы с бабушкой ходили к ней за молоком и сметаной. Тогда мне казалось, что это так необычно: просто так отдавать людям свои продукты! Я жила в городе, привыкла к тому, что все продаётся и покупается, а тут такая необыкновенная щедрость! Кроме молока Людмила всегда поила нас чаем с пирожками;*

е) мастеровитые: *У Ани был маленький игрушечный домик, внутри него была резная мебель: стол, стулья, кровать, шкаф. Я спросила: «Кто же тебе его сделал?». Она ответила: «Папа!». Её отец был мастером на все руки: он сделал и забор, и дом построил, и дочке игрушки настрогал. Для меня их семья была примером того, какой должна быть семья!;*

ё) трудолюбивые: *Ангарцы построили на взаимопомощи и трудолюбии независимый быт, начиная от строительства жилищ, заканчивая приготовлением пищи;*

ж) порядочные, организованные: *Это мой дедушка по линии отца, Рукосуев Александр Николаевич (1911 г.). Он был великолепным рассказчиком и слушателем, стремился нам с сестрой передать свои знания, полученные в основном из жизни. Умел нас организовать на какую-нибудь посильную работу, участвуя в этом сам, а мы с сестрой считали, что так и должно быть. Он всегда оценивал наш труд, ставил оценки. Дедушка любил порядок: у всех членов*

семьи были свои инструменты для сельхозработ, всегда в рабочем состоянии, территория усадьбы была чистой и ухоженной, они планировали с бабушкой все работы по хозяйству, расходованию пенсии.

Для уточнения содержания лингвокультурного концепта «ангарцы» были использованы материалы, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента. Анализ полученных данных позволил расширить сведения о содержании понятийного слоя исследуемого лингвокультурного концепта, а также получить новые данные об особенностях ценностного слоя. Испытуемые на слово-стимул *ангарцы* привели следующие типы ассоциативных реакций:

а) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северному Приангарью: *Ангара (25); люди, живущие на реке Ангаре (19); люди, проживающие возле реки Ангары (9); это люди живут около реки Ангары (8); люди, которые живут по берегам Ангары (8); живут около Ангары (6); жители поселений около реки Ангары (2); проживающие на Ангаре (2); народ, проживающий на берегах р. Ангары (1); кто-то с Ангары (1); народ при Ангаре (1); жители, которые находятся около реки Ангары (1); те, кто проживает вблизи с р. Ангарой (1); жители мест реки Ангары (1); жители реки Ангары (1); жители Приангарья (1);*

б) реакции, указывающие на территориальную принадлежность ангарцев к одному месту проживания: *местные (10).*

Помимо этого, испытуемыми были приведены оценочные реакции, представленные прилагательными, которые выражают разные типы оценок:

а) общую оценку: *хорошие (5);*

б) этическую оценку: *добрые (4), гостеприимные (2), вольные (2), дружные (2), радушные (1), открытые (1);*

в) нормативную оценку: *сильные (1), трудолюбивые (1); обычные (2);*

г) эстетическую оценку: *крепкие (2).*

Отметим единичные реакции, которые не связаны с позитивной шкалой оценок, они амбивалентны: *суровые*, т.е. твёрдые, непреклонные, не знающие снисходительности к себе и другим; *смутные*.

В структуре лингвокультурного концепта «ангарцы» можно выделить несколько субконцептов: «верховские ангарцы», «низовские ангарцы», «кежмари», «богучанцы», «мотыгинцы». Выделенные субконцепты представлены номинациями *верховские, низовские, кежмари, богучанцы, сёгоды, мокчоны*: *Кежмари – верховские. Ну, низовские вот Богучаны, до Мотыгино и всё. Мотыгинский район, Богучанский район там же* (Бг.: Манзя, 2017) [ЭТКЛСП]; *Кежмари вот песнями отличались. Кежмари очень хорошо пели. Ну, и богучанцы, но кежмари как-то вот, это, сдавна, что все они хорошо поют* (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; *А у нас народ так называют, мокчоны: называли этих, всех кежмарей-то вот, на Ангаре-то, вот этих вот верхних-то, все кежмари. Вот они все мокчоны* [СГРСБС, Т.2, с. 457–458]; *Сёгоды – это которые тут живут, оне <приезжие> их сёгоды называют, просто издеваются* (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП].

Отдельно стоит сказать о значениях диалектных слов *сёгоды* и *мокчоны*. Лексема *сёгоды(-а)* является локальным прозвищем, которым приезжие называют коренных жителей п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края. В «Словаре русских народных говоров» лексема *сёгода* (нареч.) имеет дефиницию: «в нынешнем году» (представлено с пометой, что данное слово употребляется на территории Красноярского края) [СРНГ, Вып. 37, с. 108]. Тождественное значение с пометой, что данное слово употребляется на территории Богучанского района, представлено и в «Словаре русских говоров центральных районов Красноярского края» [СЦГ, 2008, с. 277].

Вероятно, коренных жителей п. Пинчуга так называли приезжие, которым частотное в говоре слово «сёгоды» показалось необычным. Оно стало яркой языковой характеристикой местного населения и стало использоваться как прозвище. Лексема *мокчоны* также используется в функции прозвища коренных жителей Кежемского района Красноярского края. В «Словаре русских говоров северных районов Красноярского края» слово *мокчон* толкуется как «название жителя села Кежма» [ССГ, 1992, с. 171]. Данное прозвище является

эмоционально-экспрессивным, сниженным. В говоре имеется слово «мокчон» в значении «пескарь».

Таким образом, в результате анализа понятийного, образного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «ангарцы» было установлено, что он входит в структуру мегаконцепта «свои». Концептуальный анализ устных текстов и интервью об «ангарцах», а также данные лингвистического и ассоциативного экспериментов свидетельствуют о том, что в ценностном слое актуализируются разные типы оценок, среди которых можно выделить общую, этическую, нормативную, нейтральную и эстетическую оценки. Наибольшее выражение получил этический тип оценки.

2.4. Лингвокультурный концепт «деревенские»

Объектом исследования в данном параграфе являются структура и содержание лингвокультурного концепта «деревенские». Именем исследуемого лингвокультурного концепта является слово *деревенский*. В современных толковых словарях русского языка субстантиват *деревенский* имеет дефиницию «тот, кто родился, живёт, работает в деревне» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>]. В понятийном слое лингвокультурного концепта, именем которого служит слово «деревенский», выделяются два концептуальных признака: а) место рождения; б) место проживания: *У нас обычно старики, они все жили со своими детьми там, и им помогали, и были вот у нас двое. Двое таких стариков, у них детей не было, они муж с женой жили. Но они пока сами могли же, трудились. А потом к ним вот приходили кто-нибудь из деревенских молодых людей, приходили к ним и держали их до самой смерти, досматривали, жили с ними и хоронили их. А так не бросали никого* [СГРСБС, Т.14, с. 358]; *Наши деревенские раньше на полях работали. Как колхоз развалился, работать негде стало* (Бг.: Таёжный, 2017) [ЭТКЛСП].

Лексема «деревенские» часто в речи информантов используется с уточнением «наши». Это местоимение указывает на отнесённость лингвокультурного концепта «деревенские» к ядерной зоне мегаконцепта «свои».

Анализ устных рассказов и интервью старожилов Северного Приангарья о «деревенских» показал, что в понятийном слое одноимённого лингвокультурного концепта можно выделить ещё один базовый концептуальный признак, а именно «проживание с говорящим в одной деревне». Этот признак именуется лексемой *односельчанин*. В некоторых контекстах слова *деревенский* и *односельчанин* полностью взаимозаменяются, т.е. являются дублетами. В таких случаях, как правило, слово *деревенские* используется с местоимением *наши* и называет уроженцев, жителей деревни (деревенских по своей социальной принадлежности), с которыми информант проживает в одной деревне: *Второй раз опять пошёл, это самое, за ягодой, и медведь его там скараулил. Поймал и начал драть, а наши деревенские, Булыга вот с женой и с дочерью поехали по ягоды туда же, близко, и слышат: человек стонет и кричит. А они тоже без ружья, безо всего были, но они в эту сторону, к нему. Это, ну, медведь-то бросил, убежал* (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]. В приведённом примере словосочетание *наши деревенские* является синтаксическим синонимом к слову *односельчанин*.

В составе слова *односельчанин* формант *одно* представлен в значении: «имеющий одинаковый с кем-либо признак, характеризующийся принадлежностью к одной и той же группе» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]. Второй формант – корень *сел* этимологически восходит к общеславянскому слову *sedlo*, т.е. «поселение» [Фасмер, 1987, с. 596]. Согласно данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных индоевропейский корень *sel имеет дефиницию «жилое помещение» [Черных, 1999, с. 152]. В словаре В.И. Даля наряду со словом *односельчанин* зафиксированы варианты *односел*, *односелка*, *односелянин* со значением «поселянин одной с кем деревни» [Даль, Т.7, с. 325] (для русских ангарских говоров данные варианты не характерны).

В современном русском языке слово *односельчанин* употребляется в значении: «житель или уроженец одного с кем-либо села, деревни» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>]. Лексема *односельчане* в живой речи коренных жителей Северного Приангарья встречается довольно редко. Как правило, понятие *односельчане* репрезентируется:

1) через **катойконимы**, т.е. обозначения жителей по названию места жительства (оттопонимические образования): *Ну тоже вот **наш мотыгинский** дед* (Мт.: Мотыгино, 2016) [ЭТКЛСП]; *И мать, и тятя оттэль. Она все в этой деревни и жили. Раньше никуда ить не ездили. Тятя Усольцев Иван Васильевич, тоже **усольский*** [СГРСБС, Т. 6, с. 76]; *Раньше-то дороги торосные же по Ангаре были. Сами рубили. Вот у нас через ангару с Недокур и до Пахотного рубили. От Кежмы до Заимки тоже дорога торосная. Кежемски там с заимскими уж, а наши, **недокурски-то**, одне чистили. Через Ангару от Недокуры до Пахотного* [СГРСБС, Т. 8, с. 335];

2) через **комонимы**, т.е. через упоминания конкретного населённого пункта, расположенного в сельской местности: *Усольцева-то она хороша деремня, **народ-то** добрый* [СГРСБС, Т. 13, с. 381]; *У нас Меркулай был, в **Иркинеевой** же жил. Дак он сильный был мужик. Он однем кулаком быка убивал* [Там же, с. 334].

Для рассмотрения особенностей образного слоя концепта «деревенские» были использованы материалы лингвистического эксперимента, в рамках которого ангарцы должны были дописать заданную фразу «Когда я думаю о деревенских, передо мной возникают следующие картины и образы...». Как показал анализ, испытуемые описывали односельчан, используя при этом перцептивную лексику разных частей речи:

1. *Всё белым-бело. Люди с румяными щеками, в больших одеждах, шубах и валенках;*
2. *Уставшие люди, потные, идут с покоса в очень жаркий день;*
3. *Человек суровый и хмурый на вид, лет под 40, характером и видом как бы говорящий: «Я через многое прошёл, многое пережил и это переживу»;*

4. *Загорелый мужчина с коротко подстриженными волосами, с голым торсом, в спортивных брюках и ботинках. На голове повязан небольшой платок;*

5. *Женщина среднего возраста, среднего роста и телосложения с повязанным вокруг головы белоснежным или расписанным цветами платком, купленным в единственном магазине одежды из нашего села, идёт в рубашке с закатанными по локоть рукавами, широких спортивных брюках, которые заправлены в высокие рабочие ботинки. Идёт одна под палящим солнцем пасти коров, овец или лошадей. Неровный загар, веснушки, родинки. Натруженные руки;*

6. *Старушка соседка, не разгибая спины на своём огороде.*

Приведённые описания деревенских представляют собой «картинки жизни», «сколок с действительности» (И.М. Сеченов), отражают представления респондентов не только о деревенских в целом, но и о конкретных людях: мужчине, женщине, старушке. При этом главную роль при отражении представлений играет зрительное восприятие (*загорелый мужчина с коротко подстриженными волосами; женщина среднего возраста, среднего роста и телосложения*). Согласно Н.К. Рябцевой, зрительное восприятие «...важно до такой степени, что естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать “ориентированными на наглядность”, “visually oriented”, “перцептивно мотивированными”» [Рябцева, <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva/>].

В ценностном слое лингвокультурного концепта «деревенские» преобладает зона положительной оценки, эксплицированная различными оценочными средствами языка. Стоит отметить использование морфологических средств языка, а именно употребление оценочных прилагательных, которые репрезентируют два типа оценок:

а) этическую оценку: *Я Дворец* (название затопленной деревни в Кежемском районе – Е.С.) *не забуду. Народ был хороший, дружной, не забуду* [СГРСБС, Т. 13, с. 171]; *Усольцева-то она хороша, народ у нас дружелювный был. Бяда-то у одной, а нам-то всё равно надо чё-то делать всё. Бяда ей, и нам бяда* [СГРСБС, Т. 13, с. 381]; *Вот у нас в Пановой-то народ шибко дружелюбый был, ага. А*

счас, доча, как собаки к друг другу. А тогда ведь они и бедно жили, и всё, но строго [СГРСБС, Т. 15, с. 70]; **Наша деревня Алёшкино дружная была**, дружку не выдавали: кто спрятался, кто куда, кто чё спрятал – не выдавали наши. **Дружная была деревня** [СГРСБС, Т. 17, с. 53]; **Аксёновские же оне хорошие, добрые были, дружный народ**, лучшие против этих. Праздники все вместе гуляли. **Престольны-то** [СГРСБС, Т. 11, с. 392]; Ну вот, например, **у нас в Яркино**, это самое, **все гостеприимны**: кто приедет в гости – обязательно пригласят, на улице не оставят (Кеж.: Яркино, 2018) [ЭТКЛСП]; **В Пинчуге у нас народ гостеприимчивый, хороший**. Чаем напоят (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП];

б) нормативную оценку: Ну, в Усольцевой этот, охотник был, Александром, по-моему, звали, ага. Ну и вот, вот **он смелый был**, собаки хорошие [СГРСБС, Т. 20, с. 341]; У нас Меркулай был, в Иркинеевой же жил. Дак он **сильный** был мужик. Он однем кулаком быка убивал. Его мужики боялися [СГРСБС, Т. 13, с. 334]; Демид Иванович Казаков. Он был мозговской. Он прошёл войну всю. Он два раза в плену был. Он с плена сбегал два раз <...>. Да такой **смелый** был! Он такой был **боевой мужик!** [СГРСБС, Т. 4, с. 348–349].

Таким образом, зона положительной оценки в текстах старожилов Северного Приангарья о «деревенских» преимущественно выражена оценочными прилагательными, эксплицирующими этическую оценку (*хороший, дружный, дружелюбный, доброжелательный, гостеприимный*) и нормативную оценку (*смелый, сильный, боевой*).

Как правило, информанты оценивают деревенских как людей более крепких, хозяйственных, открытых, бесхитростных и отзывчивых по сравнению с городскими: *А внуки у меня уже городские: хилые, к труду непривычные, нисколь не поступют* (не понимают – Е.С.) *в нашей жизни деревенской* (Бг.: Таёжный, 2017) [ЭТКЛСП]; **Наши деревенские**, если что у кого случится, всегда помогут (Кеж.: Яркино, 2018) [ЭТКЛСП]; **Наши деревенские** более открытые к разговору, могут целыми компаниями обсуждать что-то (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП].

В некоторых текстах старожилы Северного Приангарья выделяют положительные качества земляков и отрицательно оценивают качества городских. Как правило, это тексты, в которых с помощью оценочных прилагательных репрезентируются два типа оценок:

а) нормативная оценка: *Для деревенских это важно, что может дрова колоть там, землю копать и ту же рыбу добывать, значит, ну вот так вот. И, ну как бы **деревенские, они считались более сильными людьми, чем городские*** (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора];

б) этическая оценка: *Ну, наверное, **деревенские, они всё-таки скромнее что ли были**. Ну, такие вольности не могли себе на людях позволять, т.е. как городские допустим* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора].

Для уточнения особенностей ценностного слоя были использованы данные проведённого лингвистического эксперимента на дописывание заданной фразы. Анализ полученных материалов показал, что в письменном тексте испытуемые для описания деревенских преимущественно использовали оценочные прилагательные, репрезентирующие положительную оценку, в частности этический тип оценки, в основном отмечая, что деревенские:

а) добрые: ***Добродушные люди, которые помогут в трудную минуту. Они знают тебя с детства и могут дать полезный совет; Доброжелательные люди, которые всегда здороваются и задают вопросы из ряда: «Ну что там, мама высадила огурцы? Как там дед Толя?».** Такие родные и знакомые лица, все, как соседи, село-то маленькое – все рядом; В нашем селе живут **добрые люди**. Они заинтересованы благосостоянием своего посёлка, делают всё для улучшения условий жизни для всех жителей;*

б) дружелюбные, приветливые: ***Люди, живущие здесь довольно приветливые, дружелюбные, в небольших делах могут помочь без вознаграждения; Они достаточно дружелюбны и приветливы; Это***

дружелюбные люди, которые живут обычной жизнью; В деревне люди *дружные*.

В некоторых текстах в противопоставлении приводится амбивалентная оценка деревенских. Прежде всего, отрицательно оценивается их культура речи, низкий уровень образования. Эти оценки даются старшеклассниками, которые уже получили представление о нормах русского литературного языка. Однако эта особенность смягчается перечислением положительных черт деревенских: *Людям нет дела до культуры собственной речи, они говорят неправильно, а так, как они привыкли, однако эти люди открытые для общения; Представляю людей, которые не один год живут со мной в одном селе и по ним это видно. Например, грубость и стальной характер в них; Люди, отличающиеся добротой души, общительностью. Возникают картины с людьми, готовыми помогать при любых возможных случаях. Есть и более мрачные представления. Представления о какой-то части односельчан, которые являются малообразованными и бестактными представителями, но это не значит, что они не являются такими же дружелюбными.*

Некоторые респонденты отметили и отрицательные качества жителей современной ангарской деревени: *У деревенских людей развито пьянство, как у мужчин, так и у женщин. Они могут уходить в запой целой семьёй.*

Для уточнения содержания лингвокультурного концепта «деревенские» были использованы материалы проведённого свободного ассоциативного эксперимента. Анализ данных позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв исследуемого лингвокультурного концепта. Испытуемые на слово-стимул *деревенские (односельчане)* привели следующие типы ассоциативных реакций:

а) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к одному месту проживания: *люди, живущие в одном селе (36); люди, живущие в одном населённом пункте (15); местные (10); люди одного района (9); живут в одном посёлке (6); живущие в одной деревне (6); живут в одной местности (5); живут в одном городе/селе (1); в одном городе (1);*

живут в одном посёлке с тобой (1); *живут с тобой в одном городе или деревне* (1);

б) реакции, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к Северному Приангарью: *ангарцы* (15);

в) реакции, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к конкретному населённому пункту Северного Приангарья: *Богучаны* (10); *Таёжный* (6); *Проспихино* (5); *тагарцы* (2); *почуканцы* (=богучанцы) (1).

г) реакции, обусловленные самоидентификацией: *земляки* (15);

д) реакции, обусловленные близостью проживания деревенских (односельчан): *соседи* (21); *живущие рядом* (6).

В качестве ассоциатов были приведены и оценочные прилагательные, которые эксплицируют три типа оценок:

а) общую оценку: *хорошие* (2), *купырный* (=хороший) (1);

б) этическую оценку: *добрые* (5), *дружные* (3), *отзывчивые* (2), *мирные* (1), *приветливые* (1);

в) нормативную оценку: *трудолюбивые* (3).

Таким образом, было установлено, что структура лингвокультурного концепта «деревенские» состоит из трёх слоёв: понятийного, образного и ценностного. Анализ данных лингвистического эксперимента показал, что испытуемые описывают преимущественно наглядный образ своих односельчан. В ценностном слое преобладает зона положительной оценки, эксплицированная различными оценочными средствами языка и репрезентированная этическими и нормативными частнооценочными значениями. Данные ассоциативного эксперимента дополняют содержание ценностного слоя, а также раскрывают ассоциативные представления ангарцев о деревенских.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В ходе анализа была выявлена структура и рассмотрена языковая экспликация мегаконцепта «свои». В структуру мегаконцепта «свои» входят такие лингвокультурные концепты, как «сибиряки», «ангарцы», «деревенские», «родня» и др. В настоящей работе были проанализированы концепты «сибиряки», «ангарцы» и «деревенские». Выбор этих концептов обусловлен влиянием пространственного и социального культурных кодов на структуру мегаконцепта «свои».

На основе анализа устных текстов и интервью старожилов Северного Приангарья о «сибиряках» удалось установить, что в понятийном слое лингвокультурного концепта «сибиряки» содержится пять базовых концептуальных признаков: 1) потомки поморов, переселившихся в Сибирь в конце XVI – первой пол. XVIII вв.; 2) проживающие на Востоке страны за Уралом; 3) проживающие в Красноярском крае и Иркутской области; 4) родившиеся и прожившие всю жизнь в Северном Приангарье; 5) устойчивая общность людей, образовавшаяся в результате формирования общности их территории, экономических и культурных связей.

В образном слое преимущественно представлены образы сибиряков, эксплицированные перцептивными прилагательными.

Концептуальный анализ показал, что в ценностном слое превалирует зона положительной оценки, представленная этической, нормативной и эстетической оценками. Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента показал, что испытуемые на слово-стимул *сибиряки* привели следующие типы ассоциативных реакций: а) реакции-пояснения, которые актуализируют ассоциацию, связанную с местом рождения сибиряков; б) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Сибири; в) реакции-пояснения, указывающие на проживание сибиряков в Северном Приангарье; г) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северу; д) реакции, актуализирующие представления о погодных условиях Сибири. Также были

приведены оценочные реакции, представленные прилагательными, которые эксплицируют этическую, нормативную, эстетическую и интеллектуальную оценки.

В понятийном слое лингвокультурного концепта «ангарцы» содержатся два концептуальных признака: 1) те, кто с рождения проживают в населённом пункте, расположенном в Северном Приангарье; 2) те, кто длительное время проживают в населённом пункте, расположенном в Северном Приангарье.

Образный слой исследуемого концепта эксплицируется с помощью перцептивных лексем, описывающих ангарцев.

Концептуальный анализ показал, что в ценностном слое лингвокультурного концепта «ангарцы» превалирует зона положительной оценки, преимущественно выраженная оценочными прилагательными, которые репрезентируют общую оценку, а также этическую и нормативную оценки. Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента показал, что испытуемые на слово-стимул *ангарцы* привели следующие типы ассоциативных реакций: а) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северному Приангарью; б) реакции, указывающие на территориальную принадлежность ангарцев к одному месту проживания. Испытуемыми были приведены оценочные реакции, которые выражают общую, этическую, нормативную и эстетическую оценки.

Структуру данного концепта образуют несколько субконцептов: «верховские ангарцы», «низовские ангарцы», «кежмари», «богучанцы», «мотыгинцы».

В понятийном слое лингвокультурного концепта «деревенские» можно выделить один базовый концептуальный признак: проживание с говорящим в одной деревне.

Образный слой выражен перцептивными словами, которые описывают жителей деревни.

Проведённый анализ показал, что в ценностном слое лингвокультурного концепта «деревенские» преобладает зона положительной оценки, а также наблюдается амбивалентное объективное отношение к своим. На основе данных

ассоциативного эксперимента удалось установить, что испытуемые на слово-стимул *деревенские (односельчане)* привели следующие типы реакций: а) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к одному месту проживания; б) реакции, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к Северному Приангарью; в) реакции, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к конкретному населённому пункту Северного Приангарья; г) реакции, обусловленные самоидентификацией; д) реакции, обусловленные близостью проживания деревенских (односельчан). В качестве ассоциатов были приведены и оценочные прилагательные, которые эксплицируют общую, этическую и нормативную оценки.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МЕГАКОНЦЕПТА «ЧУЖИЕ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

3.1. Влияние культурных кодов на структуру и содержание мегаконцепта «чужие»

В задачи главы входит анализ структуры и содержания мегаконцепта «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья. Исследование предваряется определением культурных кодов, повлиявших на структуру исследуемого мегаконцепта.

В структуру мегаконцепта «чужие» входят лингвокультурные концепты «ссылные», «вербованные», «городские», «инородцы», «иноверцы» (анализ двух последних лингвокультурных концептов не входит в задачи работы). На их формирование повлияли пространственный, событийно-исторический, социальный культурные коды. В ходе исследования установлено, что событийно-исторический и пространственный культурные коды детерминируют наличие лингвокультурного концепта «ссылные», а сочетание пространственного и социального культурных кодов детерминируют наличие лингвокультурных концептов «вербованные», «городские».

Пространственный код, как мы писали в предыдущей главе, позволяет членить пространство и располагает различные субъекты и объекты с позиции их месторасположения. Добавим, что пространственный код может репрезентироваться в текстах с помощью нескольких семантических оппозиций, среди которых одной из базовых является оппозиция «свой–чужие». Как пишет В.В. Красных, данная оппозиция может быть представлена как:

- 1) внутренний мир человека;
- 2) определённый фрагмент внешнего мира, который является собственностью человека;

3) определённый фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны человека, однако осознаваемый как свой;

4) определённый фрагмент внешнего мира, который воспринимается как чужой [Красных, 2001, с. 8]. В устных текстах старожилов Северного Приангарья о «чужих» оппозиция «свои–чужие» не имеет характер жёсткого противопоставления. Это связано с тем, что одной из черт сибирского характера, который присущ и старожилам Северного Приангарья, является толерантность по отношению к пришлому населению. Таких людей оценивали не по их национальности, внешнему виду, а по деловым и нравственным качествам. Особенности такого отношения уходят корнями в историю освоения Сибири представителями разных этносов и социальных групп.

Структуру мегаконцепта «чужие» можно представить в виде следующей модели:

Схема 2. Структура мегаконцепта «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья

Данная схема является открытой, т.к. формирование и состав мегаконцепта «чужие» обусловлено разными культурными кодами. Ограниченный объём

диссертационной работы не позволяет подробно остановиться на всех лингвокультурных концептах, включённых в структуру мегаконцепта «чужие». В рамках настоящего исследования будут рассматриваться только лингвокультурные концепты «ссылочные», «вербованные» и «городские», поскольку на их формирование оказал влияние пространственный культурный код, важный и для рассмотренного ранее мегаконцепта «свои».

На содержание и структуру мегаконцепта «чужие» большое влияние оказали различные экстралингвистические факторы. В своих воспоминаниях ангарцы, рассказывая о том как жили раньше, особенно в сталинские времена, довольно часто упоминают о ссыльных. Как правило, это рассказы о тяжёлой судьбе ссыльных немцев, литовцев и других, которых принудительно привозили на берега Ангары, где бывшим жителям регионов с более тёплым климатом, приходилось выживать в суровых сибирских условиях. Без каких-либо прав, а иногда и без знания русского языка, местных устоев, ссыльным приходилось трудно в первые годы жизни в Северном Приангарье. Наиболее многочисленные потоки ссыльных были в первой половине XX века в результате сталинских репрессий 30-х годов, ссылки людей разных национальностей в годы Великой Отечественной войны и репрессий в послевоенное время. Ангарцы вспоминают и о раскулаченных, которых привозили в необжитые места и заставляли строить посёлки на болоте, в глухой тайге.

С событийно-историческим фактором связано и формирование лингвокультурного концепта «вербованные». С конца 40-х – начала 50-х гг. XX века в Северное Приангарье на работу в леспромхозы, химлесхозы, на строительство дорог, каскада ГЭС и других промышленных объектов начинают добровольно приезжать рабочие со всего СССР. В этом им помогала сеть организаций, которая способствовала вербовке рабочих. В 1953 году было создано Главное управление организованного набора рабочих. Рассказывая о работе в леспромхозах, химлесхозах, на стройках, коренные ангарцы часто вспоминают вербованных («химиков»). Вспоминают о том, как вербованные жили, устраивались на новом месте, общались с местными. Стоит отметить, что

при этом коренные жители не всегда положительно отзывались о приезжих за «длинным рублём». Тем не менее отметим, что не без помощи приезжих рабочих в Северном Приангарье была развита транспортная сеть, инфраструктура городов и посёлков.

Приведённая выше информация говорит о том, что на содержание таких лингвокультурных концептов, как «ссылные» и «вербованные» большое влияние оказали различные экстралингвистические факторы. Данные концепты занимают важное положение в концептосфере традиционной лингвокультуры Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв., а мегаконцепт «чужие» является одним из базовых лингвоментальных феноменов ангарской лингвокультуры.

Далее подробно рассмотрим каждый из лингвокультурных концептов, образующих структуру мегаконцепта «чужие» в традиционной ангарской лингвокультуре.

3.2. Лингвокультурный концепт «ссылные»

На содержание лингвокультурного концепта «ссылные» повлияли экстралингвистические факторы. Как известно, Сибирь была местом ссылки и каторги. В середине XVIII века, после отмены смертной казни, в Сибирь массово ссылали крестьян, которые получили название *ссылнопоселенцев*. Одних ссыльнопоселенцев размещали в уже обжитых сёлах, другие были вынуждены осваивать новые места, строить новые деревни. В большинстве своём русские старожилы благосклонно относились к ссыльным и старались помочь им в обустройстве, в поиске работы. Однако сибиряки помогали тем, чьё поведение соответствовало их ценностным установкам, т.е. человек должен был соблюдать нравственные и моральные устои, быть трудолюбивым. Отрицательно сибиряки относились к тем, кто не хотел исправляться, соблюдать местные традиции. Некоторые ссыльнопоселенцы со временем становились «настоящими сибиряками», а их потомки полностью «осибирячивались».

К началу XIX века сибирский регион занимал первое место в России по численности ссыльных, однако к концу века ситуация меняется. В начале 1898 года в Сибири находилось 309265 ссыльных разных категорий: ссыльнокаторжные (10688 человек), т.е. лица, совершившие наиболее тяжкие преступления; ссыльнопоселенцы (100595), т.е. лица, сосланные на пожизненное поселение в дальние регионы страны, а также вышедшие на поселение после отбытия срока каторги; сосланные на водворение (39683), т.е. бродяги (практически это была ссылка на поселение); сосланные на житьё (9881) – исключительно служащие-чиновники и представители высшего дворянства; административно-ссыльные (148418), т.е. лица, подвергшиеся ссылке за плохое, порочное поведение, а также причастные к антиправительственным преступлениям; «политические» ссыльные (1325 человек) – лица, сосланные за антиправительственные преступления. Около 65000 человек были членами семей ссыльных, последовавшими за ними в Сибирь [Зуев, Красильников, 2009, http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009].

В первой трети XX века численность ссыльных на территории Сибири пополнилась за счёт политических ссыльных на 10000 человек в результате революции 1917 года и Гражданской войны.

В XX веке сибирская ссылка носила массовый характер. Опираясь на работы отечественных историков, можно выделить несколько этапов ссылки на территорию Северного Приангарья, а также установить национальный состав сосланных:

1. **Первый этап** ссылки в районы Северного Приангарья начинается примерно в конце 20-х гг. – на берега Ангары прибывают репрессированные, среди которых преобладали спекулянты, контрабандисты, противники нового политического режима и «социально-вредные элементы». В начале 30-х гг. в результате раскулачивания в Сибирь были переселены жертвы всеобщей коллективизации. К середине 30-х гг. в Северное Приангарье прибыло ещё несколько тысяч ссыльных, которые по тем или иным подозрениям попали под 58

статью Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшую наказание за контрреволюционную деятельность. Этим ссыльным называли «политическими».

2. **Второй этап** ссылки на территорию Северного Приангарья был одним из самых масштабных в связи с Великой Отечественной войной и депортационной политикой СССР. В начале 40-х гг., согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г., в котором говорилось, что в Красноярский край должны прибыть 7500 советских немцев, и Указу Президиума Верховного Совета СССР №20-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», в северные районы Красноярского края массово отправляются немцы из Поволжья и Ленинградской области, а также калмыки. Точных количественных данных о том, сколько немцев прибыло на территорию Северного Приангарья в настоящее время в отечественной исторической литературе нет. Однако известно, что в ноябре 1941 года в Красноярский край прибыли почти 80000 человек, часть из которых была расселена в Кежемском (с. Кежма, с. Паново, д. Чадобец, с. Заледеево, с. Усольцево, д. Дворец, д. Заимка, д. Селенгино, с. Алёшкино, д. Мозговая, с. Проспихино, п. Недокура, д. Болтурино и др.), Богучанском (с. Богучаны, п. Манзя, п. Пинчуга, п. Невонка, д. Каменка и др.) и Мотыгинском районах (пгт. Мотыгино, п. Раздолинск, д. Машуковка, п. Кирсантьево, п. Первомайский, с. Рыбное и др.). Как отмечают исследователи, количество прибывших в Красноярский край немцев в несколько раз превышало плановые показатели [см. Занданова, Метлин, 2010, <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2010Metlin.htm>; Зберовская, 2010].

Помимо советских немцев в 1941 году на территорию Красноярского края сослали более 8000 латышей и литовцев. В начале 1942 года на территорию края на спецпоселение депортировали почти 18000 финнов.

В целом в годы Великой Отечественной войны на территорию Красноярского края прибыли более 150000 ссыльных.

3. **Третий этап** ссылки в Северное Приангарье был связан с послевоенным временем (конец 40-х гг. XX в.). В районы Северного Приангарья сослали много литовцев, латышей, украинцев, чуть меньше эстонцев, поляков, финнов, греков.

Самой многочисленной группой был «литовский спецконтингент». Всего в это время в Красноярский край прибыло около 20000 литовцев, в частности в Богучанский район отправили более 900 человек. Ещё больше были направлены в удерейскую тайгу (ныне Мотыгинский район). Многих ссыльных, прибывших в конце 40-х гг., разместили в посёлках Артюгино, Богучаны, Каулец, Раздолинск вместе с коренными ангарцами.

4. **Четвёртый этап** сибирской ссылки XX века связан со ссылкой людей, которые подверглись различным репрессиям в начале 1950-х гг. Прежде всего это были те, кто отбыл срок заключения в лагерях Норильска, Колымы и других мест и получил срок высылки после отбытия наказания. Главным образом это были «политические» ссыльные [см. Шилько, 2000]. В это время прибывают также большие группы ссыльных из Прибалтики и Украины. По свидетельству В.Н. Земскова, на начало 1953 года в Красноярском крае находилось более 48% от общего количества ссыльных по всему СССР [Земсков, http://anikvn.ru/Zemskov/Zemskov_Zakluchennie.htm].

Многие ссыльные органично включились в сибирскую жизнь, а впоследствии обогатили культуру региона. Например, одним из инициаторов открытия краеведческого музея в с. Богучаны стал бывший ссыльный молдаванин Д.М. Андон; в пгт. Мотыгино большую роль в открытии местного краеведческого музея сыграл финн В-И.П. Анонен, сосланный из Ленинградской области.

Рассмотрев основные экстралингвистические факторы, оказавшие значительное влияние на содержание лингвокультурного концепта «ссыльные», перейдём непосредственно к его концептуальному анализу.

Именем лингвокультурного концепта «ссыльные» является лексема *ссыльный*. Данная лексема образована от существительного *ссылка*, которое, в свою очередь, образовано от глаголов *ссылать* / *сослать* «в наказание принудительно переселить (осуждённого) с места жительства на поселение» [Ожегов, 2006, с. 736].

В современных толковых словарях русского языка лексема *ссыльный* приводится в значении «человек, находящийся в ссылке, на поселении» [Ожегов,

2006, с. 747], а лексема *ссылка* толкуется как «пребывание ссыльного на поселении, а также время такого пребывания» [Там же]. Таким образом, в содержании исследуемого лингвокультурного концепта можно выделить базовый понятийный признак: «человек, который находится в ссылке».

В ходе исследования устных текстов было установлено, что имя лингвокультурного концепта «ссылки» имеет семантические синонимы: *политические сосланные (политические)* и *спецпереселенцы*: *Но там Верхотурово не было, посёлок сами спецпереселенцы построили* [СГРСБС, Т. 6, с. 319]; *Так ссыльный, их, наверно, тогда ссыльный. Спецпереселенцы, наверно. Их тогда много-много пригнали* (Бг.: Артюгино, 2014) [ЭТКЛСП]. В данных контекстах слово *спецпереселенец* использовано в значении «бывшие кулаки», которые были подвергнуты насильственному переселению в отдалённые регионы СССР в период коллективизации и «раскулачивания» [Игнатова, 2011, с. 42]. Слово сочетание *политические сосланные / ссыльные* и субстантиват *политические* обозначали людей, которых сослали в Северное Приангарье по «политической» 58 статье УК РСФСР: *Двадцать четыре километра отсюда, от Манзи. Ну, туда привезли, а народ-то здешний, он никогда не видел таких. Но были тогда ссыльные... политические сосланные* [СГРСБС, Т. 6, с. 329]; *Бродяги приходили, вот у нас жили. У нас жил портной. Они политические были сосланные, и женились тут даже. Даже мой политические был кум и кума. Они поженились* (Кеж.: Козинск, 2015) [ЭТКЛСП].

В некоторых контекстах в значении «ссылки» используются этнонимы, а также лексеммы *кулаки, раскулаченные, кулаченные*: *Сюды немцев привозили на Ангару, и всёй Ангаре-то раскидывали по деревням* [СГРСБС, Т. 6, с. 241]; *Никольск, наверно, так же открылся, как и Машуковка, токо чуть попозже. Там тоже такие же ссыльные жили, кулаки* [СГРСБС, Т. 6, с. 84]; *Мы жили в Косом Быку. Туда всех раскулаченных всех сваживали* [СГРСБС, Т. 16, с. 146]; *Кто первые-то кулаченные приехали-то, говорят, вот их на болота бросили, под голу сосну, отсюда двадцать пять километров как в Червянку ехать, там дорога*

была. И вот говорили, что на болото на это угоняли этих людей первых-то, и мучили, говорит, по-всякому [СГРСБС, Т. 9, С. 243].

Анализ устных рассказов и интервью старожилов Северного Приангарья о «ссылных» показал, что в понятийном слое лингвокультурного концепта «ссылные» содержатся четыре концептуальных признака:

1) крестьяне-спецпоселенцы (трудпоселенцы, выселенцы): *Вот у нас от в Косом Быку, где кулаки построили, там болото было восемнадцать километров от Косого Быка в сторону, в лес. Скота там пасли, молодёжь была. И вот Мартынов кругом озера выставлял и:*

– Прыгай!

Если не прыгаешь, значит, подходит, соседнего:

– Толкай!

Друг друга толкали в болото. Топил. Там костей скоко было! Косой Бык. Сперва с Дворца гнали в Простихину, с Простихиной в Кодинку [СГРСБС, Т. 13, с. 387–388]; А у ней здесь дяди были вроде, у мамы-то, и вот говорили, что хлеба много было, и тятя пошёл сюды. И вот мы пришли. А хлеб-то у них выгребли на сдачу колхоз, и мы обратно пошли. Нас уже не пускают дальше-то, потому что кулаки. И мы поэтому пошли обратно <...>. Приехали во Дворец обратно и в колхоз зашли. И тятя дали дом, дали нам корову потом. Мама у нас померла. И вот мы потом одне и жили [СГРСБС, Т. 13, с. 183–184]; А вот тут дом был, дом на четыре ската, тоже раскулаченные жили там [СГРСБС, Т. 14, с. 276]; Косой Бык, туда же всех ссылали кулаченных-то [СГРСБС, Т. 6, с. 257–258]; Когда нас туда переселили, там были бараки. Никольск, наверно, так же открылся, как и Машуковка, токо чуть попозже. Там тоже такие же ссыльные жили, кулаки [СГРСБС, Т. 6, с. 84];

2) люди, сосланные в Северное Приангарье по политическим мотивам: *Но я маленькая была, может, лет пять, может, шесть, каки-то ссыльны жили. Один политический какой-то дядька, а другой был врач, такой толстенький, с бородкой такой, но уже пожилые старики [СГРСБС, Т. 8, с. 52]; Бродяги приходили вот, у нас жили. У нас жил портной. Они политические были*

*сосланные, и женились тут даже. Даже мой **политические** был кум и кума* (Бг.: Невонка, 2014) [ЭТКЛСП];

3) люди, сосланные в Северное Приангарье в результате депортационной политики по национальному признаку: *У нас очень много **ссылных**, очень много здесь. В деревне живут **ссылные немцы** вот эти* (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; *Их, вязде развозили их, там, может, семьи по две, по три, это в дяревню, по чатыре, вот так вот: в Кежму и вязде, в Панову и вязде, в Алёшкину – вязде их <...>. Но оне, который **литовец**, вот всякие были, **немец** был, **немцы** были, всяки* [СГРСБС, Т. 6, с. 241–242]; *Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было: и **немцев**, и **латышей**, и **литовцев**, **эстонцев*** (Кеж.: Чадобец, 2012) [ЭТКЛСП]; *И вот у нас **семья финнов** здесь жила. Оне попали сюда в войну, где-нидь, может, в сороковом ли, сорок втором ли* [СГРСБС, Т. 5, с. 207]; *Нет, это до войны не было, после войны токо што присылали, **поляки** были. Кода мы жили, то **поляков** привозили, **ссылные** были* (Бг.: Артюгино, 2014) [ЭТКЛСП]; *Сорок седьмой год, пришли геологи, их отправили в Татарку. И много там. Были и **украинцы** там, как он рассказывал, и вот они с этого, дед-то с братом, и там были... **Греки** да там. Много было национальностей* (Мт.: Мотыгино, 2017) [ЭТКЛСП];

4) люди, сосланные в 60-е – начале 70-х гг. XX в. в Северное Приангарье за административные правонарушения: *Ну и вот была категория тех, которые были высланы из Москвы, Московской области к нам.*

[– Тунеядцы? – Собир.]

Да, тунеядцы (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора].

В имеющихся в нашем распоряжении устных текстах о «ссылных» образные средства языка не используются. Как отмечают исследователи [Викторова, 1999; Столярова, 1972], для устной речи образность присуща в меньшей степени, чем для речи письменной. Мы не располагаем данными, чтобы выделить образный слой лингвокультурного концепта «ссылные».

Что касается ценностного слоя, то он репрезентирован лексическими языковыми средствами: оценочными прилагательными, оценочными наречиями, глаголами с положительной коннотацией. В ценностном слое исследуемого лингвокультурного концепта превалирует зона положительной оценки.

Оценочные прилагательные выражают четыре типа оценок: общую, этическую, нормативную и интеллектуальную. Общая положительная оценка нередко сопровождается выражением *сочувствия*:

[– Как в деревне относились к ссыльным немцам? – Собр.].

*Они **очень хорошие** были все сначала-то. Встречаем на берегу их. Они в каждую деревню завозили, сколько семей-то! (Кеж.: Кодинск, 2015) [ЭТКЛСП]; Такие бы, что и карманники, и там бяз ног были, и с одной рукой, и всякие были. За что их, таких, обижали? Люди были **неплохие**. За одного ссыльного, мне тётка, вышла замуж (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (* с. Кежма) в 2013 г.) [ЭТКЛСП].*

Этическая оценка эксплицируется в таких высказываниях как:

[– Как местное население с ссыльными общалось? – Собр.].

*Я не знаю, нам всё равно было, как-то все. Не разделялись. На работе работали женщины молодые, девушки <...>. Как свои были, **добрые** люди были <...>. Вражды никакой не было (Мт.: Раздолинск, 2017) [ЭТКЛСП]; Мать наша, пановская, но вот мать у ней пановская наша, и мать у ней наша, и здесь она тутошные, ангарские. А вот Лёня нам от как всё, он лучше намного, в сто раз, наверно, в тысячу раз лучше её. Да! Он хоть и **немец**, привязённый оттуда у Маруси. **Добрый** такой он, привязённый [СГРСБС, Т. 15, с. 183–184]; Дедушка Иван, Иван Яковлевич Карабович. Вот он из **ссыльных** был. Так вот он, избушку сделали ему, и он жил в этой избушке со старушкой. Такой **хороший** был. Тоже **помогал** всем. [СГРСБС, Т. 2, с. 492]. Во многих высказываниях информанты обращают внимание на трудолюбие и доброту ссыльных.*

Отметим контексты с нормативной оценкой, когда положительно оцениваются трудолюбие, мастеровитость и чистоплотность ссыльных: *Ссыльных раньше много было <...>. Ну, были мужики, которы **хорошие**, которы*

мастера были [СГРСБС, Т. 2, с. 492]; *Немцы* были у нас, *оне сосланные* были на Ангару <...>. Они же *чистоплотные* [СГРСБС, Т. 6. с. 262–264].

Нормативная оценка также выражена прилагательным *нормальные* и наречием *нормально*:

[– Немцев много было в ваших краях? – Собир.]

Много было. В 43 году их... В 43 году сюда их, очень много здесь.

[– Как они здесь жили? – Собир.]

Ну, как, они жили. Работали нормально. Все работали. В первое время жили очень бедно, их в колхозы, в основном (Бг.: Невонка, 2014) [ЭТКЛСП]; Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было: и немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев.

[– Какие у них были отношения с местным населением? – Собир.]

Нормальные (Кеж.: Чадобец, 2012) [ЭТКЛСП]; *Литовцев, латышей* вот этих я ещё помню, ну <...>.

[– А местное население как к ним относилось? – Собир.]

Да, нормально. Даже это, милиция вся, эта строго было (Бг.: Гольтявино, 2014) [ЭТКЛСП]. Лексему *нормальный* Н.Д. Арутюнова относит к одному из основных вербализаторов нормативной оценки [Арутюнова, 1988, с. 75].

Коренные ангарцы особо подчеркивают образованность многих ссыльных. Положительная интеллектуальная оценка эксплицируется в таких высказываниях как: *Это были сосланы: Пушкин, Малай, Трактор. Три их было, сосланы в Панову к нам. А я не знаю, грамотны такие люди <...>. Грамотный был Пушкин, Малай. Трактор-то, тот не так как-то, а эти-то грамотны были* [СГРСБС, Т. 6, с. 246]; *Литовцы, латыши* были. *Умных* людей ссылали сюда (Мт.: Раздолинск, 2017) [ЭТКЛСП].

В некоторых контекстах наблюдается синкретизм положительных оценок: *Политические... Их развитость, их стремление вернуться назад. Всё-таки трудности... Ну, народу... Знаете, не сказать, что он был тупой народ, нет. Но он был самобытный, трудолюбивый. Понимаете, со своим языком. Это где же вы найдёте! <...> Ну, как, они... были как-то насколько-то выше в своём*

развитии. Во-первых, **они прекрасные сельхозработники** (Кеж.: Кодинск, 2016) [ЭТКЛСП].

Оценочные наречия репрезентируют два типа оценок: общую и этическую оценки. Общая оценка эксплицируется в таких высказываниях, как: *И вот я в дойках как была, нас шесть человек, девок шесть человек: Лиза Адамовна, Катя, Наташина мать, Катькина мать. Вот эти вот немки, оне взамужем были. И три девчонки были с ними. **Оне хорошо с нами** <...>. А у нас в дойках **хорошо** девки с нами, **хорошо относились**, и мы к ним. Раз оне **хорошо**, а зачем мы будем к ним лезти-то, езди **они хорошо*** [СГРСБС, Т. 14, с. 177–178]; *В войну вот такой был пример: у нас ячмень папка с дедой посадили уже в 46 году, всё. Ячмень потом смололи, и в кладовке стоял. А пришла вот эта **полячка**. Ну, и она мешочек-то сбыла. Она его из кладовки как-то там вытащила. Папка говорит:*

– Ну, разве можно так по-хорошему.

А вот эта бабушка, которая нас воспитывала, говорит:

– Петя, Петя не тронь, она же кушать хочет.

– Я понимаю, – говорит. – У меня ребяташки учатся маленькие.

*Что, ну, всё-равно. Так он и не тронул муку, дал ей, и она ушла. Так что нет, **хорошо было, хорошо. Никто их не притеснял**. Они также наравне со всеми работали, со всеми жили* (Мт.: Мотыгино, 2017) [ЭТКЛСП]; *Кежмари относились к ним (ссылным. – Е.С.) **неплохо, неплохо относились, не обяжали*** (записано от переселенца из зоны затопления Боугчанской ГЭС (* с. Кежма) в 2013 г.) [ЭТКЛСП].

Этическая оценка эксплицируется в следующих высказываниях: *Ну, **уважительно** к ссылным относились. Всё от человека зависит, как он, так и ты к нему. Если он **хороший, честный** человек, его принимали за своего. Потому что русские, они тем и отличаются, что они с человеком любой национальности уживаются, как братья. Лишь бы он плохо не делал* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП]; *Свекровь у меня была немка, она **честная** была, **сурьёзная**. Немцы были у нас, оне сослатье были на Ангару* [СГРСБС, Т. 6, с. 262].

Также положительная оценка ссыльных выражается глаголами с положительной коннотацией: *У нас бабушка **ссылная** жила на квартире, **водилась** с нами. Мама умерла, она осталась. Не поехала никуда, её уже могли освободить. Она осталась. Она нас **вырастила**. Чё мачеха? У неё свои заботы, работа, а она уж дома **хозяйничала**. Корову мы держали, всё она **помогала**. Мы её и похоронили. Она **вырастила** меня и сестрёнку Олю. Вот Ольга Петровна выучилась, всё нормально было. Всё нормально, разницы не было. Это не только, что у нас жили вот, у всех на квартире* (Мт.: Мотыгино, 2017) [ЭТКЛСП].

В устных ангарских текстах о «ссылных» отмечается, что поначалу к ним относились настороженно, т.к. эти люди казались местному населению подозрительными: ***Ссылных** пригнали уже в войну. **Ссылные** были, наверно, такие люди **подозрительные: украинцы, больше с Украины*** (Мт.: Раздолинск, 2017) [ЭТКЛСП];

[– Ссылные немцы, литовцы были в Богучанском районе? – Собир.].

– *Были. Они щас ешё есть.*

[– Как к ним относились? – Собир.].

– *Да сразу-то как-то... **Немцы, немцы, ну, с пренебрежением как-то*** (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; ***Ссылных** было много. Да, во время войны их сюда, когда война, сюда **поволжские немцы** были. Вот, их тут много было **ссылных**. Тогда Сталин, ну, распорядился, вот <...>. Я же был, кого – вот, пацаном. Ну, относились, как говорится, **настороженно**. Ну, местные старожилы, ну, вот **немцев** сослали, **немцев**. А потом вот ничё, привыкли* (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП].

Отрицательных оценок ссыльных, долгое время проживавших с местным населением, в проанализированных контекстах не выявлено. Это свидетельствует о том, что ссыльные воспринимались местным населением как «другие». Негативная оценка есть только по отношению к категории ссыльных, которые попали в Северное Приангарье за тунеядство, в результате принятия в 1961 году Президиумом Верховного Совета РСФСР указа «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-

полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»: люди, сосланные в 60-е – начале 70-х гг. XX в. в Северное Приангарье за административные правонарушения: *Ну и вот была категория тех, которые были высланы из Москвы, Московской области к нам.*

[– Тунеядцы? – Собир.].

Да, тунеядцы, неблагонадёжные. Это вот перед фестивалем молодёжи и студентов в 57 году, он должен был у нас пройти. И вот были такие семьи, но они были, ну к ним относились... Ну они вот тунеядцы, т.е. они могли и пить, могли на работу не ходить. Их, конечно, не уважали (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора]. Эти ссыльные были «чужими» не только по месту их рождения, социальной принадлежности, но и по своим человеческим качествам.

Особенности ценностного слоя лингвокультурного концепта «ссыльные» подтверждаются данными лингвистического эксперимента, а именно материалами мини-сочинений, написанных респондентами 60–70 лет. Коренным ангарцам нужно было продолжить мысль, которая содержалась в зачине «В сталинские времена в Кежемский район принудительно попали тысячи людей. Их называли ссыльными. Были ли они чужими для коренных ангарцев?» Анализ сочинений показал, что ангарцы положительно оценивают в ссыльных:

а) трудолюбие: *Поскольку раскулаченные были люди **трудолюбивые**, то им несложно было заслужить какие-то симпатии;*

б) грамотность: *Среди ссыльных было много **грамотных**, их уважали. Некоторые работали продавцами (в Каде – Чайкин Степан Кондратьевич, друг моего дедушки), счетоводами. Одного я знаю, Сорокин Валентин, он был председателем колхоза в Пашино;*

в) мастеровитость: *В нашей деревне было много ссыльных литовских семей. Среди них были **мастеровые**, делали предметы домашнего обихода из бересты. У бабушки на кухне была ёмкость для соли, её сделал литовец по фамилии Липкнис. Кто-то хорошо делал колёса для телеги.*

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «ссылочные». На слово-стимул *ссылочные* были получены следующие типы ассоциативных реакций:

а) реакции-пояснения, актуализирующие представления о людях, отправленных в ссылку: *люди, отправленные в ссылку* (15); *люди, которых отправляли в ссылку* (10); *люди, которых сослали в ссылку* (7); *ссылка* (6); *люди, попавшие в ссылку* (5); *люди, которых сослали* (2); *люди куда-либо сосланные* (1); *это люди, которые посланы на ссылку* (1); *их сослают* (1); *отправка в ссылку* (1); *посланные в ссылку* (1); *это люди, которых сослают* (1); *люди были сосланы в ссылку* (1); *те, кого отправили в ссылку* (1); *те, кого сослали* (1); *были сосланы* (1);

б) реакции-пояснения, которые актуализируют представления о людях, сосланных в Сибирь: *люди, которых сослали в Сибирь* (9); *Сибирь* (8); *отправленные в ссылку в Сибирь* (8); *ссылка в Сибирь* (6); *отправляют в Сибирь* (1); *люди, которых в прошлом отправили в ссылку в Сибирь* (1); *кого сослали в Сибирь* (1); *сослают в Сибирь* (1);

в) реакции, актуализирующие представления о людях, которых сослали из других регионов: *прибывшие из Европейской части России* (1); *сосланные из отдалённых мест* (1); *из других стран и городов* (1); *это люди с центральных районов России* (1);

г) реакции, актуализирующие представления о людях, которые в качестве наказания за совершённые преступления и проступки, были отправлены в ссылку: *преступники* (5); *преступление* (1); *люди, которых выслали за какое-то преступление* (1); *отправили в другой населённый пункт отбывать наказание* (1); *наказанные* (1); *люди, которые отрабатывают за совершенные проступки* (1); *наказание* (1); *крестьяне, которых за преступления отправляли в ссылку* (1); *крестьяне, которых сослали за провинности* (1);

д) реакции, отражающие семантические множители слова-стимула: *каторжники* (3); *арестованные* (2); *заключённые* (2); *политические* (2);

е) реакции, отражающие определённые исторические знания: *декабристы* (4); *поэты* (2); *были декабристами* (1); *репрессии* (1); *были отправлены в Сибирь во времена репрессий* (1); *революция* (1); *сосланы за революцию* (1);

ё) реакции, которые актуализируют представления о невинности ссыльных: *невинновны* (2); *были сосланы незаконно* (1); *отправлялись в ссылку, оставаясь при этом невинными* (1); *попали из-за ничего в Сибирь* (1); *не виноваты в приговоре* (1).

Испытуемыми были даны оценочные реакции, которые эксплицируют четыре типа оценок:

а) общую оценку: *хорошие* (4);

б) этическую оценку: *добрые* (2); *справедливые* (2);

в) нормативную оценку: *порядочные* (2);

г) интеллектуальную оценку: *образованные* (3).

Таким образом, в результате анализа понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «ссыльные» было установлено, что данный концепт входит в структуру мегаконцепта «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв. и имеет особенности в экспликации ценностного слоя. В понятийном слое исследуемого концепта содержится четыре концептуальных признака: крестьяне-спецпоселенцы (трудпоселенцы, выселенцы); люди, сосланные в Северное Приангарье по политическим мотивам; люди, сосланные в Северное Приангарье в результате депортационной политики по национальному признаку; люди, сосланные в 60-е – начале 70-х гг. XX в. в Северное Приангарье за административные правонарушения.

3.3. Лингвокультурный концепт «вербованные»

Лексема «вербованные», в значении «тот, кого нанимали на работу обычно на определённый срок в отдалённое место», распространилась в послевоенные годы, особенно с середины 50-х гг. XX в. Она вошла в речевой оборот в связи с

трудовым и социальным феноменом «вербовки» рабочих. В Северное Приангарье вербованных привлекали в связи с интенсивным экономическим развитием данного региона. На строительство заводов, автомагистралей, различных промышленных предприятий, гидроэлектростанций, на шахты в Сибири требовалось много людей. Именно поэтому в 1953 году было создано Главное управление организованного набора рабочих, отделы которого существовали в некоторых крупных сибирских городах и районных центрах. Это управление смогло с помощью вербовки набрать рабочих из разных регионов страны в отдалённые районы Красноярского края, в частности в районы Северного Приангарья. Например, не без помощи вербованных в Сибирском регионе были построены Красноярский алюминиевый завод, Красноярская ГЭС, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Ангарский каскад ГЭС и др.

В Северном Приангарье из-за особого географического и территориального расположения активно развивалась лесная промышленность, которая также нуждалась в большом количестве рабочих. Самыми распространёнными предприятиями были леспромхозы и химлесхозы (предприятия по сбору живицы). Например, в 1962 году в Кежме был открыт один из крупнейших химлесхозов Северного Приангарья – Верхнеангарский химлесхоз, который добывал до 1000 тонн живицы за сезон [Кежемское землячество, <http://kezhma.com/>]. В конце 40-х – начале 50-х гг. XX века на предприятиях лесной промышленности в Приангарье доля людей, набранных по оргнабору, составляла 25% от общего числа рабочих [Пушмин, 2004, с. 116]. Вплоть до начала 1980-х гг. количество вербованных на предприятиях лесной и лесохимической промышленности в северных районах Красноярского края в основном увеличивалось. Затем, уже в период перестройки, организованный набор рабочих практически перестал существовать.

Большинство вербованных приезжали в Северное Приангарье на время, для заработков, но некоторые впоследствии остались здесь жить, обзавелись семьями. Известны также случаи, когда вербованные перевозили свои семьи в Северное Приангарье для постоянного местожительства. В Кежемском районе есть

населённые пункты, основанные в 70-е гг. XX в. в основном вербованными (например, п. Тагара).

Таким образом, на формирование лингвокультурного концепта «вербованные» оказал влияние не только пространственный, но и событийно-исторический культурный код.

Именем лингвокультурного концепта «вербованные» является лексема *вербованный*, которая образована от глагола *вербовать*. Данный глагол был заимствован в русский язык из польского языка (*werbowac*) со значением «набирать солдат». В свою очередь в польский язык глагол *вербовать* попал из немецкого языка: *werben* – «искать, домогаться» [Фасмер, 1986, с. 294]. В.И. Даль в языке своего времени фиксирует глагол *вербовать* со значением «нанимать, набирать охотников в солдаты или в матросы, по найму от правительства» [Даль, Т. 2, С. 31]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова отражено расширение лексического значения у глагола *вербовать* в русском языке XX в.: «нанимать, набирать для несения воинской службы или работы где-либо» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]. Сема «нанимать, набирать для работы где-либо» отмечается именно в современных толковых словарях, что является отражением советских реалий второй половины XX века. Однако стоит отметить, что такое значение в словарях закрепилось только за глаголом *вербовать*, но не за существительным *вербованный*, которое практически не отмечается современными лексикографами. Из всех известных нам современных толковых словарей русского языка только в словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой представлена лексема *вербованный* со значением, которое соотносится с первичным значением глагола *вербовать*, т.е. «набирать, нанимать на работу кого-либо, обычно на определенный срок в отдаленные места» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>]. Представленная дефиниция позволяет выделить такие понятийные признаки в содержании лингвокультурного концепта «вербованные», как:

а) действие (принять для выполнения какой-либо работы на определённых условиях);

б) ограниченное время;

в) отдалённое место.

Имя лингвокультурного концепта «вербованные» имеет и контекстуальные синонимы в ангарских текстах: *химики*, *химдымовские* и *стройка*. Оно масиологическим признаком, который положен в основу прозвищных номинаций «*химики*», «*химдымовские*» и «*стройка*», является указание на место работы «вербованных» (химлесхозы, строительство промышленных объектов и др.):

[– Как вас называли, когда вы работали в химлесхозе? – Собир.].

Химики.

[– Вас так называло коренное население? – Собир.].

Коренное (Бг.: Таёжный, 2017) [ЭТКЛСП];

[– Кто работал в химлесхозе? Местные или приезжие? – Собир.].

Приезжие работали. Местные работали, приезжие работали тоже. Много приезжих работало. Назывались, называли химдымовские (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП]; *Оно вот деревня эта, деревня была. А тут как это стройучасток был. Ну, вот не знаю, как вот они относились. Ну, вот в магазин туда... Мало магазинов-то было, туда с матерью раньше ходили. Вот говорит:*

– ***Стройка*** пришла! (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП];

– Ты, – говорит, – паря, со ***стройки***?

– Со ***стройки***.

*Ну, как они считались ***стройка**** (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП].

Употребление существительного *стройка* вместо *вербованный* является ярким примером использования метонимии в живой речи.

Анализ устных рассказов и интервью старожилов Северного Приангарья о «вербованных» показал, что в понятийном слое анализируемого концепта можно выделить три базовых концептуальных признака:

1) люди, приехавшие в Сибирь из другого региона по направлению Государственного управления организованного набора рабочих: *Они едут как, по каким они узнают, куда надо ехать, по каким-то сводкам узнают. И едут в эти*

города, там в деревни ли, в районы ли, и там **вербуют** людей, как бы просят их, что приезжайте. Называется – **вербуют** их:

– Приезжайте к нам работать, мы... У нас и зарплата хорошая, такая работа, и квартирой мы обеспечим. Работа такая, такая.

Вот они вербуют вербованных, т.е. как бы организуют рабочее место (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП]; **Вербованные сразу по набору стали приезжать. Были в газетах, писали объявления, что требуются рабочие** (Кеж.: Кодинск, 2019) [ЭТКЛСП];

2) люди, приехавшие на заработки:

[– Скажите, а кто такие вербованные? – Собир.].

– Ну, как, в посёлок приехали. Их и называли **вербованные**.

[– Зачем они в посёлок приезжали? – Собир.].

– Ну, как, в леспромхоз. **На заработки** (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; **С Костромской области много приезжали на заработки <вербованные>. Помню, вот гремел водителем Ковязин Василий Дмитриевич, бригадир лесовозной бригады, лесовозицики, лес возили. Вот он гремел оттуда. Мигудины, Минины потом оттуда приехали с Костромской области. Много семей как-то в один год. Это где-то в 57-м, в 58-м году они приехали. Много. Ну, со всех мест ехали** (Кеж.: Кодинск, 2019) [ЭТКЛСП].

Образный слой лингвокультурного концепта «вербованные» не эксплицируется в устных текстах старожилов Северного Приангарья. Обусловлено это тем, что анализируемый концепт «затухает». Это связано с несколькими причинами, например, с тем, что большинство вербованных приезжали работать в Северное Приангарье на определённое время; также важно учитывать тот фактор, что процесс активной вербовки продолжался относительно недолго, закончившись в период перестройки. В настоящее время изменились и условия хозяйственного освоения Северного Приангарья и Сибири в целом. «Вербованных» сменили «вахтовики», которые не включены в социальную жизнь посёлков; живут изолированно без семей; находятся на территории Северного

Приангарья короткое время, в отличие от «вербованных», которым в советское время предоставлялось постоянное жильё.

Анализ ценностного слоя лингвокультурного концепта «вербованные» показал, что положительная оценка в устных текстах и интервью эксплицирована преимущественно морфологическими средствами языка (оценочными прилагательными и наречиями), которые репрезентируют три типа оценок:

а) общую оценку: *Так, они, тоже они вербованные, которые были неплохие, неплохие которые были* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП];

б) эстетическую оценку: *С Украины два парня приехали, здоро-о-овые. Такие здоровые, крепкие* (Кеж.: Кодинск, 2019) [ЭТКЛСП];

в) нормативную оценку, которая преобладает в ценностном слое исследуемого лингвокультурного концепта:

[– Как к «вербованным» относились местные? – Собир.]

Нормально. Люди как люди (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП];

[– Как местное население общалось с теми, кто в 60-е гг. приезжал на работу в леспромхозы, химлесхозы в Мотыгинский район? – Собир.]

А нормально. Все нормально, вот не было такого, что одни ругались (Мт.: Мотыгино, 2017) [ЭТКЛСП]; *Местные к ним нормально относились, такие же, как все были, чё они* (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; *Они <вербованные> нормально работали. Никаких не было претензий* (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП].

Отрицательно коренные ангарцы отзываются прежде всего о пристрастии вербованных к пьянству: *Они как пьют, побольше пьющие были. Даже всегда говорили:*

– Ой, эти химики – алкаши.

Да, но больше было пьющих, потому что легче же пьющему, хотя бы вот жить в этом лесу. Или в посёлке, или в лесу – это же разница (Бг.: Манзя, 2017) [ЭТКЛСП];

[– Нам рассказывали, что вербованные, химики часто пили. – Собир.]

Так зарплата вся уходила на это. Обратно в магазин. Они, если зарплату:

– *О, я поеду домой, я поеду домой, я поеду на родину.*

Уволился, тут же эти деньжонки получил, пропил их. В общежитии лежит несколько дней там или недель. Идёт обратно к начальнику лесопункта, просит:

– *Дай работу.*

Обратно его с испытательным сроком берут. Он испытательный срок выдерживает, его снова в этот, на работу. И снова, пока домой не захочет (Кеж.: Козинск, 2019) [ЭТКЛСП].

Ценностный слой исследуемого лингвокультурного концепта был проанализирован также на материале сочинений, написанных респондентами в рамках лингвистического эксперимента. Ангарцам нужно было продолжить мысль, которая содержалась в зачине: «В 60–80-е гг. XX века в Кежемский район из разных уголков СССР приезжали на работу сотни людей, заключив особый трудовой договор с государством. Тогда этих людей называли вербованными. Были ли они чужими для коренных ангарцев?» Анализ сочинений показал, что ангарцы оценивают поведение вербованных отрицательно: *С появлением этой категории людей (вербованных – Е.С.) появились общежития, в основном это были мужчины. У ангарцев были крепкие семьи, и одинокие люди были им не по нраву. Говорили: «А, он вербованный...» Звучало это как-то неуважительно и недоброжелательно. Они позволяли разные вольности: пьянки, драки.*

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «вербованные». Испытуемые на слово-стимул *вербованные* привели следующие типы ассоциативных реакций:

а) реакции, актуализирующие представления о людях, которые приезжали в Северное Приангарье в результате специального набора рабочих: *люди, которых уговорили переехать (3); те люди, кто приехал в районы Приангарья по поручению (2);*

б) реакции, актуализирующие представления о людях, которые прибыли из других регионов на работу: *пришлые (6); приезжие (4); приезжали на работу (1);*

в) реакции-пояснения, имеющие ассоциации с вольнонаёмными рабочими: *люди, которых наняли на работу* (3); *нанятые люди* (1); *вольнонаёмные* (1);

г) реакция, актуализирующая представления о людях, которые получают определённую плату за временную работу по найму, обычно находясь вне постоянного места проживания: *находятся на заработках* (2).

Были получены и оценочные реакции, преимущественно отрицательные, отражающие особенности ценностного слоя: *слабые* (2), *подневольные* (2), *ненадёжные* (1), *скрытые* (1), *хитрые* (1).

Однако стоит отметить, что были даны и положительные оценочные реакции, эксплицирующие разные типы оценок:

а) общую оценку: *хорошие* (3);

б) этическую оценку: *мирные* (1);

в) нормативную оценку: *закалённые* (1);

г) интеллектуальную оценку: *умные* (2).

Таким образом, в результате анализа устных текстов и интервью старожилов Северного Приангарья о «вербованных» и данных лингвистического и ассоциативного экспериментов, было установлено, что в структуре лингвокультурного концепта «вербованные» содержится два слоя: понятийный и ценностный. В ценностном слое превалирует зона нормативной оценки.

3.4. Лингвокультурный концепт «городские»

Именем лингвокультурного концепта «городские» является лексема *городской*. Данное субстантивированное прилагательное является вариантом словосочетания *городской житель*. Производная лексема *город* («крупный населённый пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п.» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]). В этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что лексема *горожанин* происходит от старославянского варианта *гражданинъ полѣтъс*, которое в свою очередь, как и слово *городской*, является производным от старославянского *градъ*

«πόλις, κήπος», восходящее к праславянскому *gordъ («ограда», «забор», «огороженное место»), именно поэтому в других славянских языках встречаются слова со схожими корнями, например, словенское grād, полабское gord и др. [Фасмер, 1986, с. 443]. Согласно П.Я. Черных, ещё в дописьменный период в древнерусском языке использовалось слово *городъ* в значении «ограда» или «забор», которое впоследствии приобрело такие значения как «укрепление», «крепость» и, наконец, «город». Затем возникли производные варианты *городьский* и *горожанинъ* [Черных, 1999, с. 206].

В толковых словарях русского языка субстантиват *городской* имеет дефиницию «житель города» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>; БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>].

Исследуемый лингвокультурный концепт в речи старожилов Северного Приангарья репрезентируется через использование лексемы *городские* преимущественно во множественном числе: *Они приезжали к нам, городские-то, в основном те, которые получили какое-то образование* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора].

Контекстуальный анализ устных рассказов и высказываний о «городских» позволяет выделить базовый концептуальный признак в его содержании:

1) те, кто живут в городе: *У них там в городе всё по-другому* (Кеж.: Козинск, 2019) [Из архива автора].

Для анализа образного слоя были использованы материалы лингвистического эксперимента, заключавшегося в написании сочинения на тему «Городские и деревенские», в котором сравнивались характеры жителей города и проживающих в сельской местности. Как показал анализ, испытуемые часто описывали отличие внешности деревенского жителя от городского: *Деревенский житель никогда не покрасит волосы, не сделает какой-то открытый пирсинг; В деревне люди не стремятся спешить за модой. В городе совсем иначе, здесь многие девушки спешат получить последние модели новинок; У нас в деревне какая-то особая мода. Девушки красятся очень безвкусно, вызывающе, у них*

часто странная стрижка. Городские люди больше подвержены влиянию моды, выглядят более ухоженно, аккуратно; Если сравнивать наиболее распространённые типы индивидуумов, то деревенские будут отличаться более краткой манерой речи и поведения, более скромным внешним видом по сравнению с приезжими городскими.

Приведённые сравнительные характеристики городских и деревенских жителей показывают, что эти представления жителей Северного Приангарья сформированы элементами обыденного сознания. Как показал анализ контекстов, ангарцы в разной степени оценивают внешность своих земляков, преимущественно жителей сельской местности. Одни респонденты положительно оценивают то, что деревенские жители не следят за модными трендами и имеют скромный внешний вид, другие негативно отзываются о внешности деревенских девушек.

В ценностном слое лингвокультурного концепта «городские» зона положительной оценки эксплицирована оценочными прилагательными, которые преимущественно репрезентируют интеллектуальный тип оценки: *Вот дедушка, ну поскольку городские в основном были грамотные, образованные какие-то люди, вот такие, он просто не мог с ними наговориться. Ему было очень интересно, он задавал кучу вопросов. Т.е. он просто от них не отходил, когда приезжали городские. Т.е. ему нужна была информация, ему интересно всё было* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора]; *Они приезжали к нам, городские-то, работать по своей специальности. И к ним вот в этом плане положительно относились, что они люди грамотные. Много чего знают, много чего могут* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора].

В сочинениях, написанных молодыми респондентами из г. Кодинска и с. Богучаны (это самые крупные населённые пункты Северного Приангарья), эксплицируется положительная оценка жителей города, в частности интеллектуальная оценка: *Городские люди более грамотно разговаривают;*

Городские люди постоянно развиваются, обучаются, узнают много новой информации.

В некоторых текстах старожилов Северного Приангарья репрезентирована отрицательная оценка «городских». Ангарцы негативно оценивают поведение жителей конкретных городов: *Ну, обозы шли по деревням, в Канск ездили. Потом уже в тридцать седьмом году уже пошли обозы за горючим. Каждая деревня завозила горючее себе. Вот и шли обозы по шесть лошадей, шесть возчиков, колхозы завозили.*

[– А вот раньше обозы, по рассказам стариков, когда жили одиночно, грабили? – Собр.].

Ну, одиночно-то жили... В городе бывало там, в Канске. Канск – паршивый городишко был, хулиганский [СГРСБС, Т. 7, с. 466].

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «городские». Было установлено, что на слово-стимул *городские* испытуемые привели следующие типы ассоциативных реакций:

а) реакции, связанные с локусами жизненного пространства: *улицы* (9), *многоэтажки* (5), *бетонные стены* (2), *здания* (2), *квартира* (2), *кинотеатры* (1), *супермаркеты* (1), *университеты* (1), *банки* (1);

б) реакции, актуализирующие представления о реалиях городской транспортной системы: *автобус* (4), *пробки* (2), *парковки* (1);

в) реакции, актуализирующие представления о реалиях культурной жизни: *достопримечательности* (1), *памятники* (1);

г) реакция, которая связана с феноменом политической жизни: *власть* (2);

д) реакции, связанные с экологией: *духота* (1), *шум* (1);

е) реакции-характеристики жителей города: *современные* (2), *идущие в ногу со временем* (1).

Испытуемые привели оценочные реакции, которые передают как положительные, так и отрицательные оценки. Были приведены оценочные прилагательные, которые выражают положительную интеллектуальную оценку:

умные (2), начитанные (1), образованные (1), грамотные (1), прогрессивные (1). Некоторые прилагательные репрезентируют эстетическую оценку: *модные (4), стильные (2), красивые (1).* Негативно ангарцы оценивают некоторые внутренние качества жителей города, а также их поведение: *злые (2), высокомерные (2), болтливые (1), бесчувственные (1), закрытые (1), холодные (1), жадные (1), ленивые (1), неприспособленные (1).*

Таким образом, было установлено, что структура лингвокультурного концепта «городские» состоит из понятийного, образного и ценностного слоёв. Языковые данные мини-сочинений на тему «Городские и деревенские» свидетельствуют о том, что образный слой представлен преимущественно перцептивными лексемами. Респонденты описывают в основном отличие внешности деревенского жителя от городского. В ценностном слое представлена как зона положительной, так и зона отрицательной оценки, эксплицированные преимущественно оценочными прилагательными. Данные ассоциативного эксперимента дополняют содержание ценностного слоя, а также раскрывают ассоциативные представления ангарцев о «городских».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Структура мегаконцепта «чужие» включает несколько лингвокультурных концептов. В рамках настоящего исследования рассмотрены только лингвокультурные концепты «ссылльные», «вербованные» и «городские», формирование которых обусловлено: а) пространственным культурным кодом («ссылльные», «вербованные», «городские»); б) пространственным и событийно-историческим культурными кодами («ссылльные»); в) пространственным и социальным культурными кодами («вербованные», «городские»).

В понятийном слое лингвокультурного концепта «ссылльные» содержится три концептуальных признака: 1) крестьяне-спецпоселенцы (трудпоселенцы, выселенцы); 2) люди, сосланные в Северное Приангарье по политическим мотивам; 3) люди, сосланные в Северное Приангарье в результате депортационной политики по национальному признаку; 4) люди, сосланные в 60-е – начале 70-х гг. XX в. в Северное Приангарье за административные правонарушения.

В проанализированных устных текстах о «ссылльных» образные средства языка не используются, т.к. для устной речи образность присуща в меньшей степени, чем для речи письменной.

В ценностном слое лингвокультурного концепта «ссылльные» преобладает положительная оценка, выраженная преимущественно оценочными прилагательными. Негативно оцениваются только те, кого сослали за тунеядство. Анализ данных ассоциативного эксперимента показал, что на слово-стимул *ссылльные* испытуемые привели следующие типы реакций: 1) реакции-пояснения, актуализирующие представления о людях, отправленных в ссылку; 2) реакции-пояснения, которые актуализируют представления о людях, сосланных в Сибирь; 3) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность ссыльных к Сибири; 4) реакции, актуализирующие представления о людях, которых сослали из других регионов; 5) реакции, актуализирующие представления о людях, которые в качестве наказания за совершённые

преступления и проступки, были отправлены в ссылку; б) реакции, отражающие семантические множители слова-стимула; 7) реакции, отражающие определённые исторические знания; 8) реакции, которые актуализируют представления о невиновности ссыльных. Также были получены оценочные реакции, эксплицирующие общую, этическую, нормативную и интеллектуальную оценки

В понятийном слое лингвокультурного концепта «вербованные» актуализированы два концептуальных признака: 1) люди, приехавшие в Сибирь из другого региона по направлению Государственного управления организованного набора рабочих; 2) люди, приехавшие на заработки.

Образный слой лингвокультурного концепта «вербованные» не эксплицируется в устных текстах старожилов Северного Приангарья, что обусловлено его «затуханием».

В ценностном слое исследуемого концепта превалирует нормативная оценка. Для расширения сведений о содержании лингвокультурного концепта «вербованные» были использованы данные ассоциативного эксперимента, в рамках которого информанты на слово-стимул *вербованные* привели следующие типы реакций: 1) реакции, актуализирующие представления о людях, которые прибыли из других регионов, в частности для работы; 2) реакции, актуализирующие представления о людях, которые приезжали в Северное Приангарье в результате специального набора рабочих; 3) реакции-пояснения, имеющие ассоциации с вольнонаёмными рабочими; 4) реакции, актуализирующие представления о людях, которые получают определённую плату за временную работу по найму, обычно находясь вне постоянного места проживания. Были получены и оценочные реакции, эксплицирующие общую, этическую, нормативную и интеллектуальную оценки.

Лингвокультурный концепт «городские» в устных текстах старожилов Северного Приангарья репрезентирован через использование лексемы *городские*. В понятийном слое исследуемого концепта можно выделить базовый концептуальный признак: те, кто живут в городе.

Образный слой репрезентируют слова с перцептивным значением, позволяющие представить внешний вид городских. Анализ показал, что в ценностном слое лингвокультурного концепта «городские» выделяются две зоны оценки: положительная, выраженная оценочными прилагательными, которые репрезентируют интеллектуальный тип оценки, а также отрицательная зона оценки. Анализ данных ассоциативного эксперимента показал, что на слово-стимул *городские* испытуемые привели следующие типы реакций: 1) реакции, связанные с локусами жизненного пространства; 2) реакции, актуализирующие представления о реалиях городской транспортной системы; 3) реакции, актуализирующие представления о реалиях культурной жизни; 4) реакции, которые связаны с феноменом политической жизни; 5) реакции, связанные с экологией; 6) реакции-характеристики жителей города. Также были получены оценочные реакции, которые эксплицируют как положительные, так и отрицательные оценки.

ГЛАВА 4. ЯЗЫКОВЫЕ И ТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В УСТНЫХ ТЕКСТАХ СТАРОЖИЛОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ О «СВОИХ» И «ЧУЖИХ»

4.1. Проблема классификации эмоций

Эмоции изучаются представителями разных гуманитарных наук: философии, психологии, социологии и других, в том числе и лингвистики. В последние годы получила развитие новая отрасль науки о языке – лингвистическая эмотиология или лингвистика эмоций. Эта научная отрасль институционально сформировалась в 1980-е годы. В 1987 году в Берлине состоялся IV Международный конгресс лингвистов, на котором прозвучал доклад чешского учёного Ф. Данеша об эмоциональном аспекте языка. В итоговых документах конгресса проблема «язык и эмоция» была названа одной из приоритетных в лингвистических исследованиях [Шаховский, 2009, с. 32]. Большой вклад в изучение проблемы «язык и эмоция», а также в формирование лингвистики эмоций внесли сотрудники Международного центра изучения эмоций Гарвардского университета. В это же время в СССР проводились аналогичные исследования, в научный оборот был введён термин «лингвистика эмоций» [Шаховский, 1987, с. 47].

Интерес учёных, в частности лингвистов, к исследованию эмоций закономерен, поскольку они характеризуют внутренний мир человека. Однако до сих пор нет согласия среди исследователей разных научных направлений в том, что же такое эмоция, не выработана единая классификация базовых эмоций и т.д. Стоит отметить, что среди видов эмоций выделяют в основном аффекты (сильные кратковременные переживания); чувства (феномены, имеющие ярко выраженный предметный характер); настроения (длительные эмоциональные состояния), а также сами эмоции (более длительные состояния, чем аффекты, которые слабо проявляются в поведении субъекта).

Английский философ Г. Райл разграничивал понятия, которые иногда подводят под понятие «эмоция»:

- 1) склонность / мотив;
- 2) настроение;
- 3) волнение;
- 4) чувства [Ryle, 1949, p. 83].

Отечественный психолог Р.С. Немов выделяет такие виды основных эмоций, как простейшие (биологические) эмоции, аффекты, чувства, страсти, стрессы и настроение [Немов, 2003, с. 294].

Э. Вейганд придерживался широкой концепции понимания эмоций; с его точки зрения не важны чёткие разграничения таких неврологических состояний, как эмоции, чувства и сознание. Учёный выделял два типа эмоций:

- 1) эмоции как способности;
- 2) эмоции как состояния / условия [Weigand, 2004, p. 9].

В настоящее время под эмоциями многие учёные понимают особое психическое отражение, которое существует в форме переживания жизненного смысла тех или иных явлений и ситуаций. Эмоции – это могучее средство, позволяющее активизировать сенсорно-перцептивную деятельность человека. Они возникают благодаря личным мотивам, т.е., если человека что-то волнует, значит, затрагивает и его [Головин, 1998, с. 646–648]. Уже долгое время учёные, представляющие разные научные направления, пытаются сформировать классификацию базовых эмоций, а также описать простые или производные эмоции. В хронологической последовательности представим наиболее распространённые из них.

Ещё в XVIII веке Иммануил Кант, анализируя телесные переживания, писал о том, что эмоции можно поделить на две большие группы: стенические и астенические. К первой группе немецкий философ относил такие эмоции, как воодушевление, радость и гнев, а ко второй группе причислял страх, тоску и печаль. И. Кант считал, что стенические эмоции повышают мышечный тонус

человека, придают ему силы и энергии, а астенические эмоции, напротив, ослабляют [Кант, 1966, с. 743].

Ч. Дарвин, изучавший вербальные и невербальные средства выражения эмоций, утверждал, что существует набор эмоций, которые охватывают весь организм. Среди таких сильных эмоций, учёный выделял ужас, страдание, ярость и сильную радость [Дарвин, 2001, с. 221].

В XX веке многие классификации базовых эмоций были сформированы на основе двух подходов, которые были разработаны преимущественно американскими исследователями: во-первых, подход, который заключается в психологической обусловленности эмоций, а, во-вторых, подход, обусловленный биологическими предпосылками.

В рамках первого, психологического, подхода можно выделить классификацию К. Отли и П. Джонсон-Лэрда, которые выделили пять базовых эмоций: гнев, отвращение, страх, счастье и печаль [Johnson-Laird P.N., Oatley K., 1996].

Стоит упомянуть и о классификации американского психолога и философа К.Э. Изарда, который разработал теорию дифференциальных эмоций. В основе этой классификации лежат десять базовых эмоций:

- 1) интерес–возбуждение: относятся к положительным эмоциям;
- 2) удовольствие–радость: определяются как возвышенные чувства, а также как чувство уверенности;
- 3) удивление – переменное, быстро сменяющееся эмоциональное состояние;
- 4) горе–страдание: являются сильными эмоциями;
- 5) гнев–ярость: очень мощные отрицательные эмоции;
- 6) отвращение–омерзение: эмоции, которые связаны с деструктивным поведением человека;
- 7) презрение–пренебрежение: эмоции, которые ведут к деперсонализации личности;
- 8) страх–ужас: стрессовые эмоции;
- 9) стыд–застенчивость: в основном связаны с положительными эмоциями;

10) вина–раскаяние [Изард, 1980, с. 52–71].

Перечисленные эмоции формируют основную мотивационную систему. Базовые эмоции, которые выделил К.Э. Изард, связаны с различными внутренними переживаниями и относятся к различным внешним выражениям этих переживаний. Одни эмоции могут усиливать или, наоборот, ослаблять другие. По К.Э. Изарду эмоция состоит из трёх элементов: нейронной активности мозга и соматической нервной системы, деятельности поперечно-полосатой мускулатуры, а также субъективного переживания [Там же].

В рамках второго биологического подхода отметим психозволюционную теорию Роберта Плутчика. Он выделил 8 базовых эмоций: восторг, отвращение, гнев, ужас, восхищение, горе, изумление, настороженность. Всю палитру эмоций, как базовых, так и производных от них, учёный расположил в специальной схеме, которая получила название «Колесо эмоций Роберта Плутчика» (см. Рис.1). Суть своей теории Р. Плутчик изложил в нескольких постулатах:

1) эмоции представляют собой определённые механизмы коммуникации и выживания, которые основаны на эволюционной адаптации;

2) эмоции имеют генетическую основу;

3) эмоции являются гипотетическими построениями, которые основаны на очевидных явлениях различных классов.

4) эмоции – это цепи тех или иных событий со стабилизирующими обратными связями, которые поддерживают поведенческий гомеостаз;

5) некоторые эмоции являются первичными, а другие производными или смешанными от них;

6) эмоции можно соотнести с чертами характера, например, «депрессия» и «паранойя», которые являются крайними выражениями радости, печали и отвержения [Plutchik, 1980, p. 3–33].

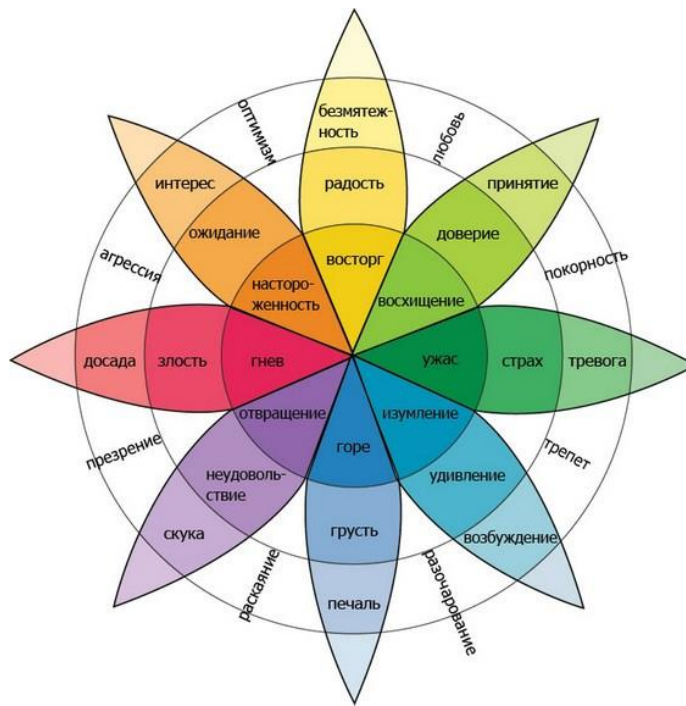

Рис.1. Колесо эмоций Р. Плутчика

Из современных и актуальных классификаций базовых эмоций, которые выполнены в рамках подхода, обусловленного биологическими предпосылками, можно отметить биохимическую классификацию шведского биолога Г. Левхейма. Данная классификация, представленная графически в виде куба, описывает корреляцию между уровнем в крови человека трёх гормонов, а именно допамина, норадреналина, серотонина, которые выполняют функции моновинных медиаторов, и эмоциями, испытываемыми человеком в той или иной ситуации. В результате функционирования указанных гормонов Г. Левхейм выделил несколько корреляций базовых эмоций, которые может выразить субъект:

- злость / гнев – связаны с высоким уровнем допамина и норадреналина в крови и низким уровнем серотонина;
- интерес / возбуждение – связаны с высоким уровнем всех трёх гормонов;
- удовольствие / радость – высокий уровень допамина и серотонина, низкий уровень норадреналина;
- безразличие / отвращение – высокий уровень серотонина, низкий уровень норадреналина и допамина;

- стыд / унижение – связаны с низким уровнем всех трёх гормонов;
- страх / ужас – связаны с высоким уровнем допамина и низким уровнем серотонина и норадреналина;
- страдание / тоска – высокий уровень норадреналина, низкий уровень серотонина и допамина;
- удивление – связано с высоким уровнем серотонина и норадреналина и низким уровнем допамина [Lövhelm, цит. по Колмогорова, 2018, с. 84]. Как гормоны, в частности допамин, влияют на выражение эмоций, изучают и другие зарубежные исследователи [Salamone J.D., Correa M., Randall P.A., Nunes E.J., 2014].

В работах отечественных исследователей представлены различные классификации эмоций. Подробную классификацию эмоций разработал советский психолог Б.И. Додонов, положивший в основу отбора эмоций их ценностное содержание. Учёный выделил следующие группы «ценных» эмоций:

1) альтруистические эмоции: нежность, умиление, сопереживание, участие, жалость, забота;

2) коммуникативные эмоции: уважение, признательность, благодарность, обожание, симпатия, желание общаться, желание заслужить одобрение от близких и уважаемых людей;

3) глорические эмоции: признание, почёт, гордость, превосходство, самолюбие;

4) практические эмоции: напряжение, увлечённость, желание добиться успеха в работе, любование результатами своего труда, приятная усталость, приятное удовлетворение, что дело сделано;

5) пугнические эмоции: острые ощущения, упоение опасностью, спортивный азарт, решительность, спортивная злость, чувство сильнейшего волевого и эмоционального напряжения;

6) романтические эмоции: стремление к неизведанному, ожидание чуда, манящее чувство дали, чувство значительности происходящего, чувство зловеще-таинственного, чувство преображённого восприятия окружающего;

7) гностические эмоции: стремление проникнуть в сущность явления, удивление, ясность, стремление преодолеть противоречия в собственных рассуждениях, чувство догадки, радость открытия истины;

8) эстетические эмоции: наслаждение красотой, чувство изящного, чувство возвышенного, наслаждение звуками, чувство драматизма;

9) гедонистические эмоции: чувство беззаботности, веселье, лень, приятная возбуждённость, сладострастие, наслаждение приятными физическими ощущениями от вкусной пищи, тепла, солнца и т. д.;

10) акизитивные эмоции: многократное приобретение и накопление, радость по случаю увеличения накоплений, приятное чувство при обозрении накоплений.

Б.И. Додонов подчёркивает, что данная классификация является «открытой», поэтому она может быть со временем дополнена без изменения принципов, которые положены в её основу [Додонов, 1978, с. 55–62].

Отечественные лингвисты, как и психологи, также разрабатывали типологии эмоций, применяя различные подходы. Л.Г. Бабенко использовала семантический подход к рассмотрению эмоций, благодаря которому был выделен большой список эмотивной лексики: удовольствие, уважение, стыд, страх, спокойствие, сомнение, смирение, смелость, беспокойство, вдохновение, вера, влечение, высокомерие, горе, грусть, доброта, дружба, жалость, желание, радость, равнодушие, протест, одобрение, одиночество, обида, неприязнь, недовольство, неверие, надежда, наглость, любовь, лицемерие, искренность, злость, жёсткость [Бабенко, 1989, с. 144–182].

Подробная классификация представлена и в «Словаре эмотивной лексики русского языка», в котором вся эмотивная лексика распределена по 37 основным классам с учётом типа обозначаемой эмоции: беспокойство, вдохновение, вера, влечение, высокомерие, горе, грусть, доброта, дружба, жалость, желание, жестокость, злость, искренность, лицемерие, любовь, любопытство, наглость, надежда, неверие, недовольство, неприязнь, обида, одиночество, одобрение, протест, равнодушие, радость, смелость, смирение, сомнение, спокойствие, страх,

стыд, уважение, удивление, удовольствие [Словарь эмотивной лексики русского языка, <https://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2875>].

Ю.Д. Апресян выделяет несколько групп эмоций:

- базовые или первичные, которые обусловлены биологически: страх, радость, гнев, печаль;
- вторичные или окультуренные: надежда, удивление, возмущение, восхищение и др.;
- более стихийные эмоции, в которых преобладает чувственный компонент: страх, паника, тоска, ужас, зависть, ревность и др.;
- менее стихийные эмоции с преобладанием интеллектуальной оценки: например, изумление [Апресян, 1995б, с. 54].

В настоящем исследовании с опорой на психологический подход к эмоциям и чувствам будут рассмотрены такие эмоции как горе, сострадание, возмущение, восхищение, удивление, радость, осуждение, тревога, которые наиболее часто встречаются в устных ангарских текстах о «своих» и «чужих».

4.2. Языковые средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих»

В данном параграфе рассматриваются лексические и синтаксические средства языка как наиболее типичные средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих». Средства выражения эмоций не раз становились объектом исследования русистов. На диалектном материале их изучали Т.Н. Москвина [2003], В.К. Приходько [2013], на просторечном – Л.Е. Антонова [2009]. На материале русского литературного языка языковые средства экспликации эмоций подробно рассмотрены Л.А. Калимуллиной [1999].

Одними из самых распространённых языковых средств языка, выражающих эмоции, являются эмотивы, которые передают те или иные эмоции, испытываемые человеком [Шаховский, 2008, с. 61]. В современной лингвистике

нет единой точки зрения на типологию эмотивов. В настоящем диссертационном исследовании мы предлагаем модифицированную классификацию эмотивов, в которой учтён опыт их исследования в работах отечественных учёных [Бабенко, 1989; Калимуллина, 2006; Шаховский, 2008]. В основе данной типологии лежат семантические и грамматические критерии:

- 1) собственно эмотивы или имена эмоций, выраженные существительными, прилагательными, глаголами;
- 2) аффективы-междометия;
- 3) экспрессивы;
- 4) коннотативы;
- 5) фразеологические единицы, передающие различные эмоции.

Диалектный дискурс, представленный устными текстами разных жанров, тесно связан с выражением эмоций и оценок в коммуникативных практиках повседневности [Демешкина, Тубалова, 2017, с. 41]. Устные тексты старожилов Северного Приангарья о «своих» обладают большой информативностью для выражения эмоций.

В текстах представлены лексемы, обозначающие эмоции, т.е. собственно эмотивы – лексемы, которые прямо называют те или иные эмоции. Собственно эмотивы используются в текстах о тяжёлой жизни и изнурительном труде. В таких текстах, как правило, выражается эмоция *сострадания*: *Нас четырнадцать детей было. Парами рожались, двойнишные были, двое. Я двойнишная. Двое двойнишных у нас у мамы было <...>. Пилили, и тёс пилили, и плахи пилили, и брёвна возили. Возили, значит, дрова, дровами топили печки, железку эту. Пилили вот так. Вот так и жили, маялись. Тяжёлая жизнь у ангарцев* [СГРСБС, Т.13, с. 164]. В данном примере говорящим использована лексема «маяться» – «испытывать физические или нравственные страдания; изнемогать, страдать», которая передаёт эмоциональную характеристику жизни ангарцев в военные и послевоенные годы [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>].

Одними из самых распространённых лексических средств выражения эмоций в устных текстах являются **аффективы**, т.е. языковые единицы,

непосредственно выражающие эмотивность, которая содержится в основном значении слова [Шаховский, 2008, с. 75]. Преимущественно аффективы представлены междометиями и междометными конструкциями, а также различными эмоциональными апеллятивами, инвективами, бранными словами и другими языковыми средствами.

Междометия и междометные конструкции являются специфической формой эмоциональной речи. Они представляют собой особые знаки эмоций. Использование междометий в устной речи вызвано произвольной реакцией говорящего на внутреннее психоэмоциональное состояние [Коминэ, 1999, с. 56].

Аффективы-междометия обладают высоким индексом частотности в речи ангарцев. В зависимости от контекста аффективы-междометия выражают разные эмоции. В некоторых текстах трудно определить конкретную эмоцию, которую выражают междометия. В устных ангарских текстах о «своих» аффективы эксплицируют «событийные» симптоматические реакции [Шаронов, 2006, с. 563]. Например, когда информант рассказывает о том, как жили ангарцы в 30–40-е гг. XX века, он использует междометие *ой* как реакцию на физическую и психологическую тяжесть: *Жили люди в бедноте, а вот подходит Троица:*

– *Ой, но от чё мы будем в Троицу-то ись-то?*

Нечего было ись, у моей мамы было семь ребятишек.

Ой, мы чё будем ись-то?

Ись-то нечего было, мы впроголодне жили [СГРСБС, Т. 8, с. 371].

В следующем тексте междометие *ой* повышает эмоциональный фон сказанного: *Ой, все трудились, все работали!* (Бг.: Иркиннеево, 2017) [ЭТКЛСП]. В приведённом фрагменте данное междометие выражает эмоцию *сострадания*.

Экспрессив представляет собой языковую единицу, которая увеличивает эмотивный фон текста за счёт семы образности, усиления [Табурова, 1999, с. 22]. В ангарских текстах экспрессивы, представленные словами разных частей речи, преимущественно выражают эмоцию *восхищения* земляками, односельчанами: *Сибиряки – все очень прекрасные люди, очень прекрасные* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (д. Аксёново*) в 2019 г. в

г. Красноярске) [ЭТКЛСП]; *Сибиряки, ну, мы привыкли воспринимать самих, хотя мы сами сибиряки, что мы разухабистые, мы такие открытые, мы выпивохи, горлопаны, **очень принимающие людей**, в душе немного простоватые. На самом деле, наверно, какая-то в этом толика есть, но это всё более как-то приглушённо мне кажется* (Бг.: Иркиннеево, 2018) [ЭТКЛСП]. В приведённых выше фрагментах экспрессивы репрезентированы наречием *очень* в сочетании с различными оценочными прилагательными: *очень прекрасные люди, очень принимающие людей*, которые выражают эмоцию *восхищения*.

*Видите, они всё, ангарцы, всё торопились. И было такое слово: **ездой бежать**.*

– *Ну, ты уж ездой не бегай, ты так успеешь.*

*На рыбалку пошёл – сбегая, на охоту сбегая, за грибами сбегая. Вот такое слово, «сбегая», было очень выразительно для ангарцев. Всё надо было успеть, всё надо было в какие-то сроки уложиться, чтобы там не опоздать и тут не проквасить, там не обробеть, ну, не опоздать <...>. **Всё ездой бежали**, всё быстрее <...>. **Ангарцы все ездой бежали** [СГРСБС, Т. 15, с. 320]. В приведённом тексте использовано экспрессивное выражение *ездой бежать*, которое репрезентирует эмоцию *восхищения* сноровкой коренных ангарцев, их способностью быстро преодолевать большие расстояния, а также ловко выполнять ту или иную работу.*

Особую группу эмотивной лексики в ангарских текстах составляют **коннотативы**, которые «служат для выражения эмоционального отношения говорящего к называемому в логико-предметном компоненте значения объекту отражения или через его наименование к другому объекту отражения, обладающему сходными объективными или приписываемыми эмоциональным говорящим признаками (перенос, смещение денотата или отрыв от своего денотата)» [Шаховский, 2008, с. 76]. В проанализированных текстах нам преимущественно встретились коннотативы, которые выражают эмоцию *восхищения* теми или иными способностями людей:

Не каждый может называться ангарцем, потому что у него корни от другого... этого... Поэтому не очень-то. Коренные – так конечно, все ангарцы. Где бы они потом не были, они всё ангарцами. Так у них идёт это. Труженики! (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; *«Наши-то трудяги все были. Уж из трудяг трудяги»* (Бг.: Иркиннеево, 2017) [ЭТКЛСП, URL: <http://angara.sfu-kras.ru/>]. В данных текстах использованы коннотативы *труженики* и *трудяги*. В лексическое значение слова *труженики* входит не только логико-предметный семантический компонент «тот, кто умеет трудиться», но и коннотативный семантический компонент «тот, кто умеет много и усердно трудиться». Слово *трудяги* является одним из синонимов лексемы *труженики*.

*Коренны Пановы здесь. Но а тоже счас сбродны все: Сизых, Савватеевы, Пономарёвы. Пономарёвы – это тоже давношние (...). Карнаухов Пётр Филиппович был. Вот он здесь жил, в Паново. **Вот был мастер до обуток!** Всё умел делать. Любы туфельки тебе, всё подобьёт, всё сделает: и унты подошьёт, ичиги, олочи, ну, всяки обуточники мог делать, ага. **Мастеровой был!** [СГРСБС, Т. 13, с. 70]; *Раньше с детства всё делали. Мужик – мастер. Сейчас не умеют ничего. А счас нигде ничего нету <...>. В деревне же надо было всё: ту же кадушку, ту же метлу, ту же лопату – значит же, надо было всё делать* [СГРСБС, Т. 8, с. 42]. В приведённых текстах использованы два однокоренных коннотатива – *мастер* и *мастеровой*. В лексическом значении слова *мастер* «человек, достигший большого умения, мастерства в работе, творчестве, деле» коннотативный семантический компонент участвует в означивании совместно с логико-предметным компонентом. Лексическое значение прилагательного *мастеровой* тесно связано со значением слова *мастер* и также содержит в себе коннотативный семантический компонент.*

*Вот эти ГЭСы-то понастроили, и весь народ в разбросах, все поразъехались. Вот эти ГЭСы-то понастроили, и весь народ выкоренили отцэль. Фролово вся выкорененная, Усольцево, Селенгино, Мозговая, Кежма, Савино, Привалихина, Алёшкина, потом Заимка, Гусевка – все эти деревни кончили. **Оне все на славе были!** Все хорошие были, народ хороший был, **работяший был!***

[СГРСБС, Т. 5, с. 120]; *Пять колхозов, доча, было по Кове. Народ хороший был, работающий. А потом в войну самых крепких мужиков выбрали. Они ранетые пришли, в полмужика. Подымали колхозы. Они поумирали быстро. А молоды-то – кого там?! Стали уезжать* [СГРСБС, Т. 20, с. 293]. В приведённых текстах использован коннотатив *работающий*, в лексическом значении которого коннотативный семантический компонент облигатoren и сам является основным значением слова: «любящий работать, много и хорошо работающий; трудолюбивый».

В устных текстах старожилов Северного Приангарья используются **фразеологизмы**, которые выражают эмоцию *сострадания*: *А корчевали-то! Ой, тошно мне! Лопатой да топорам. А чего было-то! Выкапывали. Ходили на корчеванье-то, баб соберут. А вот в Колпачете, если котору берёзу свалить не могут, привязывают верёвку да всем миром её тянут, чтоб свалить* [СГРСБС, Т. 5, с. 174]. В данном примере говорящий использует устойчивое выражение *ой, тошно мне*. Как отмечает В.И. Даль, данное выражение имеет значение «противно, тяжко и мучительно; досадно, докучно, несносно» и может использоваться с разными междометиями, например: «Ох, тошно мне, на чужой стороне» [Даль, Т. 12, с. 34]. В «Словаре русских народных говоров» отмечается, что выражение *ой, тошно мне* употребляется для выражения того или иного оценочного значения в зависимости от смысла контекста [СРНГ, 2011, с. 311]. В приведённом нами тексте выражение *ой, тошно мне* является реакцией на физическую и психологическую тяжесть, которую испытывает говорящий.

Мы ходили в лес-то. Вручную валили-то, дрова-то пилили, по снегу-то бродили. Сколь дров-то напильвали, о-ой! Пилой двоерушной. С подружкой пилили сами лес, сваливали и пилили. По пятнадцать, по пять сажень в день напильвали. И колешь, и валишь сам <...>. Адская работа была!

Дак начинали вальбу-то эту с февраля месяца. А девчонки же! Война. Маленьки, худеньки, а там снежина вот такая! Там пилить-то... пока лесина упадёт, уже в снегу далеко. Вот её обтаптываешь, и пошёл потом – тебе, себе, начальничку! И пилишь стоишь эти чурки. Адский труд был! [СГРСБС, Т. 5,

с. 215]. Выражение *адский труд* является идиоматическим [Кустова, 2011, <http://dict.ruslang.ru/magn.php?>], ярко эксплицирует эмоцию *сострадания*.

Пока росли – никого не понимали. А выросли – работа. Нас-ту глушили тут работой. Это с ночи до ночи. А жали? Мы почти не спали. Работали. Клади клали <...>. Клади, это хлебец жали жнейками, жали. Ручни. И мы этот хлебец вяжем, эти ручни собираем и вяжем. И суслонами ставим, порядочками. И у нас групповод. Групповод идёт, у нас проверяет. А потом уж суслоны эти потом их в кладево, опять кладём клади. А зимой возят на гумно. Молотили молотилками, не то что сейчас комбайном измял, искуксил там, и всё, и хлеб свежий готов [СГРСБС, Т. 10, с. 370–371]. В тексте использовано экспрессивное выражение *глушить работой*, которое эксплицирует эмоцию *сострадания*. Данное выражение имеет значение «угнетать, притеснять, создавать условия, при которых работает забирает все силы и время» [СГРСБС, Т. 10, с. 370].

В наших материалах имеются также тексты, в которых фразеологические единицы эксплицируют эмоцию *восхищения*: *Там деревня больша, хорошая была деревня, много там было людей. Тожно, вишь, тожно ведь брали-то как? Из Заимки забрали человек, наверное, семьдесят сразу мужиков – самый лёт мужики были! <...>. Самы хороши мужики были, ага. Собрали и в Кежму всех увязли в перявозне, а там вверх конём их тянули [СГРСБС, Т. 12, с. 87].* Выражение «самый лет мужики» имеет коннотативное значение, т.к. характеризует ангарских мужчин, которых забрали на фронт, как самых сильных, крепких, ловких.

Чувство *радости* передаёт следующий контекст: *Ну, в Пасху пели, качались на качулях, привязывали качули, на качулях качались и песни, песняка давали! Но. Качались на качулях и пели песни [СГРСБС, Т. 20, с. 78].* В приведённом фрагменте использовано устойчивое выражение «песняка давать», которое эксплицирует *радость*. В данном тексте выражение «песняка давали» имеет значение «громко и долго петь» [СРНГ, 1972, с. 257].

Обобщая сказанное, отметим, что многие устные ангарские тексты о «своих» являются не только информативными, но и эмоционально окрашенными.

Как показал анализ, для описания и характеристики тех или иных событий или людей коренные ангарцы используют разные лингвистические средства (собственно эмотивы, коннотативы, аффективы-междометия и др.), которые выражают как положительные, так и негативные эмоции.

Эмоции в текстах о «своих» передаются также и с помощью **синтаксических средств языка**. Преимущественно это восклицательные предложения в сочетании с различными лексическими средствами, которые выражают те или иные эмоции. Восклицание является особым средством выражения психоэмоционального состояния говорящего, т.к. само по себе сопровождается выражением эмоций, а также чувств, как отдельного вида эмоций. Экспликация экспрессивности и эмоциональности выражается в восклицательной форме предложения, а также интонационной структуре высказывания [Вольф, 2002, с. 40–41].

Прежде всего, отметим **восклицательные предложения**, выражающие эмоцию *восхищения*, в частности восхищение вокальными способностями ангарцев: *По восемь дней свадьба – и нигде не пошатнётся. Но пили маленькими рюмочками. А голос был – вот у нас была лампа, на моёй самобытности, я помню, лампа под амбажуром – тухнет аж! И сыновья таки же были самые чисто русские <...>. А голос! Как запоют – лампа гасла!* [СГРСБС, Т. 5, с. 107].

Ангарцы выражают эмоцию *восхищения*, вспоминая сильных и физически крепких односельчан: *Вот эти Борисята, оне сильны были. Терентий был у них, дак два мешка, шестьдесят килограмм мешок пшеницы берёт рукой, второй берёт, на себя закидывает – и пошёл! Вот! А боролся?! Счас на ножах, а раньше на кулаках. Прилетит кулаком-то, и потом потрясёшь. **Во мужики были!*** [СГРСБС, Т. 4, с. 196].

С помощью восклицания ангарцы выражают *восхищение* тем, как отмечали праздники в их родных деревнях: *Народ раньше в Ирбе дружне был. Во-первых, народ так не пил. Раньше, если люди работали, то работали. Если какой-нибудь праздник, это в деревне видно: **вот праздник! Какие все нарядные!** Пусть даже*

гулянка, вместе собираются, собираются помногу. Там и песни, и пляски [СГРСБС, Т. 19, с. 99–100].

В некоторых текстах восклицание помогает выразить *сожаление* по поводу упадка современной деревни, заброшенности полей. В таких текстах *сожаление* эксплицируется, как правило, на фоне сравнения прошлой и настоящей жизни: *Это мы, когда в Иркинеевой я жил пацаном-то, ну и меня на коня посадят, и я пошёл с бечевой. Их отвезу сюда, а потом еду домой. И вот коров подоишь, подоишь, идёшь с пастбишиша, на слив заходишь, молоко вылиёшь, и всё, домой пустой идёшь. Налог. Всё сдавали, всё сдавали! Я говорю, но всё равно лучше жили, как сейчас, всё равно. Ведь я говорю, поедешь, сейчас посмотришь, ведь мы так работали, ведь я говорю, ходили вот в халаты эти, в фартуки собирали траву, пололи поля, покосы чистили, всё. **Всё заростили, всё бросили! Ведь всё равно же это несправедливо! Всё равно несправедливо!*** [СГРСБС, Т. 19, с. 110–111].

Приведём ещё несколько примеров, в которых наблюдается синкретизм синтаксических и лексических средств, которые выражают эмоции. Например, **восклицательные предложения**, которые содержат **экспрессивы**, выражающие эмоцию *восхищения* певческими способностями ангарцев: *Раньше, как эти идут кежемские, о-о-о, кежмари, ох, и песенники были они! Ужась! Как идут, это уже Кежма идёт. На илимках <...>. Так и слышно, что уже кежмари идут. Они песенники были, ужась!* [СГРСБС, Т. 20, с. 134]. Диалектно-просторечная лексема *ужась* имеет несколько значений, которые зафиксированы в диалектных словарях [СПРГСП, 1977, с. 140; СДПСП, 2003, с. 334; СРНГ, 2013, с. 329]. В приведённом фрагменте наречие *ужась* используется в значении «очень, чрезвычайно», т.е. в лексическое значение данного слова включена эмотивная сема усиления, обозначающая крайнюю степень *восхищения*.

Демид Иванович Казаков. Он был мозговской. Он прошёл войну всю. Он два раза в плену был. Он с плена сбегал два раз. Он как тут... как приехал с войны, как напьётся, так пьяный всё с немцами дерётся. Я говорю:

– Дядь Дёма, ты чё там кричишь?

– А-а-а, таки-сяки!

Пьяный-то бредил, всё с немцами дрался. И вот там немцы его не убили, дак вот тут медведь его съел. Он охотник тоже страшный был охотник! [СГРСБС, Т. 4, с. 348–349]. В данном высказывании использована лексема *страшный*, которая употребляется говорящим в значении «выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный» (коннотативная сема «исключительный»).

А в апреле белёнка. Женски все таишут на Ангару холсты белить, пока ешио лёд. И конопле белили. На морозе белили-то его, на холода бросали. На мороз положишь, на Ангару, на лёд его растянешь, он лежит на одной стороне, потом на вторую повернёшь. Он лежит-лежит там – белый-белый сделается! Всё из него вытянет там, водой да морозом выбелится. Весь берег, вся Ангара в холстах! Дак у нас всё было хорошо – никто не воровал никогда. Это сейчас нельзя оставить на ряке – утаишат. Счас вишь какой народ-то пошёл страшный! [СГРСБС, Т. 3, с. 79]. Как отмечают томские лексикографы, диалектно-просторечная лексема *страшенный* имеет значение «очень сильный или очень большой (о большой степени проявления интенсивности признака чего-либо)» [СПРГСП, 1977, с. 130; СДПСП, 2003, с. 312–313]. Таким образом, в приведённом тексте в лексическом значении слова *страшенный* содержится сема «очень», которая негативно характеризует современных ангарцев, а также выражает осуждение действий и поступков земляков.

В некоторых текстах используются **вопросительно-восклицательные предложения**, эксплицирующие эмоцию восхищения и удивления: *Раньше дружественная деревня была. Народ был дружественный. Какие Люди были?!* [СГРСБС, Т. 15, с. 72]; *День работаешь, работаешь, вот осень-то, то папашешь, то жнёшь, то кладёшь клади, а в ночь – молотишь. Надо отдыхать, а в ночь молотишь. А утром опять пахать. Не пошёл – тебя привлекали. Пять трудодней сняли. А на пять трудодней шестьсот или двести грамм хлеба, и те на дают. Как работать?! Работаешь всё равно* [СГРСБС, Т. 3, с. 302].

Таким образом, было установлено, что в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» использованы различные лексические и синтаксические средства языка. В проанализированных текстах, в которых содержатся языковые средства, выражающие эмоции, преобладают коннотативы, экспрессивы и фразеологизмы, а также восклицательные предложения. Преимущественно русские старожилы Северного Приангарья выражают в устных текстах полярные эмоции *сострадания* и *восхищения*.

4.3. Языковые средства выражения эмоций в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «чужих»

В настоящем параграфе будут рассмотрены лексические и синтаксические средства языка, которые эксплицируют эмоции старожилов Северного Приангарья, выраженные в устных текстах о «чужих»: ссыльных немцах, литовцах, раскулаченных, приезжих вербованных. В текстах о «чужих» содержатся эмотивы-номинативы, которые называют эмоции, т.е. **собственно эмотивы**. Преимущественно это рассказы об отношении русских старожилов к ссыльным, в которых с помощью лексемы *жалостливый* выражается эмоция *сострадания*: *Я дак всех примаю, никогда никому не откажу. И, может, ешиш из-за этого, может, доўго живу. И вот в Гольтявиной тоже примали, жалели. Народ-то там – не худы людишки, народ жалистливый быў, примал* [СГРСБС, Т. 11, с. 204]; *А у нашей мамы ссыльный жил. Абросим звали. Он не попускался, ходил, молился в Абросимы. Праздник же его. С иконам пойдёт. Икону возьмёт, а у мамы больша икона была, возьмёт и идёт со всемя. Ссыльный он. Их же раньше много было. По всёй Ангаре. Ссылны да бродяжны. Раньше народ ангарский жалистливый был, булку хлеба, простокишу на столб ложили, кто кринку молока глиняну, чтоб не пугали, не лезли* [СГРСБС, Т. 1, с. 107–108].

В некоторых текстах о депортированных немцах представлены **аффективы-междометия**: *Вот этих немцев раскулачили, оне же авакуированные были, оне сами-то из-под Саратова, оне же пострадали. Их в*

войну аввакуировали сюда, на Ангару, дак их раздетыми, кто в чём. **Ой!** И дети, и старики! <...>. Помирала же! [СГРСБС, Т. 1, с. 112]. В данном фрагменте междометие *ой* используется для выражения жалости, сострадания по отношению к ссыльным немцам.

В некоторых устных текстах о «чужих», а именно о вербованных, коренные ангарцы используют инвективы, когда отмечают, что приезжие на заработки часто употребляли алкоголь. В одном из таких рассказов используется инвектив *пьянь*, который в современных толковых словарях русского языка используется с пометой «обычно бранно» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]:

[– Кто работал в химлесхозе? Местные или приезжие? – Собир.].

– *Приезжие работали. Местные работали, приезжие работали тоже. Много приезжих работало. Назывались, называли химдымовские. Химдым. Вербованные, в общем, приезжали откуда-то. И местные работали, и приезжие работали. А вербованные – это специально вот от организации начальство едет <...>. Так они тоже, они вербованные, которые были неплохие, неплохие которые были, а которые были **пьяни**. Так в лесу они жили (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП].*

В текстах о ссыльных немцах также встречаются инвективы, например: *У меня свекровка, она же немка. Это в сорок первом-то, их же всех выселили из Саратова. Война началась, и пришёл приказ, что **немцев** всех с Поволжья убрали <...>.*

[– А как местные их встретили? – Собир.].

– *Местные? Немцы... да «фашисты» всё были оне. О-о-ой, всяко тоже, презирали всё время. У ней брат был Ваня, он уже пацаном был, а чуть где не ладно, обзывали всё время:*

– *Немец, «фашист»!*

А оне ведь жили на нашей земле, на Волге. Там таки колхозы были, всё было! Собрали всех, и всё, и сослали. Ну, взяли, говорит, чё мы смогли. Когда вязли, говорит (это в сентябре месяце), был такой, гыт, урожай там – страшно! Прямо вороха хлеба, всё. Колхоз был большой. И вот мужики-то пока

на станции сидели, поехали обратно посмотреть, как там, чё. Дак коровы, говорит, валяются: все объелись зерна-то, подошли. Вредительство просто было, вредительство [СГРСБС, Т. 2, с. 424–427]; И вот я в дойках как была, нас шесть человек, девок шесть человек: Лиза Адамовна, Катя, Наташина мать, Катькина мать. Вот эти вот **немки**, оне замужем были. И три девчонки были с ними. Оне хорошо с нами. Всяки же, и оне тоже всяки были, немцы-то. Там вот оне в рыбалке, здесь бригада была рыбацкая на Курейном, на острове. В Курье ставили там ловушки всё и добывали окуней. Эта бригада была специальна, эту рыбу давали колхозникам, возили бочками. Так, конечно, заругаются на немцев на этих:

– Э-э-э, **вы «фашисты»!** Надо было вас давно уж убить!

Мало ли бывает вот так. А у нас в дойках хорошо девки с нами. Раз оне хорошо, а зачем мы будем к ним лезти-то, если оне хорошо [СГРСБС, Т. 14, с. 177]. В проанализированных текстах использован контекстуально бранный ассоциатив *фашист*, возникший во время Великой Отечественной войны. Однако с помощью этого инвектива не выражается эмоция гнева, т.к. информанты говорят о немцах с сочувствием и уважением. Сюжеты приведённых устных текстов репрезентируют то, что «фашистами» советских немцев поначалу называли незаслуженно. Личные контакты ангарцев с трудолюбивыми немцами ломали стереотипы военного времени. Об этом свидетельствуют рассказы, в которых с помощью **коннотативов** выражена эмоция *восхищения* способностями ссыльных к трудовой деятельности: *А немцы-то, дак во время войны их же сюда авакуация была, в Сибирь, на Ангару <...>. Везде порасселили их. К зиме-то. А исти нечего было, картошку уже выкопали. Оне ходили по полю, мороженую картошку собирали <...>. Потом оне начали работать, не имели к нашей жизни-то приспособленне. Но оне **трудовики, немцы-то, работающии**, оне много очень знали, готовили всё* [СГРСБС, Т. 1, с. 112]. В приведённых текстах использованы коннотативы *работающий* («любящий работать, много и хорошо работающий; трудолюбивый» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]) и *трудовик* (=труженик, т.е. «тот, кто умеет много и усердно трудиться» [Там же]. В лексических значениях данных слов содержатся такие коннотативные

семантические компоненты, как много и хорошо работающий, умеет много и усердно трудиться, характеризующие ссыльных как людей трудолюбивых.

В некоторых текстах ангарцы *восхищаются* определёнными способностями ссыльных, например: *А немцы, вот женщины, они особенно рукодельницы: они вязали шали, кофты вязали. Вот в деревне их... им женщины заказывали, конечно, платили им там молоком.*

Там много немцев жило, в Каменке. Шабенланд, Альберт, Гомершмидт, Шлуя, Штейнбрехер, Штеймиллер.

[– И вот они вязали, женщины, да, хорошо? – Слуш.].

Ага, хорошо вязали. Шали вязали, кофточки. Женщины заказывали, наши, каменские [СГРСБС, Т. 19, с. 275–276]. В приведённом тексте использован коннотатив *рукодельница*, в лексическом значении которого коннотативный семантический компонент участвует в означивании вместе с логико-предметным компонентом: «мастерица по рукоделию» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]. Лексема *рукодельница* использована в сочетании с наречием *особенно*, которое усиливает эмоциональное воздействие коннотатива.

Также коннотативы встречаются и в рассказах о раскулаченных: *Косой Бык он от Ковы-то шестьдесят километров.*

[– А что про него рассказывали, про этот Косой Бык? – Собир.].

Привозили раскулаченных туда и прямо в тайгу, выбрасывали под сосну. Уяр так же строили. Выселили, приехали, выселили:

– *Вот стройтесь, пожалуйста, живите.*

[– Ну и люди-то как, они же были работающие, да? – Собир.].

Ну, дак, конечно, работающие люди, они работали, поля разрабатывали. Но, правда, поля-то им дали ковинские. В Кове тогда была большая вода, в Кове был колхоз, от Ковы десять километров называлась Гарь. А там двести гектар, двести пятьдесят гектар было, однако, пахот, покосы там были. Ковинские занимались там, у них всё там было. Там и склады были, зерно хранили всё там они. А потом, когда все утонули, а уярский колхоз стал. Ну, там было чё, по Кове-то пять колхозов [СГРСБС, Т. 20, с. 297–298]; *Много, отовсюль гнали. С*

Тайшета и отовсюду. С Красноярска, с Канска, этих кулаков гнали, гнали всё <...>. Работяги были, работяги были [СГРСБС, Т. 14, с. 212–213]. В текстах использованы коннотативы *работящий* и *работяга* (=работящий), в лексических значениях которых содержатся коннотативные семантические компоненты: *много* и *хорошо* *работающий* и *умеет много* и *усердно трудиться*, говорящие о трудолюбии раскулаченных.

Наряду с коннотативами большую группу эмотивов, содержащихся в устных текстах о «чужих», составляют диалектно-просторечные выражения, **фразеологизмы**, которые имеют экспрессивное значение, например:

[– А как привезли немцев? На берегу высадили или сразу в часовню? – Собир.]

*Нет. Их сразу в часовню сюда всех, наверно, сгрузили. Так у них мало, здесь-то не умирали, а, говорят, дорогой умирали <...>. А их-то пригнали, им нигде никоо, оне-то ешию больше нас переживали, оне-то тоже не виноваты, что там им зачем <...>. Этих же, что отца тама-ка угнали или коо ли, им-то зачем она нужна была? Это там уж Гитлер, там уж какие, коо они там задумали. А им-то зачем?! <...>. Всё оставляли – их гнали. Всё равно переживали, ведь всё оставили и приехали **душой и телом**. Коо-то жили там, всё равно кто-то был: скот и всё и...* [СГРСБС, Т. 15, с. 183–184]. Фразеологизм *душой и телом* является многозначным. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Фёдорова это выражение имеет дефиницию «совершенно; целиком и полностью», а также используется с пометами *разг.* и *экспрес.* [Фёдоров, 2008, https://phraseology.academic.ru/3953/%D0%94%D1%83%D1%88%D0%BE%D0%B9_%D0%B8_%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BC]. В диалектно-просторечной речи выражение *душой и телом* может использоваться в другом значении: «ни гроша за душой; о крайней степени бедности, о горькой участи обездоленных» [СГРСБС, Т. 15, с. 183]. Именно в этом значении фразеологизм используется в приведённом выше контексте и эксплицирует эмоцию *сострадания* по отношению к ссыльным. Коренной ангарец сочувствует немцам,

которые оказались в тяжёлом положении. Сочувствие информанта также ярко эксплицируется во фразе *«оне-то ешио больше нас переживали»*.

В другом тексте используется фразеологизм со схожим значением, также выражающий *сострадание* по отношению к участи ссыльных:

[– А немцы приехали и их бросили на берег, как рассказывали? – Собир.]

*На берег, на берег. И вот в большой казарме несколько семей было, Галя, несколько семей было в одной казарме. Так и жили. Так было очень трудно жить, вот, и с квартирами было трудно, и вот одних туда поместят, других туда. Может быть, две даже семьи в одну квартиру, но, трудно было. Так было им трудно. Там же всё у них было, сады и всё, а тут ни скота, ничего, приехали, **на голые зубы приехали** [СГРСБС, Т. 11, с. 198–199]. Выражение *приехать на голые зубы*, т.е. «прибыть на новое место жительства, не имея средств к существованию» [Там же], а также многократное повторение фразы, что немцам было трудно, говорит о сочувствии коренных ангарцев, а также о доброжелательном отношении к ссыльным.*

В следующем тексте эмоция *сострадания* к ссыльным эксплицируется с помощью экспрессивного выражения *высадить на голую полянку* (=высадить под пенёк; выбросить под голу сосну), которое имеет значение «насильственно оставить кого-либо жить в лесу, на необжитой территории»:

[– А вот жена-то, она у вас откуда была? – Собир.]

*Жена у меня была **немка**. Оне же с Волги привезёны были, **немцы**. Приехали сюды.*

[– Их где разместили? – Собир.]

*Дак а где? Их же привезли и **высадили на голую полянку**. И оне ходили... Их же развозили всех, илимка-лодка плывёт по Ангаре и сбрасывает по деревням, оставляет там семьи. Пристанет к берегу, сбросит, дальше поплыли. Вот на Половинном оставили, в Аксёново, Паново, Усольцево, Фролово, да везде селили. Там двадцать семей сбросят, там, там, там [СГРСБС, Т. 9, с. 454–455].*

Анализ различных лексических средств выражения эмоций в устных текстах о «чужих» показал, что те, кто принудительно попал в Северное

Приангарье, являлись для русских старожилов не «чужими», а «другими», «иными». Они не воспринимались как враги и источники опасности. Наши материалы свидетельствуют о том, что чувства и эмоции по отношению, прежде всего, к ссыльным немцам менялись в рамках динамической модели «настороженность–сочувствие–симпатия–уважение». Как правило ангарцы отмечают различие религиозных обрядов, одежды. Такие рассказы обычно носят информативный характер и эмотивно нейтральны: *У них [литовцев – Е.С.] была церковь в посёлке, вот тут ниже бабушки дом стоял. Старушка специально следила за этим, ну, за порядком в доме. Скамейки... У них католическая вера была, и они, когда вероисповедание проходит этот процесс, как богослужение, они сидят, католики – они сидят. Это наши православные, выстоять надо службу, а они сидят на лавках. Вот она все эти лавочки покрашены чистые, в ряд стоят* (Кеж.: Кординск, 2019) [ЭТКЛСП]; *Когда приехали в Болтуруино, на обеде гудок загудел от паровоза: у-у-у. Громко. И мы все побежали туда, на эту, на электростанцию залезли и стали смотреть, где эта труба, гудела которая. Сперва залазили, она перестала гудеть. Давай по ней стучать, этот Лаурус выходит, и нас оттуда погнал <...>. На ихние праздники, особенно там на Пасху, он одевал эту, ихнюю форму. Для меня тогда казалось, что это немцы. А там эта форма была, может, легиона этого, литовского или латышского. Ну и ходил, красовался* (Кеж.: Кординск, 2019) [ЭТКЛСП]. В последнем тексте использован глагол *красоваться*, который имеет оценочное значение «выставлять себя напоказ, любуясь собой, своей наружностью, поведением и т.п.; рисоваться» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>].

Эмоции в текстах о «чужих» выражаются и с помощью различных **синтаксических средств языка**. Преимущественно это **восклицательные предложения**, которые выражают окультуренную или вторичную эмоцию *возмущения* тем, как проводился процесс раскулачивания и как коменданты, а также другие представители политических и надзорных органов относились к раскулаченным:

[– А как в Мунтуле жили раскулаченные? Как обустроились? – Собир.].

– Обустроились как... Значит, их привезли осенью, уже снег был двадцать сантиметров, там лес был. Привезли их семьями. Значит, чтобы не замёрзнуть, бабы с ребятишками копали землянки. Воды как там не было, а мужики стали копать колодец, чтоб вода была. А потом начали барак строить уже <...>. Раскулачивали, чтобы, ну, что имели скот, лошадей. У них было, значит, на три семьи уже была молотилка. Хлеб молотили. Не вручную, как раньше, а вот уже, уже молотилка была. И уже были, тогда типа комбайна – лобогрейки или жатки, как сказать. Хлеб жали уже современнее. Вот за это, за то, что они имели, это...

[– Тяжело было им первое время, когда сослали? – Собира.]

– **Да они голые приехали сюда! Всё же отобрали!** (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП]; Ссылных никуда не пускали <...> был комендант. Вот Михалёва была, деревня, колхоз тут (богато жила деревня Михалёва, сейчас её не стало), в эту Михалёву за чем-нибудь сходить, купить чё-нибудь, то надо было от этого коменданта взять справочку, что ты точно пойдёшь туда, что он тебя отпускает. А без справочки нельзя было выйти <...>. **Раскулаченные! Кулаки! За своё добро кулаки!** [СГРСБС, Т. 6, с. 84–85]; Раскулачили, на илимки посадили и утопили. Раньше эвот шивера у нас, и вот в этой илимке их утопили. Совсем с илимкой. Кто-то увидел из мужиков и ничё не рассказывал в эти года-то. **Сколь народу погубили!** За что? Раскулачили, дак взите на бараки-то [СГРСБС, Т. 2, с. 438–439]. В приведённых текстах наблюдается особая структура повествования. Использование восклицательных предложений передаёт не только эмоции, но и характер рассказчика, его отношение к жизни и другим людям.

В устных текстах о «чужих» используются **вопросительно-восклицательные предложения**, которые выражают эмоцию *сострадания*: У нас деда сослали по пятьдесят восьмой статье как кулака. У него было два сына, мой вот отец был и его брат младший. И ешио жил Ваня у деда у моего. Мать у него, отец померли, похоронили, и он остался беспризорник.

И вот как это кулаченье-то началось, ему уже было восемнадцать, этому парню. Но он его и кормил и одевал. А тот помогал-то в хозяйстве ему, Ваня. И

донесли тут от, кулаченье-то это пошло, и донесли, доказали на моего деда, а у деда (**он какой кулак?!**) было две коровы, две лошади. Сам пахал, сам сеял, сам убирал, сам скота держал, сено косил, молотил, и всё это он сам, никаких работников он не держал, токо вот этот Ваня был. А он живёт на дедушкином на всём [СГРСБС, Т. 6, с. 362–364].

В текстах о «чужих» наблюдается синкретизм лексических и синтаксических средств языка. Например, в некоторых рассказах **восклицательные предложения** содержат **аффективы-междометия** и **устойчивые выражения**: *Летом привезли на катерах... литовцы, эстонцы. Сюда-то их привезли. Как у нас в тридцатом году было, так и там.*

[– Но их привезли, сгрузили, где? Вот на берегу? – Собр.].

*Да, да, да! Привезли вот, какие здания были пустые, забили всех. Ну, они на Косом Быку жили много, потом здесь работали. Их много было. **Ой, их сколь их померло, Боже мой!** С того климата да в наш климат-то* [СГРСБС, Т. 10, с. 114]. В приведённом тексте экспрессивное выражение *Боже мой* используется в значении междометия и выражает эмоцию *сострадания*. Информант испытывает сострадание, сожаление к тем, кто по принуждению попал в Приангарье. Междометие *ой* во фразе «ой, их сколь их померло, Боже мой!» употреблено для эмоционального подчёркивания высокой степени проявления эмоции *сострадания*.

Также в текстах встречаются **вопросительно-восклицательные предложения**, которые содержат **аффективы-междометия**: *А баушка-то моя, ой, чё токо не пережила?! Всячину пережила! Рассказывала, как раскулачивали <...>. И вот этот вот барак вот здесь, и вот в этом бараке были люди вот так согнаны. Плотяком набито было там. А потом везли их на баржах, грузили их на баржи и везли <...>. Кто доезжал, а кто в Ангаре утон* [СГРСБС, Т. 8, с. 381]. В данном тексте междометие *ой* является симптоматической реакцией ангарца на психологическую тяжесть, которая выражает эмоцию *сострадания*.

Таким образом, в проанализированных текстах, в которых содержатся лексические средства, выражающие эмоции, преимущественно используются

фразеологизмы, коннотативы и собственно эмотивы, а также восклицательные предложения.

4.4. Экспликация категории эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих»

Эмоция, как категория психологическая, сама по себе не является языковым феноменом, поэтому на языковом уровне трансформируется в категорию эмотивности, под которой вслед за В.И. Шаховским, мы понимаем присущее языку особое семантическое свойство, которое с помощью системы своих средств, позволяет эксплицировать эмоциональность, отражённую в семантике тех или иных языковых единиц [Шаховский, 2008, с. 24].

По мнению В.Н. Телии, эмотивность представляет собой не только эмоциональную реакцию на образ, который лежит в основе значения слова, предложения или текста, но также вызывает и особое психологическое напряжение, является результатом интерпретации того или иного образа в категориальном пространстве установок культуры. Согласно этой концепции, гармония с установками культуры выражается в форме положительных чувств, т.е. в проявлении одобрения, а дисгармония репрезентируется в проявлении неодобрения, например, презрения, осуждения и т.д. [Телия, 1996, с. 232].

О.Е. Филимонова определяет эмотивность как полистатусную когнитивную категорию, которая отражает эмоциональное состояние субъекта. Полистатусность категории связана со способностью языковой единицы выражать эмотивное значение с помощью разноуровневых единиц языка, например, через слово или предложение [Филимонова, 2001, с. 71].

Исследователи выделяют три вида эмотивности: эмотивный фон, эмотивная тональность и эмотивная окраска. Эмотивный фон, как пишет исследователь, позволяет передавать ту или иную информацию об окружающем мире, устанавливая определённый набор предметов, которые могут быть подвергнуты

рассмотрению [Баранов, 1993, с. 7; Ионова, 1998, с. 36]. Эмотивность на этом уровне эксплицирует знания об эмоциональном мире субъекта.

Эмотивная тональность представляет собой субъективную модальность, которая репрезентируется на текстовом уровне. По мнению Т.В. Матвеевой, в категории эмотивной тональности «...находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста, его психологическая позиция по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения <...> зависит также от ценностных воззрений автора и характера речевого взаимодействия. Субъективное отношение к различным компонентам коммуникативного акта и психологическое самораскрытие автора обладают, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата» [Матвеева, 2014, с. 692].

Эмотивная окраска, как третий вид тональности, представляет собой совокупность всех средств эмотивности в устном или письменном тексте [Ионова, 1998, с. 37–46].

Как правило, сущность категории эмотивности раскрывается в сравнении со смежными феноменами: оценочностью, экспрессивностью, образностью. Данной проблеме посвящена большая и содержательная литература [Галкина-Федорук, 1958; Романова, 2008; Телия, 1991; Шаховский, 1975]. Однако, соглашаясь с тем, что перечисленные выше феномены онтологически друг с другом связаны, подчеркнём, что в настоящем исследовании под этими понятиями мы понимаем следующее:

1) вслед за В.Н. Телией и В.И. Шаховским мы считаем, что эмотивность не всегда предполагает наличие экспрессивности [Телия, 1986, с. 42; Шаховский 1975, с. 3–25], под которой следует понимать усиление воздействующей силы отдельной языковой единицы или целого высказывания;

2) мы разделяем точку зрения учёных, которые считают, что эмотивность и оценочность взаимосвязаны, но представляют собой разные феномены [Вольф, 2002, с. 38–39; Романова, 2008, с. 129]: оценочность помимо эмотивного

компонента может включать и рациональный, в таком случае эмотивность слова или высказывания нейтрализуется;

3) присоединяемся к мнению исследователей, которые отмечают, что взаимосвязь эмотивности и образности имеет двусторонний характер: с одной стороны, образность может возникнуть в результате эмотивного восприятия окружающего мира, с другой, эмотивное может рассматриваться как производное от образного [Арутюнова, 1990, с. 56; Ленко, 2015, с. 90]. В настоящем диссертационном исследовании мы придерживаемся данной точки зрения на соотношение эмотивности и образности.

Эмотивность эксплицируется на трёх уровнях, а именно: на языковом, концептуальном и когнитивном, т.е. эмотивность раскрывается на уровне использованных средств, которые выражают те или иные эмоции, на уровне самого эмоционального отражения, а также на уровне эмоционального объекта отражения. По мнению В.П. Беянина, на когнитивном уровне можно выделить такие эмоционально-смысловые типы текстов, как светлый, весёлый, красивый, простой, сложный, активный, печальный, трагический, смешанный и т.д. [Беянин, 1988, с. 54]. Эмоционально-смысловой тип текста зависит от средств выражения эмоций, которые были употреблены субъектом, от ситуации, в которой был произнесён или написан текст и от некоторых других обстоятельств.

Среди текстов старожилов Северного Приангарья о «своих» можно выделить группу **печальных** текстов, в которых говорится о том, что безвозвратно утеряно, например, утрачены дружелюбные отношения между соседями и близкими. Это подтверждается употреблением лексемы, выражающей эмоцию *сожаления*, чувство огорчения, вызванное утратой привычного уклада жизни и осознанием невозможности вернуться к отношениям былых времён: *Раньше были неграмотны. Счас все грамотны стали. Добрее люди были. Вот пятерых вырасти и иди в больницу, живи. Раньше родители... У меня тоже и сын тут с семьёй, и внучка с семьёй, и дочь с семьёй <...>. Счас у нас миру нет никакого. Не то что с соседям, у нас в родной семье миру нету. Это ужась!*

[СГРСБС. Т. 11, с. 256]. Информант использует эмоциональный возглас *это ужась* в значении «крайняя степень досады, огорчения» сложившейся ситуацией.

Во многих «печальных» текстах ангарцы сожалеют о том, что народ перестал быть верующим. Эта эмоция *сожаления об утерянном*, эксплицируется преимущественно глаголами, например, *не соблюдаем, упустили, потеряли: Господа не соблюдам, Господь милостивый от нас отступился, и валите чё хотите, ходите, какой хотите дорогой. А Бог всё равно есть. Вот я даже теперь по себе пошшитаю, что Бог всё равно есть* [СГРСБС, Т. 11, с. 256]; *Да. Раньше как-то все держались Господа, а счас-то пошто-то всё упустили* [СГРСБС, Т. 13, с. 386].

В устных текстах о «своих» эксплицируется эмоция *осуждения*, при этом используются оценочные прилагательные, например, *греховой, пустой: А счас-то пошто-то никто ничего не боится, Бога-то не боится, греховой народ. А раньше-то кругом народ жил, боговеруший был <...>. Вот с Бирюсы через хребёт в Чуну, в Хаю выходили. Из Хаи, значит, это федински там, плахински идут сюда. И почетски ходили. И вот собираются хайски, две деревни пошло. До Чунояра дошли – Чунояр третья деревня. Потом в Кадарею пришли – пята деревня, уже куча идёт. С Кадареи до Кондратьевой дошли – шеста деревня. А потом уж только Петропавловка, седьмой <...>. Каждая деревня своя группа. Все старухи, которы молитвы знают, молятся <...>. А счас народ-то пустой стал, Бога-то потерял* [СГРСБС, Т. 12, с. 131–132].

Наряду с «печальными» текстами о «своих», выделяются и весёлые тексты, в которых ангарцы рассказывают о том, как отмечали праздники, в основном религиозные (престольные). В таких текстах информанты для выражения положительных эмоций, которые превалируют в «весёлых» текстах, используют различные интенсификаторы, например лексемы, выражающие веселье и радость, преимущественно глаголы: *гуляли, отмечали, праздновали*; междометия-возгласы, которые эксплицируют эмоцию *восхищения*: *браво, бравенько*; а также восклицательную интонацию, которая является наиболее используемым средством выражения положительных эмоций в ангарских «весёлых» текстах.

Стоит подчеркнуть, что в проанализированных текстах информанты отмечают всеобщее единение во время празднования, радость, которая охватывала ангарцев, когда они могли отмечать тот или иной праздник вместе со всеми односельчанами, что выражается в использовании местоимений *мы, все* и т.п.: *У нас в Бедобе как было?! Вот мы сягодня... вот праздник, вот эти царковные все праздники мы отмечали, все, кажный праздник. Сегодня гуляют у нас, вот собираемся все, вся Бедоба идёт к нам, по чатушечке все ташиат с собой. Закуска, стало быть, уж хозяев. Вот сягодня гуляют у нас – всё! Угошайтесь! День-два гуляем <...>. Гуляли всей деревней: песни, всяго-всяго было, пляски, игры были всяки! На улицу выбягают и... И скакали-то, и прыгали-то – коо токо не делали-то! [СГРСБС, Т. 2, с. 410–411]; Пасха – ой! Стреляли, потом гулять! Качули! Качули на воротах вешали. Вот, примерно, у нас ворота, дак верёвку перекинут, доску положат, и мостимся все туды, девчонки. А наряжамся! Браво-о-о! [СГРСБС, Т. 3, с. 454]; А раньше, знашь, Троицу праздновали, я небольшая была, помню. Вот молодые женишшины, девушки в хоровод возьмутся друг за дружку, вот хоровод, вот вокругом. Идут по деревне, песни поют. Мы маленьки через их там прыгам, прыгам туды-сюды по дырочкам. Вот песни поют, берёзку носят, в серёдке идёт женишшина там или девушка боле что, ну, берёзку дёржит наряженную. И дома три берёзки ставишь, около дома <...>. Ране-то наряжали: лентами, лоскуточками завяжешь – наредишь. На Паску вербу наряжали, ага <...>. Бравенько! [СГРСБС, Т. 8, с. 48].*

На концептуальном уровне текста эмотивная тональность детерминируется целью автора или говорящего, которая заключается в передаче собственного эмоционального состояния, а также воздействию на эмоциональную сферу адресата.

Исследователи выделяют различные виды эмотивной тональности. Например, Т.В. Матвеева по типу речевого воздействия выделяет три основные разновидности тональности: мажорная (экспликация положительных эмоций и оценок, оптимистический настрой); минорная (экспликация отрицательных

эмоций и оценок, пессимистический настрой); нейтральная или нулевая тональности (объективность изложения) [Матвеева, 2014, с. 692].

В рамках настоящего диссертационного исследования мы выделяем следующие виды эмотивности:

1) тональность эгоцентрического типа, при которой говорящий апеллирует к своим эмоциям;

2) тональность объектного типа, связанная с эмоциональным отношением говорящего к содержанию своего высказывания;

3) тональность адресатного типа, которая направлена на эмоциональную сферу собеседника, а также связана с обращением к его эмоциональному опыту, знаниям. При определении видов эмотивности использованы критерии, предложенные С.В. Ионовой [Ионова, 1998, с. 37–46].

В некоторых текстах старожилов Северного Приангарья репрезентируется эмотивная тональность эгоцентрического типа, когда информант выражает собственные эмоции, например: *Война. В деревне одне вдовухи, ребятишки. У нас там были Черных. У них было одиннадцать детей! Они в такой бедноте жили, в такой нужде жили! <...> Колхоз маленько муки давал. А тогда в колхозе давали муку наполовину с овсюгом. Ну, нельзя её было исть, эту муку! Она как была, ну, вот овсюг, и мука такая, как песок. И я, я грешная была такая, я воровала. Мама настряпат калачей, не мама, а бабушка настряпат калачей таких больших и унесёт... В амбаре такая доска была большая привязана на верёвочках, чтоб мыши на попадали. Она сложит эти калачи и булки на эти. И я вот этим савинским, вот эти Черных, я им воровала, через крышу лазила. Мне жалко было до того, я такой человек, я им утащу* [СГРСБС, Т. 5, с. 413–414]. В данном фрагменте информант выражает эмоцию *жалости* к своим односельчанам, которые оказались в тяжёлом положении.

В текстах о «своих» преимущественно представлена эмотивная тональность объектного типа. В таких рассказах информанты дают эмоциональную оценку тем или иным действиям людей, а также эмоционально описывают произошедшие события, о которых они слышали либо сами оказывались их участниками.

Например, это тексты, в которых информанты описывают свою жизнь и жизнь односельчан в период 30–40-х гг. XX века. Довольно часто в таких текстах с помощью различных средств языка выражается смешанная эмоция *тревоги, страха*. Данная эмоция эксплицируется в рассказах о проходах на войну мужчин. Языковым маркером экспликации эмоции *тревоги* являются лексемы, которые непосредственно называют эту эмоцию, т.е. собственно эмотивы. Интенсивность эмоциональной тональности текста передаётся и за счёт особой интонации: *Ой, на войну-то провозжали <...>. На плотах, на илимках увозили. Все собрали мужиков, в илимку крытую (илимка, хлеб плавил), в илимку посадили и поплавили <...>. Поплыли, как собаки завывали, лошади заржали! Страшно было, страшно!* [СГРСБС, Т. 3, с. 46].

Также эмотивная тональность объектного типа представлена в текстах о трудной и изнурительной работе во время войны: *Волохали, доча! День и ночь, моя, волохали. Думали, что, мол, ну, ладно. Наши на войне мужики, дак а мы будем в тылу имя уж помогать. Везде работала: и по дорогам, и в илимках, моя. Илимку нагрузишь и идёшь, в Нижнеилимск ведёшь её. Семь километров, моя, вовсе на себе ташишили эту илимку. Хлеб таскали, на мельницу возили. Кули, отсель лодку нагрузишь на плечах и оттуда лодку себе привезёшь, опеть же на плечах таскашь. Всё на себе было, всё на себе. И сейчас всё... Вот через реку не поедет, нет. А тогда не спрашивали. День и ночь волохали.* [СГРСБС, Т. 20, с. 230–231]; *Ну, пацан какой-нибудь, посадим пацана, да и тянет он, рулит. Вот и больше ничё там. Ой, не дай Бог, тяжело! А в войну скоко нам досталось, а после войны скоко мы подняли!* [СГРСБС, Т. 19, С. 355–356]. В приведённых текстах выражается эмоция *сострадания*. В первом тексте данная эмоция эксплицируется с помощью экспрессива *волохали* (т.е. выполняли тяжёлый труд), во втором – с помощью нескольких языковых средств: устойчивого экспрессивного выражения *не дай Бог* и аффектива-междометия *ой*.

В некоторых текстах эксплицируется эмотивная тональность адресатного типа, когда информант обращается к эмоциональному опыту и знаниям собеседника, а также пытается воздействовать на него, например, с помощью

риторического вопроса и эмоциональных возгласов: *Это очень, очень добрые люди, очень добрые люди по характеру, по натуре, по поведению, по трудолюбию. У нас очень дружная эта... деревня. Вы знаете, я вот даже не припомню случая, чтобы кто-то с кем-то ругался. Понимаете?* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (д. Аксёново*) в 2019 г. в г. Красноярске) [ЭТКЛСП]; *Этот Кодинск построили, это, слушайте, это что? Кто? Раньше мужики неграмотные! Каждую деревню ставили на место, чтоб там был покос, чтоб там была рыбалка, чтоб там выгон для скота был. Всё было предусмотрено* [СГРСБС, Т. 20, с. 309–310]. В приведённых примерах использованы предикаты *понимать*, *слушать*, которые, на первый взгляд, обращены к знаниям собеседника, его ментальной сфере. Однако, согласно точке зрения Е.М. Вольф, в естественном языке довольно часто эмоциональную и ментальную сферы сложно чётко дифференцировать, в результате они наслаиваются друг на друга. Исследователь предположил, проведя когнитивный анализ различных эмоций, что сугубо эмоциональных предикатов в естественном языке не существует, т.к. они включают в своё значение рациональный компонент [Вольф, 2002, с. 221–225].

Информанты используют короткие восклицательные обращения, пытаюсь эмоционально воздействовать на адресата: *Отец у меня работал как конь. Он работал на мельнице. Хлеб молот в колхоз. Ну, приворавывал, видно, кормил семью. Ну, а мама домохозяйка. Держали скота, коней. Было всё загорожено. Такие были сараи, такие поднавесы <...>. Всё это в руках, руками было сделано. Подумайте только! Я говорю, никакой техники не было, всё руками* [СГРСБС, Т. 13, с. 164].

Эмотивный фон, как один из видов категории эмотивности, тесно связан с когнитивным уровнем текста. Знания субъекта или целого сообщества об окружающей действительности группируются вокруг различных эмоциональных ситуаций, которые в языке воплощаются в виде эмотем, под которыми следует понимать «...отрезок текста (от слова до всего текста), смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия»

[Болотов, 1981, с. 18]. В рамках эмотивного фона выделяют эмотемы, которые можно определить как фрагменты или отрезки текста, смыслы которых или форма их выражения представляют собой источник эмоционального воздействия [Там же]. С.В. Ионова выделяет три источника возникновения эмотем:

- 1) прецедентно эмотивные ситуации;
 - 2) ситуации, которые основаны на категории «ненормы»;
 - 3) ситуации, эксплицирующие различные эмоциональные состояния
- [Ионова, 1998, с. 37–46].

В устных ангарских текстах о «своих» можно выделить такую прецедентно-эмотивную тему, как *смерть*, в частности информанты описывают *насильственную смерть*, например в рассказах о расстреле ангарцев представителями «белого» движения в годы Гражданской войны: *Это раньше, когда шли, шли белые. Красные. Это всё шли. И там вот когда белые шли, Алёшкино прошли. Алёшкинские пропустили их, а заимские думали, победят их. И взялись с ними в бой. И вот и заимских тогда (в Запроточка там называлась) убили много, много было искаженных. Прямо при родных глазах <...>. И вот там выводили эти белые наших мужиков заимских и расстреливали* [СГРСБС, Т. 19, с. 115].

В некоторых текстах репрезентирована тема *горя*, например, в текстах о раскулачивании своих односельчан: *В деревне-то у нас почти всех мужиков забрали. И хитро сделали: собрали мужиков будто на собрание. Семьдесят километров болотина была. Мужики дорогу баглили, брёвнышки плотили. И вот чтобы мужиков собрать, придумали собрание. Мужики собрались все как один. Собрались. А оне – хлесь! – закрыли – и арестованные! Обманом заманили. Ну и чё теперь?! Жёны походили вокруг, поплакали да и всё. Конвой стоит. Но я как щас вижу. Ну, года три-то, наверно, мне было уже. Мать прибежала к отцу:*

– *Ах ты, мнешки!* – обняла.

– *В сторону!*

Не допускали. Вот как щас вижу: она к отцу идёт.

– *Шаг назад, шаг в сторону – расстрел.*

Вот какой был указ [СГРСБС, Т. 2, с. 40]. В данном примере интенсификатором эмоции *горя* является выражение *ах ты, мнешки*. В.И. Даль отмечает, что слово *мнеченьки* (*мнешеньки, мнешечки*) употребляется в двух значениях: личного местоимения «я», а также имеет дефиницию «жалобно, сострадательно» [Даль, Т. 6, с. 93]. В «Словаре русских народных говоров» приводится несколько вариантов и значений слова *мнеченьки*:

1) *мнеченьки* (*мнеченько*) употребляется в значении личного местоимения «я», а также используется как междометие при выражении удивления, страха, недовольства и т.п., например:

– *Тётка, ты чего смотришь, корова в огород залезла?*

– *Ахти мнеченьки! И то! Охти мнеченьки, самовар скипел, а я не вижу;*

2) *мнечушки* употребляется в значении *мнеченьки* как междометие и выражает удивление, горе, страх и т.п.: *Ох ты мнечушки тошнёхонько, сколь горазно обиднешенько;*

3) *мнешеньки* и *мнешенько* употребляется в значении *мнеченьки*: *Охти мнёшеньки тошнешенько. Все прошло, все миновалось* [СРНГ, 1982, с. 185].

Лексема *ах* может употребляться в значении междометия, частицы. В выражении *ах ты, мнешки* данная лексема используется как частица для «усиления эмоционального содержания высказывания: *Ах да! Самое важное не сказал. Ах вот ты как! Держись! Ах какая ночь! Ах ты, обжора!*» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>].

Приведённый выше материал и смысловой анализ текста позволяют сделать вывод, что выражение *ах ты, мнешки* (*мнешки* ещё один вариант слова *мнеченьки*) эксплицирует крайнюю степень *сострадания*, вызванного жалостью к близкому человеку, а также *горе*, обусловленное печальными обстоятельствами.

В устных текстах о «своих» также описываются ситуации, которые основаны на категории «ненормы». Например, в одном из рассказов, коренной житель Северного Приангарья говорит о том, как одного учителя уволили из школы, поскольку он был кумом при крещении ребёнка: *Уже церкви у нас не*

было, а всё равно народ-то с верой жил. А я родилась, а тётка, дядькина жена, тятиня уже брата как (он был не совсем родной), теперь она говорит:

– Крестить, – маме-то моей говорит, – крестить надо Нинку-то.

А она говорит:

– Дак а где мы? Как крестить-то будем? <...>.

И привезли с этой Рябиновой деревни батюшку, к нам в деревню в Средню. А у нас учитель жил на квартире, Павел Иванович, с женой жили, у мамы жили оне на постое. И этого учителя кумом поставили. А крёстная-то, дядина жена, она шибко боголюбная была, она кумой. И вот не меня-то, батюшка крестил, в шайку макал, крестил, маленька была, чё, шести месяцев меня крестили. Покрестили и началось! Узнали эта советская власть, что крестятся у Кудрихи, ага, народ крестится, и взяли в стенгазету в сельсовете нарисовали эту мою тётку, мою крёстну, и батюшку, и учителя. **А потом этого учителя сбросили со школы** [СГРСБС, Т. 6, с. 163–164]. До 1920-х годов считалось нормой проводить различные религиозные обряды: крестить детей, молиться. После образования СССР многие обряды и православные традиции попали под запрет. Ситуация, о которой рассказывает информант – это нарушение запрета на крещение детей, в результате чего учителя уволили из школы. Слово *сбросили* использовано в тексте в переносном значении, что в данном случае обозначает «уволители, выгнали».

В некоторых текстах старожилов Северного Приангарья содержатся эмотемы, которые прямо выражают эмоциональные состояния, например, через использование отдельных лексем и выражений, которые эксплицируют эмоцию *сострадания*. Обычно это тексты, в которых ангарцы рассказывают об изнурительной и трудной работе, особенно в годы войны. В следующем тексте при рассказе о том, как всем ангарцам приходилось много работать, используется устойчивое экспрессивное выражение *Господи Боже мой*, которое употребляется в значении междометия и может выражать «восторг, удивление, досаду, нетерпение и т.п.» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>], а также быть возгласом, выражающим сильные и «обычно неожиданные чувства: радость,

испуг, удивление и т.п.» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>]: *Все в работе были, все: там и мы, пацаны, были, и женишины. Доставалось – Господи Боже мой! Нам доставалось, а женишинам-то – странно <...>. И на работе, и дома, и надо же и готовить, и постирать* [СГРСБС, Т. 8, с. 396]. Выражение *Господи Боже мой* употреблено как возглас, который эксплицирует крайнюю степень *сострадания*. Также информант несколько раз повторяет слово *доставалось*, которое обозначает, что ангарцам выпало тяжёлое бремя, когда приходилось очень много трудиться, чтобы прокормить себя и помочь фронтовикам.

Эмотивная окраска текста, являющаяся специфическим аспектом, который характеризует план выражения текста, представляет собой совокупность различных языковых и текстовых средств, используемых говорящим для кодирования эмоционального содержания.

В некоторых текстах о «своих» при описании тех или иных ситуаций, в которых оказывались ангарцы и их односельчане, эмотивная окраска характеризуется высокой плотностью эмотивности, которая репрезентируется с помощью различных средств выражения эмоций. Например, в рассказе о праздновании Троицы, информант, используя восклицательную интонацию, а также глаголы *гулять*, *плясать*, эксплицирует эмоцию *радости*: *У-у-у, гуляли хорошо оне! Берёзу наряжали платками. Нас спать положат, а матери нарядят, и под берёзу под это, под туда, поставят стол нам и там положат, верещагу сделают, зеленью покрасят, вот этой троицей, зелёной травой. Потом испякут, утром испякут пирог рыбный: или из тайменя, или из красной рыбы, из стерлядки, или со щуки – большой пирог испякут, и нас там, вот это все собираемся есть. Вот съели у меня, пошли к тебе. Съели у неё, пошли это... И целый день! И платки, ленты виселися. Ленты тогда атласные, красивые, алые, красные, синие, белые! Как навешаем! А потом сплётём венок (цветы уже), эти ленты повешаем, как пойдём в клубе плясать, токо шумоток идёт!* [СГРСБС, Т. 6, с. 217].

В следующем рассказе о проводе мужчин на войну, когда случилась трагедия на реке, информант использует различные средства экспликации эмоций, которые выражают эмоцию *горя*: *Усольцево-то она же на острове. Большая деревня-то была. А людей-то было сколько! А на войну сколько мужичкох-то ушло! Погрузили в илимку на берегу, а я-то дома была. У нас братик маленький был, я его качала. Скоко ж ему было-то? Восемь месяцев, однако, иль шесть ли? Ну и качаю его я, и окно открыто было. Ка-а-ак там шум! Рухнула аж илимка: мужики поднялись как наверх-то прощаться-то, и рухнуло, оборвалось всё, отломилось. Все зарявели! Кто плачет, кто охат! Это не дай Бог! <...>. Это сколько мужичкох-то на ней?! Семьдесят ли было. Все залезли, и она не выдержала и рухнула, сломалась крыша-то. Оне все ухнули <...>. Это в конце августа на сентябрь месяц. Сорок первый год. Ой-ой-ой, было! Ужас, не дай Бог!* [СГРСБС, Т. 6, с. 235–236]. Эмоция *горя* в данном тексте эксплицируется с помощью:

1) собственно эмотивов, представленных лексемами *зареветь, плакать, охат*, которые выражают *горе*, чувство *печали*, вызванные гибелью родных людей;

2) устойчивых экспрессивных выражений *это не дай Бог* и *ужас, не дай Бог*, которые являются возгласами, эксплицирующими крайнюю степень нежелательности свершения тех трагических и горестных событий, наблюдателем которых был сам информант, а также беспокойство по поводу их осуществления и повторения [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>]; лексема *ужас* в выражении *ужас, не дай Бог* используется в значении междометия и эксплицирует крайнюю степень тревоги и беспокойства, которые вызваны воспоминаниями о горестном событии [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>];

3) аффектива-междометия *ой-ой-ой*, выражающего объектную симптоматическую реакцию на осознание несоответствия должному и желаемому [Шаронов, 2006, с. 563], что было обусловлено трагическим событием, о котором рассказал информант.

Таким образом, специфика эмотивности устных ангарских текстов о «своих» состоит в том, что в рациональную ткань текстов вкраплены те или иные эмотивы (аффективы, коннотативы, экспрессивы и др.), которые используются говорящими для выражения эмоций *восхищения, сострадания* и др. Проанализированные тексты являются одновременно информативными и эмоционально окрашенными. Также одной из особенностей данных текстов является преобладание эмотивной тональности объектного типа над эгоцентрическим типом, что связано с инклюзивностью ангарцев, которые не отделяют себя от своих земляков. Инклюзивность преимущественно эксплицируется с помощью местоимения первого лица *мы*.

Анализ категории эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «чужих» показал, что среди них преобладают **печальные** нарративы. В таких текстах одним из важных семантических компонентов является *жалость, сострадание* коренного населения Приангарья к ссыльным. В таких текстах сожаление эксплицируется с помощью собственно эмотивов, выраженных глаголом *жалеть*, например: *Я работала, когда немцев сюда привезли, я работала секретарем сельского совета в Каменке ещё в это время. И нам сорок две семьи, у нас сняли в Каменке только этих немцев. Вот я их всех переписывала там, всё, они жили в Каменке <...>. Ну, в деревне-то были свободные дома. В эти свободные дома их поместили, они там жили, по несколько семей в одном доме. Работать они сразу пошли: кто специалист сельского хозяйства, и комбайнерами работали, и трактористами работали, и так. Доярками женщины работали уже и... Их сразу приняли. Неплохо приняли, жалели* [СГРСБС, Т. 19, с. 275–276]; *У нас здесь жил один, он какой-то сосланный был, Малай, вот он мироношничил. Мы ещё бегали, ну, может, лет пять-шесть-семь мне было, дразнили его <...>. Он старый был. И ешио Пушкин какой-то был. Пушкин ешио был, так от ног до сих пор у него не было <...>. Где придётся, в банях ночевал. Раньше бани были на берегу (вода далеко в Паново же, угор такой крутой), и вот он в банях в этих жил. Его одне выгонят, а он в*

другую перейдёт <...>. Он жил по избам, ходил из дома в дом, и **жалели** его. **Жалели** – там добрый народ, раньше-то добрый [СГРСБС, Т. 16, с. 209–210].

В устных текстах о «чужих» представлена и эмотивная тональность эгоцентрического типа. В таких рассказах информанты выражают личное отношение к ссыльным, например: *Вот, наверно, судя потому, что я уже начиталась из воспоминаний, был всегда интерес, что это за люди (ссыльные – Е.С.), какие это люди. Т.е., если человек хороший, то уже никаких вопросов к нему, кто он там – враг, не враг – это не было. Вот я буквально на днях, **меня удивило**: привезли в одну из наших деревень немцев, первых, во время войны, ну и ребяташки: «Фашисты, фашисты!». Привезли, на берегу стали кричать, бросать камнями. Их старик отогнал, сказал, что **они же тоже люди**. Местный старик. И всё, вопрос отпал, а потом, когда немцы, во-первых, они умели красиво вязать какие-то вещи, потом вот кто-то вспоминает, что они научили варить патоку, сахара не было (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) в 2020 г.) [ЭТКЛСП]. В данном тексте коренного ангарца впечатлило, что местные жители, особенно старики, заступились за немцев, которых принудительно привезли в Приангарье. Ключевым маркёром в рассказе является фраза, что ссыльные «тоже люди». Это говорит о выражении понимания и сочувствия русских старожилов к немцам.*

В текстах о «чужих» также репрезентирована эмотивная тональность объектного типа. Как правило, это воспоминания о расселении ссыльных немцев по деревням и посёлкам, которые расположены на берегах Ангары и её притоках, например: *Здесь же немцы у нас по всей по Ангаре, ссылали сюда, разбрасывали по всей Ангаре. Вот сколько там, десять семей, сюды в Климино под берег бросили, как собак, и они лежали там, **ой-ой**, до самого до мороза. Не знали, куда деваться. Там Шнайдер, какие ешио, Шнайдер сколь тут, три или четыре семей было, Шнайдеры вот это. Он счас в Кодинке живёт там. Хильберты были. И в Говорковой, всякие фамилии были [СГРСБС, Т. 20, с. 254]. В данном тексте информант использует междометие *ой-ой*, выражающее эмоцию *сострадания*, которую он испытывает к ссыльным, попавшим в такое трудное положение.*

В текстах о «чужих» репрезентируется и эмотивная тональность адресатного типа. В таких текстах информант обращается к эмоциональному опыту и знаниям собеседника, в данном случае, собирателя, и пытается эмоционально воздействовать, в частности с помощью риторического вопроса: *Ну, местное население жалело всех, **понимаете**? Вот у нас, например, бабушка, когда мама была жива, заболела. Она взяла ссыльную с Белоруссии её сюда. Надо было её брата забрать, у него четверо детей. Так сослали её, она монашка. И моя мама, ещё живая когда была, она в Рыбной жила, а отсылали в Рыбную. Там всё: милиция была, вся власть в Рыбном. И вот, взяла она эту бабушку, она нас растила. Вот она говорила, она монашка, говорила: «Не дай Бог обижать людей». Вот она даже скорлупку, всё картошечку какую-то сварит. Пойду, отнесу вот этой полячке, там Дуня Сепёновна жила. Вот у Дуни Сепёновны поляки жили на квартире, ну, мать с дочкой. Они, это, нормально. Все люди помогали им. Помогали, местные жители помогали сначала, а потом они уже на следующий год сами какие-то избушечки, вот, Дзержинского-то дом. Там их много жило поляков, и вот этих... из прибалтийских государств (Мг.: Мотыгино, 2017) [ЭТКЛСП]. Информант использовал предикат *понимаешь* в функции обращения к ментальной эмоциональной сфере собеседника.*

В устных текстах старожилов Северного Приангарья о «чужих» преимущественно представлена такая прецедентно-эмотивная тема, как *сочувствие, жалость к ссыльным: Раньше всё какие-то прохожие ходили, ссыльны. Пришёл ссыльный, да и пришёл. Откуда он пришёл? Кто он какой пришёл? Надо покормить. Голодный же <...>*

[– Местные помогали таким? – Собир.].

Жалели. Жалели, конечно, жалели, помогали, давали. Но опять он и помогал людям, кто наймёт его там чё-нибудь помочь, он ходил, помогал, вот этот Алёша у нас был. Потом киргиз какой-то был тоже ссыльный, этот уже после Алёши был. А как он туда попал? Как от, как его, ему туда пришлось приехать, не знаю даже [СГРСБС, Т. 5, с. 257]; Но я маленькая была, может, лет пять, может, шесть, какие-то ссыльны жили. Один политический какой-то

дядька, а другой был врач, такой толстенький, с бородкой такой, но уже пожилые старики. Мама пошла за водой на берег и приводит вот этих двух стариков домой, говорит, вот сидят и говорят:

– Бабушка, как бы нам чаю где попить или там чего-то?

А у нас старый амбар был, в ограде старый амбар ещё был, и вот она их туда <...>. Мама их **жалела**, кормила. У нас коровы были, всё давала: и картошку, и рыбу, и всё [СГРСБС, Т. 8, с. 52–53]; С Поволжья немцев в сорок втором или в сорок третьем году ссылали. С Поволжья, я помню, зимой <...>. Это вот нашего дедушки дом был тогда, и вот их, этих немцев, и поселили <...>. Потом мы их стали **жалеть**, вот так же кормить, всё носить: то картошки, то мяска, то молочка, то простоквашки, то это... А потом они обжились [СГРСБС, Т. 11. с. 199–200]. В приведённых текстах прецедентно-эмотивная тема жалость к ссыльным эксплицирована собственно эмотивами, которые выражены глаголом *жалеть* («испытывать жалость, сострадание к кому-либо» [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]).

В текстах о «чужих» эксплицированы ситуации, основанные на категории «ненормы». Как правило, это рассказы о жестоком обращении надзирателей и других представителей властных органов с раскулаченными. Например, не редки рассказы коренных ангарцев о расселении раскулаченных в болотистой местности, в результате чего многие умирали, т.к. не имели возможностей и средств к существованию в такой трудной ситуации: *Бывало, привезут [раскулаченных. — Г. В. А.-М.] зимой, куды-то на болото в снег бросят, и как хотите. Замерзайте! И люди, как, говорит, пенёчки сидят. Замерзали. Без войны погибали. Вот так раньше было* [СГРСБС, Т. 1, с. 243]; *Замёрз, бросили. Рёвом режут, плачут! Прямо бросали в снег. Он замёрз, да, на обочину. Снега же глубоки. Вот этот Мартыненко был надзиратель, варвар, и Мартынов – вот эти два варвары, самые настоящие варвары! И в болото детей кидали, и всяко. Мартыненко был, со мной ешио даже в Балтурином жил на одних снях. Он сапожничал, потом во Дворец ушёл. А Мартынов, того не знаю, где-то или подох, или кончили* [СГРСБС, Т. 5, с. 240]. В данном тексте ангарец называет

надзирателей *варварами*, подчёркивая, что они *настоящие варвары*, т.е. являющиеся действительно грубыми и жестокими людьми, которые совершали ужасные поступки. Также информант, используя разговорно-сниженную лексику (*подох, кончили*) гневно отзывается о дальнейшей судьбе одного из надзирателей.

В некоторых текстах, в которых репрезентирована эмотивная категория «ненормы», информанты рассказывают об издевательском отношении надзирателей к работе раскулаченных: *Потом здесь живёт Августа Михайловна Игнатова, тоже интересно. Она тоже в Косом Быку с самого почти образования их. Отправили их туда, они там жили, раскулаченные. Ну, там был какой-то комендант, говорят, который осуществлял надзор не за литовцами, немцами, там уже милиционер был, а за раскулаченными осуществлял надзор какой-то НКВДшник. Фамилия ангарская. В общем, **издевался над этими, над кулаками невероятно**. Заставляет делать хомуты. Ну, они все такие мастеровые. Делают хомуты, наделают, им задание выдали. Он приходит: «Ага, хреново сделали!» Шас на сани в кучу эти хомуты слаживает, и сожгли: «Делайте по новой». Добрые хомуты, не принимал их. Вот такое я слышал (Кеж.: Кодинск, 2019) [ЭТКЛСП].*

В некоторых текстах о «чужих» репрезентированы эмотемы, которые эксплицируют различные эмоциональные состояния с помощью собственно эмотивов и экспрессивных выражений. Например, в рассказах ангарцев о тяжелой жизни ссыльных в Приангарье: *В Ирбе же здесь же сосланные литовцы жили, латыши. Здесь жила Миля, латышка. Она в школе была техничкой и сторожем. А литовцы они жили и работали больше на скотном дворе. Но они сильно бедно жили. Я помню, они ходили в деревянных ботинках. Шибко бедно жили. И вот кладбище у них своё было, могилы они как-то по-своему делали.*

[– А где оно было, Татьяна Александровна? – Собир.]

Ну, там на общем кладбище.

[– Кресты высокие ставили. – Слуш.]

*Да. Кресты высокие, лента кака-то чёрная. Вот бедность-то ихая до сих пор она в глазах стоит. Они всю грязную, **ломовую** работу в колхозе делали, **на***

ерме тянули жизнь. И вот Амалия Петровна-то рассказывала, Колпакова-то, выжили, говорит, мы токо за счёт местных, ирбинских. Спасли с голода люди наши, ирбинские. Крадче доярки где-нибудь молочка спрячут (тогда же всё это было страшно нести со двора), по баням везде. Но, говорит, как-нибудь да, то зёрнышка где-нибудь нам принесут. Вот только за счёт народа и выжили [СГРСБС, Т.19, с. 100]. Во-первых, проанализировав этот текст, стоит отметить, что информант делает акцент на том, что ссыльные литовцы и латыши бедно жили: «сильно бедно жили», «шибко бедно жили» и др. Во-вторых, в тексте использован собственно эмотив, представленный прилагательным *ломовая* (работа), использованное в переносном значении «очень тяжелая, требующая большой затраты физических сил» [ТСРЯ, <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>]. В-третьих, информант употребил экспрессивное выражение *на ерме* (*ярме* – Е.С.) *тянули жизни*. В словаре В.И. Даля приводится несколько значений слова *ярмо*: 1) деревянный хомут на рабочий скот; 2) бремя, тягость, тяжкий труд, гнёт, рабство, неволя [Даль, Т. 12, с. 408]. В современных толковых словарях русского языка также приводятся подобные значения: 1) деревянный хомут для упряжки рабочего крупного рогатого скота; 2) бремя, тяжесть (*книжн.*) [БТСРЯ, <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>]. Таким образом, можно сделать вывод, что выражение *на ерме тянули жизнь* является экспрессивным ассоциативом. Ангарец сравнил работу ссыльных с тяжёлой работой рабочего скота. Использованные информантом различные языковые средства выражения эмоций, эксплицируют *сострадание, сочувствие* к участи ссыльных.

В устных текстах о «чужих» эмотивная окраска текста выражается с помощью различных средств выражения эмоций. В таких рассказах информанты дают эмоциональную оценку событиям, о которых они слышали, либо сами оказывались их непосредственными участниками, например: *А немцы-то, дак во время войны их же сюда авакуация была, в Сибирь, на Ангару. А народ-то боялись же, что это немцы. Их из Красноярска поездом, а сюда на илимках привезли, катером-тягачом. Осенью привезли, перед заморозками, мама*

рассказывала, ой, их никто к себе не пускал, немцев, боялиша. А маме-то жалко было. Тятя у нас был руководящим. И говорит:

– Меня, – говорит, – посядут, если ты, – говорит, – примешь их.

Дак мама, знаете, ночью таскала имям еду. На берег унесёт, покормит [СГРСБС, Т. 1, с. 112]. В приведённом тексте с помощью собственно эмотивов, представленных разными частями речи: *боялись* и *жалко* синхронно эксплицированы две эмоции, а именно *страха* и *жалости*. В лингвистической эмотиологии данный феномен получил название экстериоризованных смешанных эмоций – это экспликация двух и более эмоциональных переживаний или состояний в устных и письменных текстах [Штеба, 2019, с. 126].

Спецификой эмотивности текстов о «чужих» является экспликация экстериоризованных смешанных эмоций, в частности эмоций *страха* и *жалости*. Среди текстов о «чужих» преобладают нарративы, в которых эксплицируется эмотема «жалость к ссыльным», а также рассказы о жестоком обращении комендантов с раскулаченными, выражающие категорию «ненормы».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

В настоящем диссертационном исследовании устные тексты старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих» были рассмотрены с позиции лингвистической эмотиологии. Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы. Проблема «язык и эмоция» является одной из дискуссионных в современной лингвистике. Она изучается в рамках таких лингвистических наук, как лингвокультурология, психолингвистика, семантика, а также лингвистическая эмотиология.

С опорой на теоретические положения лингвистической эмотиологии анализ устных текстов старожилов Северного Приангарья о «своих» показал, что в них преимущественно репрезентируются такие эмоции, как *сострадание*, *восхищение* и *радость*. Также выявлены единичные контексты, в которых выражается эмоция *осуждения* в адрес отдельных людей. В устных ангарских текстах о «чужих» эксплицируются эмоции *сострадания* и *восхищения*. В плане выражения эмоций обнаруживается сходство эмотивных характеристик текстов о «своих» и «чужих».

В настоящем диссертационном исследовании выявлены следующие языковые средства, выражающие эмоции: собственно эмотивы, выраженные существительными, прилагательными, глаголами; аффективы-междометия; экспрессивы; коннотативы; фразеологические единицы.

Среди представленных языковых средств, наиболее употребительными в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» являются коннотативы (37%) и аффективы-междометия (23%). В устных текстах о «чужих» преобладают собственно эмотивы (29%) и коннотативы (25%). Среди синтаксических средств выражения эмоций преобладают восклицательные предложения (63% в текстах о «своих»; 68% в текстах о «чужих»).

Использованные в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих» языковые средства, выражающие различные эмоции, в целом характерны и для разговорной лексики русского языка. Однако в некоторых

текстах используются лексико-фразеологические средства, которые присущи именно речи коренных ангарцев. Среди таких средств можно отметить экспрессивные выражения: *ездой бегать, глушить работой*. Также в устных текстах используются фразеологизмы, характерные для речи сибиряков-ангарцев: *приехать на голые зубы, высадить на голую полянку (=высадить под пенёк; выбросить под голу сосну)*.

Анализ показал, что в устных текстах о «своих» преобладает эмотивная тональность объектного типа. Эмотивная окраска текстов создаётся с помощью аффективов-междометий, коннотативов и экспрессивов, которые выражают эмоции *сострадания, радости, восхищения, горя, страха*.

Исследование эмотивного фона рассказов о «своих» и «чужих» показало, что его специфика определяется содержанием текстов. Преимущественно были выявлены такие эмоционально-смысловые типы текстов, как печальные и весёлые (тексты о «своих»), печальные (тексты о «чужих»). Среди нарративов о «чужих» преобладают те, в которых выражено сострадание к ссыльным. Эмотивный анализ текстов о «чужих» показал, что отношение к ним менялось в рамках динамической модели «настороженность–сочувствие–симпатии–уважение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокультурная дихотомия «свои–чужие» на протяжении длительного времени находится в центре внимания учёных. В работах многих философов XX–XXI вв. рассматривается также дихотомия «свои–другие», «свои–иные». В философии эти оппозиции рассматриваются как мировоззренческие универсалии, которые влияют на разные сферы человеческого бытия. Литературоведы рассматривают концепты «свои» и «чужие» как стереотипные образы национального сознания. Фольклористы анализируют данные концепты как базовые, которые составляют ядро фольклорной картины мира. Лингвокультурная дихотомия «свои–чужие» исследуется и в рамках различных лингвистических наук: этнолингвистики, лингвокультурологии, психолингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, теории межкультурной коммуникации, политической лингвистики и др. Специалисты пришли к выводу, что эта дихотомия является одной из основных в культуре разных этносов. Большинство лингвистов считает, что она формирует языковое сознание представителей того или иного народа.

В ходе работы было установлено, что дихотомия «свои–чужие» является одним из ключевых лингвоментальных феноменов, которые характеризуют не только национальную, но и региональную лингвокультуру.

Анализ теоретического материала показал, что в начале XXI вв. национальные и региональные лингвокультуры находятся в центре внимания учёных, исследующих фундаментальную проблему «язык и культура». Представители московской лингвокультурологической школы отмечают, что лингвокультура является третьей семиотической системой, занимая промежуточное положение между культурой и языком. Как семиотическая система, лингвокультура обладает собственным словарём и грамматикой. Её содержание сформировано культураносными смыслами и образами сознания, которые эксплицируются в языке. В настоящее время в стадии становления находится психолингвокультурология, которая рассматривает особенности

лингвокультуры сквозь призму новых теоретических положений. В некоторых вузах и научных центрах Российской Федерации, например, в Сибирском федеральном университете (г. Красноярск), Национальном исследовательском Томском государственном университете, Региональном центре русского языка, фольклора и этнографии (г. Иркутск), разрабатываются проблемы региональных лингвокультур. Красноярские исследователи под лингвокультурой понимают целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, формирующийся различными лингвокультурными кодами и субкодами, а также пространственными координатами, ценностями, социальным и культурным опытом людей, проживающих в том или ином регионе.

Анализ близких по проблематике научных работ показал, что лингвокультура, языковая и ценностная картины мира имеют ряд отличий:

1) языковая и ценностная картины мира соотносятся с лингвокультурой как частное и общее;

2) лингвокультура является лингвокогнитивным феноменом, а языковая картина мира представляет собой сложно устроенное семантическое пространство, т.е. лингвистический феномен;

3) лингвокультура формируется образами сознания, овнешнёнными в языке, а языковая картина мира – языковыми единицами;

4) доминирующими функциями языковой картины мира являются интерпретативная, регулятивная, номинативная функции, а также функция социализации; доминирующими функциями ценностной картины мира – аксиологическая и нормативно-регулятивная функции; лингвокультура выполняет базовые дифференцирующую, конгломерирующую, легитимирующую, идентифицирующую функции.

В процессе исследования было установлено, что дихотомию «свой–чужие» образуют мегаконцепты, т.е. комплексные мыслительные структуры, которые упорядочивают различные лингвокогнитивные феномены, в том числе лингвокультурные концепты.

Мегаконцепты «свои» и «чужие» относятся к числу базовых лингвоментальных феноменов в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья. Структура данных мегаконцептов детерминирована разными культурными кодами.

Структура мегаконцепта «свои» определяется кровнородственным и пространственным культурными кодами. В ходе исследования данного мегаконцепта подробному анализу подвергаются те концепты, которые детерминированы пространственным культурным кодом: «сибиряки», «ангарцы», а также пространственным и социальным культурными кодами: «деревенские».

В структуру мегаконцепта «чужие» включаются такие концепты, как «ссылные», «вербованные» и «городские». На их формирование оказали влияние пространственный, событийно-исторический и социальный культурные коды. Имена данных лингвокультурных концептов обозначают людей, которые приехали откуда-либо (добровольно или принудительно), «нездешних», не коренных жителей Северного Приангарья. Событийно-исторический и пространственный культурные коды детерминируют содержание лингвокультурного концепта «ссылные». Социальный и пространственный культурные коды детерминируют содержание лингвокультурных концептов «вербованные» и «городские».

Структура каждого из проанализированных лингвокультурных концептов включает понятийный, образный и ценностный слои.

Анализ устных текстов старожилов Северного Приангарья о «сибиряках» показал, что в содержании исследуемого лингвокультурного концепта актуализированы пять концептуальных признаков:

1) потомки поморов, переселившихся в Сибирь в конце XVI – первой пол. XVIII вв. (*«сибиряки – это русские старожилы, это люди, это поморы»* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП]);

2) люди, проживающие на Востоке страны за Уралом («сибиряки – это другие люди, которые живут с той стороны Урала» (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП]);

3) люди, проживающие в Красноярском крае и Иркутской области («Красноярский край, Иркутская область, где-нибудь вот эти» (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП]);

4) люди, родившиеся и прожившие всю жизнь в Северном Приангарье («Которые всю жизнь прожили на Ангаре, всю жизнь. Родились и там жили» (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП]);

5) устойчивая общность людей, образовавшаяся в результате формирования общности их территории, экономических и культурных связей («сибиряки – это нация» (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2019 г.) [ЭТКЛСП]).

Образный слой лингвокультурного концепта «сибиряки» эксплицируется преимущественно перцептивными прилагательными, которые позволяют представить наглядный образ сибиряка: в *тёплых* одеждах.

В ценностном слое превалирует зона положительной оценки, представленная:

1) этической оценкой: *гостеприимные, добрые, душевные, скромные, дружелюбные* и др.;

2) нормативной оценкой: *трудолюбивые, выносливые, твёрдые* и др.;

3) эстетической оценкой: *крепкие*;

4) интеллектуальной оценкой: *образованные, умные*.

Для расширения эмпирической базы исследования с целью характеристики образного и ценностного слоёв исследуемого лингвокультурного концепта был проведён свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *сибиряки*. Были получены ассоциаты, которые отражают особенности понятийного, образного и ценностного слоёв анализируемого концепта. Анализ полученных данных позволил расширить сведения о содержании понятийного и образного

слоёв лингвокультурного концепта «сибиряки», а также получить новые данные об особенностях ценностного слоя. Испытуемые на слово-стимул *сибиряки* привели следующие типы ассоциативных реакций:

- 1) реакции-пояснения, которые актуализируют ассоциацию, связанную с местом рождения сибиряков (*люди, родившиеся в Сибири*);
- 2) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Сибири (*люди, живущие в Сибири*);
- 3) реакции-пояснения, указывающие на проживание сибиряков в Северном Приангарье (*ангарцы*);
- 4) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северу (*люди, живущие на Севере*);
- 5) реакции, актуализирующие представления о погодных условиях Сибири (*холод*);
- 6) реакции, которые актуализируют стереотипные представления об образе сибиряков (*ходят в шубах*).

Наряду с приведёнными выше ассоциациями, были приведены и оценочные реакции, которые эксплицируют разные типы оценок:

- 1) этическую оценку: *счастливые, дружные, добрые* и др.;
- 2) нормативную оценку: *сильные, выносливые, смелые* и др.;
- 3) эстетическую оценку: *крепкие*;
- 4) интеллектуальную оценку: *умные*.

Анализ устных текстов старожилов Северного Приангарья об «ангарцах» показал, что в понятийном слое лингвокультурного концепта «ангарцы» можно выделить два концептуальных признака:

- 1) те, кто с рождения проживают в населённом пункте, расположенном в Северном Приангарье («*кто с рождения здесь*» (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП]);
- 2) те, кто длительное время проживают в населённом пункте, расположенном в Северном Приангарье («*уже ангарец будешь, если всю жизнь живёшь*» (Кеж.: Недокура, 2018) [ЭТКЛСП]).

Образный слой лингвокультурного концепта «ангарцы» репрезентирован с помощью перцептивных лексем, описывающих ангарцев: *ангарцы обладают какой-то суровой красотой*.

В ценностном слое превалирует зона положительной оценки, выраженная оценочными прилагательными, которые эксплицируют такие типы частнооценочных значений, как:

- 1) этическая оценка: *скромные, дружелюбные, добрые, гостеприимные* и др.;
- 2) нормативная оценка: *трудолюбивые*;
- 3) эстетическая оценка: *крепкие*.

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного лингвокультурного концепта «ангарцы», а также получить новые данные об особенностях ценностного слоя. Испытуемые на слово-стимул *ангарцы* привели следующие типы ассоциативных реакций:

- 1) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность к Северному Приангарью: (*Ангара*);
- 2) реакции, указывающие на территориальную принадлежность ангарцев к одному месту проживания (*местные*).

Помимо этого, испытуемыми были приведены оценочные реакции, которые выражают разные типы оценок:

- 1) общую оценку: *хорошие*;
- 2) этическую оценку: *добрые, гостеприимные, вольные* и др.;
- 3) нормативную оценку: *сильные, трудолюбивые, обычные*;
- 4) эстетическую оценку: *крепкие*.

В состав исследуемого лингвокультурного концепта входят несколько субконцептов: «верховские ангарцы», «низовские ангарцы», «кежмари», «богучанцы», «мотыгинцы», которые представлены такими номинациями, как *верховские, низовские, кежмари, богучанцы, мотыгинцы, сёгоды, мокчоны*.

Анализ лингвокультурного концепта «деревенские» показал, что в его понятийном слое эксплицирован один концептуальный признак: «проживание с говорящим в одной деревне» («*Поймал и начал драть, а наши деревенские, Булыга вот с женой и с дочерью поехали по ягоды туда же, близко, и слышат: человек стонет и кричит*» (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]).

Образный слой лингвокультурного концепта «деревенские» выражен преимущественно перцептивными лексемами, которые описывают жителей деревни: *Всё белым-бело. Люди с румяными щеками, в больших одеждах, шубах и валенках.*

В ценностном слое лингвокультурного концепта «деревенские» превалирует зона положительной оценки, которая репрезентируется с помощью разных типов частнооценочных значений:

- 1) этическая оценка: *дружные, добрые, гостеприимные* и др.;
- 2) нормативная оценка: *смелые*.

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «деревенские». Испытуемые на слово-стимул *деревенские (односельчане)* привели следующие типы ассоциативных реакций:

- 1) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к одному месту проживания (*люди, живущие в одном селе*);

- 2) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к Северному Приангарью (*ангарцы*);

- 3) реакции, указывающие на территориальную принадлежность деревенских (односельчан) к конкретному населённому пункту Северного Приангарья (*Богучаны*);

- 4) реакции, обусловленные самоидентификацией (*земляки*);

- 5) реакции, обусловленные близостью проживания деревенских (односельчан) (*соседи*).

В качестве ассоциатов были приведены и оценочные прилагательные, которые эксплицируют три типа оценок:

- а) общую оценку: *хорошие, купырный* (=хороший);
- б) этическую оценку: *добрые, дружные, отзывчивые* и др.;
- в) нормативную оценку: *трудолюбивые*.

Проведённый анализ устных текстов о «ссылных» показал, что в понятийном слое лингвокультурного концепта «ссылные» эксплицируется четыре концептуальных признака:

1) крестьяне-спецпоселенцы (трудпоселенцы, выселенцы) («*Косой Бык, туда же всех ссылали кулаченных-то*» [СГРСБС, Т. 6. с. 257–258]);

2) люди, сосланные в Северное Приангарье по политическим мотивам («*были тогда ссыльные... не ссыльные, а политические сосланные*» [СГРСБС, Т. 6, с. 329]);

3) люди, сосланные в Северное Приангарье в результате депортационной политики по национальному признаку («*В войну их тут полно было: и немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев*» (Кеж.: Чадобец, 2012) [ЭТКЛСП]);

4) люди, сосланные в 60-е – начале 70-х гг. XX в. в Северное Приангарье за административные правонарушения («*Ну и вот была категория тех, которые были высланы из Москвы, Московской области к нам <...> тунядцы* (записано от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) в 2020 г.) [Из архива автора]).

В проанализированных текстах образные средства языка не используются, т.к. для устной речи образность присуща в меньшей степени, чем для речи письменной.

В ценностном слое анализируемого лингвокультурного концепта преобладает зона положительной оценки, эксплицированная такими типами частнооценочных значений, как:

- 1) этическая оценка: *добрые* и др.;
- 2) нормативная оценка: *трудолюбивые, самобытные* и др.;
- 3) интеллектуальная оценка: *грамотные*.

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «ссылные». Было установлено, что на слово-стимул *ссылные* испытуемые привели следующие типы ассоциативных реакций:

1) реакции-пояснения, актуализирующие представления о людях, отправленных в ссылку (*люди, отправленные в ссылку*);

2) реакции-пояснения, которые актуализируют представления о людях, сосланных в Сибирь (*люди, которых сослали в Сибирь*);

3) реакции-пояснения, указывающие на территориальную принадлежность ссылных к Сибири (*люди, которые живут в Сибири*);

4) реакции, актуализирующие представления о людях, которых сослали из других регионов (*сосланные из отдалённых мест*);

5) реакции, актуализирующие представления о людях, которые в качестве наказания за совершённые преступления и проступки, были отправлены в ссылку (*преступники*);

6) реакции, отражающие семантические множители слова-стимула (*каторжники*);

7) реакции, отражающие определённые исторические знания (*декабристы*);

8) реакции, которые актуализируют представления о невиновности ссылных (*невиновны*).

Испытуемыми были даны оценочные реакции, которые эксплицируют четыре типа оценок:

а) общую оценку: *хорошие*;

б) этическую оценку: *добрые, справедливые*;

в) нормативную оценку: *порядочные*;

г) интеллектуальную оценку: *образованные*.

Анализ устных текстов старожилов Северного Приангарья о «вербованных» позволил выявить в понятийном слое лингвокультурного концепта «вербованные» два концептуальных признака:

1) люди, приехавшие в Сибирь из другого региона по направлению Государственного управления организованного набора рабочих («вербованные сразу по набору стали приезжать») (Кеж.: Козинск, 2019) [ЭТКЛСП];

2) люди, приехавшие на заработки («ну, как, в леспромхоз. На заработки»; «с Костромской области много приезжали на заработки») (Кеж.: Козинск, 2019) [ЭТКЛСП).

Образный слой лингвокультурного концепта «вербованные» не эксплицируется в устных текстах старожилов Северного Приангарья, т.к. анализируемый концепт «затухает». Это обусловлено несколькими причинами: большинство вербованных приезжали работать в Северное Приангарье на определённое время; процесс активной вербовки продолжался относительно недолго и др.

В ценностном слое превалирует зона нормативной оценки, преимущественно выраженная наречием *нормально* («нормально работали»).

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «вербованные». Испытуемые на слово-стимул *вербованные* привели следующие типы ассоциативных реакций:

1) реакции, актуализирующие представления о людях, которые прибыли из других регионов на работу (*приезжали на работу*);

2) реакции, актуализирующие представления о людях, которые приезжали в Северное Приангарье в результате специального набора рабочих (*люди, которых уговорили приехать*);

3) реакции-пояснения, имеющие ассоциации с вольнонаёмными рабочими (*вольнонаёмные*);

4) реакция, актуализирующая представления о людях, которые получают определённую плату за временную работу по найму, обычно находясь вне постоянного места проживания (*находятся на заработках*).

Были даны и положительные оценочные реакции, эксплицирующие разные типы оценок:

- а) общую оценку: *хорошие*;
- б) этическую оценку: *мирные*;
- в) нормативную оценку: *закалённые*;
- г) интеллектуальную оценку: *умные*.

Проведённый анализ устных текстов старожилов Северного Приангарья о «городских» показал, что в понятийном слое лингвокультурного концепта «городские» содержится базовый концептуальный признак: «те, кто живут в городе» («У них там в городе всё по-другому» (Кеж.: Козинск, 2019) [Из архива автора]).

Образный слой исследуемого лингвокультурного концепта эксплицируется перцептивными лексемами разных частей речи, которые наглядно характеризуют внешность жителей города и их поведение: *выглядят более ухоженно, аккуратно*.

В ценностном слое концепта можно выделить две зоны оценки: положительную и отрицательную, которые вербализованы оценочными словами разных частей речи, преимущественно оценочными прилагательными: *грамотные, образованные* и др.

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил расширить сведения о содержании понятийного и ценностного слоёв лингвокультурного концепта «городские». Было установлено, что на слово-стимул *городские* испытуемые привели следующие типы ассоциативных реакций:

- 1) реакции, связанные с локусами жизненного пространства: (*улицы*);
- 2) реакции, актуализирующие представления о реалиях городской транспортной системы (*автобус*);
- 3) реакции, актуализирующие представления о реалиях культурной жизни (*достопримечательности*);
- 4) реакции, которые связаны с феноменом политической жизни (*власть*);
- 5) реакции, связанные с экологией (*духота*);
- 6) реакции-характеристики жителей города (*современные*).

Испытуемые привели оценочные реакции, которые эксплицируют:

- 1) интеллектуальную оценку: *умные, начитанные, образованные* и др.;
- 2) эстетическую оценку: *модные, стильные, красивые*.

Анализ категории эмотивности в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих» позволил сделать следующие выводы.

Исследование показало, что проблема «язык и эмоция» в настоящее время относится к числу дискуссионных и разрабатывается не только в рамках семантики, лингвокультурологии, психолингвистики, но и в рамках новой отрасли отечественного языкознания – лингвистической эмотиологии. На становление лингвистической теории эмоций большое влияние оказывают психологические концепции и типологии эмоций. Установлено, что не существует единой типологии эмоций и чувств. В рамках настоящей работы сделана опора на психологический подход, согласно которому эмоции образуют основную мотивационную систему, куда включаются разные эмоции и чувства, в том числе те, которые различаются лишь степенью проявления признака: *презрение, пренебрежение; горе, страдание; удовольствие, радость; страх, ужас* и др.

В ходе исследования было установлено, что в устных ангарских текстах о «своих» преимущественно репрезентируются такие эмоции, как *сострадание*: «Нас четырнадцать детей было. Парами рожались, двойнишные были, двое. Я двойнишная. Двое двойнишных у нас у мамы было <...>. Пилили, и тёс пилили, и плахи пилили, и брёвна возили. Возили, значит, дрова, дровами топили печки, железку эту. Пилили вот так. Вот так и жили, маялись. Тяжёлая жизнь у ангарцев [СГРСБС, Т. 13, с. 164]; *восхищение*: «Не каждый может называться ангарцем, потому что у него корни от другого... этого... Поэтому не очень-то. Коренные – так конечно, все ангарцы. Где бы они потом не были, они всё ангарцами. Так у них идёт это. Труженики!» (Бг.: Пинчуга, 2017) [ЭТКЛСП]; *радость*: «Гуляли всей деревней: песни, всяго-всяго было, пляски, игры были всяки!»; *радость*: У-у-у, гуляли хорошо оне! Берёзу наряжали платками <...> И целый день! И платки, ленты виселися. Ленты тогда атласные, красивые, алые,

красные, синие, белые! Как навешаем! А потом сплётём веноч (цветы уже), эти ленты повешаем, как пойдём в клубе плясать, токо шумоток идёт!» [СГРСБС, Т. 6, с. 217]. Выявлены также единичные контексты, в которых выражается эмоция осуждения в адрес людей, которые нарушают установленные правила жизни старожильской общины: «*Это сейчас нельзя оставить на ряке – уташишат. Счас вишь какой народ-то пошёл страшенный!*» [СГРСБС, Т. 3, с. 79]. В устных текстах о «чужих» также эксплицируются эмоции сострадания: «*Вот этих немцев раскулачили, оне же авакуированные были <...>. Их в войну авакуировали сюда, на Ангару, дак их раздетыми, кто в чём. Ой! И дети, и старики! <...>. Помирали же!*» [СГРСБС, Т. 1, с. 112]; восхищения: «*С Красноярска, с Канска, этих кулаков гнали <...>. Работяги были, работяги были*» [СГРСБС, Т. 14, с. 212–213]. Таким образом, обнаруживается сходство эмотивных характеристик текстов о «своих» и «чужих».

Языковыми средствами выражения эмоций являются собственно эмотивы, выраженные существительными, прилагательными, глаголами; аффективы-междометия; экспрессивы; коннотативы; фразеологические единицы.

Частотными лексико-фразеологическими средствами в устных текстах о «своих» являются коннотативы (37%): «*Все хорошие были, народ хороший был, **работяший** был!*» [СГРСБС, Т.5, с. 120]; аффективы-междометия (23%): **Ой**, *все трудились, все работали!* (Бг.: Иркинеево, 2017) [ЭТКЛСП]. В устных текстах о «чужих» преобладают собственно эмотивы (29%): «*По всём Ангаре. Ссылны да бродяжны. Раньше народ ангарский **жалистливый** был, булку хлеба, простокису на столб ложили*» [СГРСБС, Т. 1, с. 107–108]; коннотативы (25%): *А немцы-то, дак во время войны их же сюда авакуация была, в Сибирь, на Ангару <...>. А исти нечего было, картошку уже выкопали <...>. Но оне **трудовики**, немцы-то, **работяшии*** [СГРСБС, Т. 1, с. 112]. Среди синтаксических средств выражения эмоций преобладают восклицательные предложения (63% в текстах о «своих»): «*Прилетит кулаком-то, и потом потрясёшь. Во мужики были!*» [СГРСБС, Т. 4, с. 196]; (68% в текстах о «чужих»): «*А без справочки нельзя было выйти <...>. Раскулаченные! Кулаки!*» [СГРСБС, Т. 6, с. 84–85].

Использованные в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «своих» и «чужих» языковые средства, выражающие различные эмоции, в целом характерны и для разговорной лексики русского языка. Однако в некоторых текстах используются лексико-фразеологические средства, которые присущи именно речи коренных ангарцев. Среди таких средств можно отметить экспрессивные выражения: 1) *ездой бегать* («о мобильности и сноровке старожилов побережья Ангары (ангарцев), о их способности быстро преодолевать любые расстояния, быстро и ловко выполнять любую работу» [СГРСБС, Т. 15, с. 320]); 2) *глушить работой* («угнетать, притеснять, создавать условия, при которых работа забирает все силы и время» [СГРСБС, Т. 10, с. 370]). Также в устных текстах используются фразеологизмы, характерные для речи сибиряков-ангарцев: 1) *приехать на голые зубы*, т.е. «прибыть на новое место жительства, не имея средств к существованию» [СГРСБС, Т. 11, с. 198–199]; 2) *высадить на голую полянку* (=высадить под пенёк; выбросить под голу сосну), т.е. «насильственно оставить кого-либо жить в лесу, на необжитой территории» [СГРСБС, Т. 9, с. 454–455].

Анализ показал, что в устных текстах о «своих» преобладает эмотивная тональность объектного типа. Эмотивная окраска текстов о «своих» создаётся такими эмотивными средствами, как аффективы-междометия, коннотативы и экспрессивы, выражающие эмоции *восхищения, страха, горя, сострадания и радости*.

Анализ эмотивности устных текстов о «чужих» показал, что их специфической особенностью является экспликация экстерииоризованных смешанных эмоций, например эмоции *сострадания* и *восхищения*, а также в некоторых случаях – *страха* и *сострадания*.

Исследование эмотивного фона рассказов о «своих» и «чужих» показало, что его специфика определяется содержанием текстов. Преимущественно выявлены такие эмоционально-смысловые типы текстов, как печальные и весёлые (тексты о «своих»), печальные (тексты о «чужих»). Среди нарративов о «чужих» преобладают те, в которых выражено сострадание к ссыльным: «А их-то

пригнали, им нигде никоо, оне-то ешио больше нас переживали <...>. Всё оставляли – их гнали. Всё равно переживали, ведь всё оставили и приехали душой и телом» [СГРСБС, Т. 15, с. 183–184]. Эмотивный анализ текстов о «чужих» показал, что коренные ангарцы относились к тем, кто принудительно попал в Северное Приангарье, не как к «чужим», а как к «другим». Отношение к ним менялось в рамках динамической модели «настороженность–сочувствие–симпатия–уважение». Данная модель не проявляется в рассказах о приезжих на заработки (вербованных) и городских. В этих текстах не выражены эмоции *сочувствия* и *симпатии*, преобладает нейтральная эмотивная тональность.

Перспективно дальнейшее исследование структуры и особенностей языковой экспликации мегаконцептов «свои» и «чужие» в концептосфере традиционной лингвокультуры Северного Приангарья конца XX – начала XXI вв. Особенно важным является рассмотрение лингвокультурного концепта «родня» с его многочисленными субконцептами, которые входят в структуру мегаконцепта «свои», а также лингвокультурных концептов «иноверцы» и «инородцы», которые включаются в структуру мегаконцепта «чужие». Рассмотрение структур мегаконцептов «свои», «чужие», «другие» в свете кровнородственного и этно-конфессионального лингвокультурных кодов углубит знания и представления о традиционной лингвокультуре Северного Приангарья и сибирской лингвокультуре в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. – М.; Новосибирск, 2000. – 772 с.
2. Антонова, Л.Е. Семантика стыда и способы её выражения в современном русском языке: норма и субстандарты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Антонова Лидия Евгениевна. – СПб, 2009. – 220 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – Т. II. – 767 с.
4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995б. – № 1. – С. 37–67.
5. Араева, Л.А. Роль словообразования в межкультурной коммуникации / Л.А. Араева // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сб. материалов I Международной научно-практической конференции. – М.: Гос ИРЯ им А.С. Пушкина, 2018. – С. 27–28.
6. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389–390.
7. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
9. Бабаева, Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-р филол. наук: 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 438 с.
10. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

11. Бабушкин, А.П. Стереотипы как средство понимания «чужой» культуры / А.П. Бабушкин // Проблема взаимопонимания в диалоге: Сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 22–27.
12. Баженова, Е.А., Лапчева, С.А. Оппозиция свой–чужой в политическом дискурсе / Е.А. Баженова, С.А. Лапчева // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 17–19.
13. Баженова, Е.А., Мальцева, И.В. Имидж политика в аспекте оппозиции свой–чужой / Е.А. Баженова, И.В. Мальцева // Вестник Пермского ун-та. – 2009. – №3. – С. 28–33.
14. Байрамова, Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей / Л.К. Байрамова. – Изд. 2-е, доп. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 372 с.
15. Балясникова, О.В. «Свой–чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка) / О.В. Балясникова. – М.: Канцлер, 2016. – 202 с.
16. Балясникова, О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Балясникова Ольга Вениаминовна. – М., 2003. – 224 с.
17. Банкова, Т.Б., Агапова, Н.А., Угрюмова, М.М. Константы русской народной культуры: языковые воплощения / Т.Б. Банкова, Н.А. Агапова, М.М. Угрюмова / ред.: Банкова Т.Б. – Томск: Томский государственный университет, 2017. – 200 с.
18. Банкова, Т.Б. Вещный мир традиционной сибирской свадьбы в лингвокультурологическом аспекте: от бытового к бытийному (на материале говоров Среднего Приобья) / Т.Б. Банкова. – Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – №3 (29). – С. 5–13.
19. Банкова, Т.Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Т.1: А–З / Т.Б. Банкова / Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – 200 с.

20. Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А.Г. Баранов. – Ростов-на-Дону, 1993. – 182 с.
21. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
22. Баташев, М.С., Макаров, Н.П. К вопросу об этногенезе дорусского населения Северного Приангарья / М.С. Баташев, Н.П. Макаров // Живёт облик родины с нами. – Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2015. – С. 15–21.
23. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
24. Белова, О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О.В. Белова. – М.: Изд-во «Индрик», 2005. – 288 с.
25. Белянин, В.П. Психолингвистические аспекты художественных текстов / В.П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 121 с.
26. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. / Е.Л. Березович. – М.: «Индрик», 2007. – 600 с.
27. Блинова, О.И. Комплексная лексикографическая параметризация сибирского говора: Итоги и перспективы / О.И. Блинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 1 (13). – С. 5–13.
28. Блохина, Е.Н. О проекте лингвокультурологического словаря «Культура Баварии» / Е.Н. Блохина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, – 2015. № 10 (52): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 27–28.
29. Блохина, Е.Н. Создание словаря региональной лингвокультуры как актуальная проблема современной немецкой лексикографии / Е.Н. Блохина // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 111.
30. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
31. Болдырев, Н.Н., Куликов, В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка / Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов // Известия РАН. Сер. Лит-ра и язык. – 2006. – Т.65. – №3. – С. 3–13.

32. Болдырев, Н.Н., Магировская, О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н.Н. Болдырев, О.В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №2. – С. 7–16.

33. Болотов, В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста / В.И. Болотов. – Ташкент: Фан, 1981. – 116 с.

34. Бубнова, И.А.; Зыкова, И.В.; Красных, В.В.; Уфимцева, Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.

35. Букринская, И.А., Кармакова, О.Е. Лексика традиционной культуры в современных русских говорах / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова // Русский язык: Исторические судьбы и современность, 2019. – С. 29–30.

36. Бутенко, Е.Ю. Базовые единицы лингвокультурологии / Е.Ю. Бутенко // Вестник Ростовского государственного экономического университета «РИНХ»: научно-практический журнал. – 2008. – №2 (26). – С. 321–328.

37. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс // Логос. – 1994. – № 6. – С. 77–94.

38. Василевич, А.П. Откуда берётся представление о национальном характере? / А.П. Василевич // Вопросы психолингвистики. – 2010. – №2 (12). – С. 78.

39. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

40. Викторова, Е.Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Елена Юрьевна Викторова. – Саратов, 1999. – 17 с.

41. Волошина, С.В. Коммуникативная тактика сравнения в автобиографических рассказах (на материале диалектной речи) / С.В. Волошина. – Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 65–71.
42. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
43. Воркачѳв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Электронный ресурс] / С.Г. Воркачѳв. – 2001. Режим доступа: <http://lincon.narod.ru/lingvocult.htm>.
44. Выходцева, И.С. Концепт «свой–чужой» в советской словесной культуре (20–30-е гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Выходцева Ирина Сергеевна. – Саратов, 2006. – 187 с.
45. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию: Проф. Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.
46. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 660 с.
47. Гольдин, В.Е., Крючкова, О.Ю., Сдобнова, А.П. Оппозиция «город» – «деревня» в сознании носителей традиционной народной культуры / В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова, А.П. Сдобнова // У чистого источника родного языка. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 273–282.
48. Гончарова, Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Известия Тульского госуд. ун-та. Гуманитарные науки. – 2012. – С. 396–405.
49. Городецкая, Л.А. Лингвокультура и лингвокультурная компетентность: монография / Л.А. Городецкая. – М.: КДУ, 2009. – 264 с.
50. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль. – М., 2010. – 229 с.
51. Гынгазова, Л.Г., Иванцова, Е.В. Ключевые ценности крестьянской культуры в высказываниях диалектной языковой личности о себе /

Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина. – М. – Саратов: Амирит, 2015. – С. 36–45.

52. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в двенадцати томах / В.И. Даль. – М.: Мир книги, 2004. – Т.11. Сап–Тех. – 400 с.

53. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в двенадцати томах // В.И. Даль. М.: Мир книги, 2004. – Т.2. Вар–Гор. – 368 с.

54. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в двенадцати томах / В.И. Даль. – М.: Мир книги, 2004. – Том 12. Теч–Ящи. – 416 с.

55. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в двенадцати томах / В.И. Даль. – М.: Мир книги, 2004. – Том 6. Мал–Нат. – 368 с.

56. Данилевская, А.С. Диалектная фразеология русских говоров Приамурья как средство выражения региональной языковой картины мира / А.С. Данилевская // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. – 2014. – №3 (45). – С. 175–176.

57. Дарвин, Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб: Питер, 2001. – 384 с.

58. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Что такое концепт? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Что такое философия? – М.; СПб., 1998. – С. 25–47.

59. Демешкина, Т.А., Тубалова, И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации / Т.А. Демешкина, И.В. Тубалова. – Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – №50. – С. 36–54.

60. Детинко, Ю.И., Куликова, Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю.И. Детинко, Л.В. Куликова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 168 с.

61. Дима, А. Образ иностранца в различных национальных литературах / А. Дима // Принципы сравнительного литературоведения. – М., 1977. – С. 148–153.

62. Додонов, Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М., 1978. – 280 с.

63. Евсева, И.В. Словообразовательное гнездо с вершиной «картофель» как минимальная диалогическая единица / И.В. Евсева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2010. – № 3. – С. 184–189.

64. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 528 с.

65. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

66. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 696 с.

67. Занданова, Л.В., Метлин, С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) [Электронный ресурс] / Л.В. Занданова, С.А. Метлин. – 2010. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2010Metlin.htm>.

68. Зберовская, Е.Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.) / Е.Л. Зберовская. – Красноярск, 2010. – 180 с.

69. Земсков, В.Н. Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) [Электронный ресурс] / В.Н. Земсков. – 1991. – Режим доступа: http://anikvn.ru/Zemskov/Zemskov_Zakluchennie.htm.

70. Зиммель, Г. Избранное: В 2 томах / Г. Зиммель. – М.: Юристъ, 1996. – Т.2. Созерцание жизни. – 608 с.

71. Зуев, А.С., Красильников, С.А. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX в. [Электронный ресурс] / А.С. Зуев, С.А. Красильников. – 2009. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

72. Зыкова, И.В. Концептосфера культуры и фразеологии: теория и методы лингвокультурологического изучения / И.В. Зыкова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
73. Зыкова, И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты / И.В. Зыкова. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
74. Зырянова, М.Н. Лингвокогнитивное описание структуры мегаконцепта «творчество» (на материале произведений Д.А. Пригова) / М.Н. Зырянова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 38–44.
75. Иванова, Н.С. Ценностная картина мира и межкультурная коммуникация (русско-болгарские параллели) / Н.С. Иванова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 30–37.
76. Иванова, С.В., Чанышева, З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография / С.В. Иванова, З.З. Чанышева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
77. Игнатова, Н.М. Смертность спецпереселенцев в Северном крае в 1930-е годы: причины, масштаб, статистический учёт / Н.М. Игнатова // Новый исторический вестник. – 2011. – № 2 (28). – С. 42–52.
78. Игнатович, Т.Ю. Доминанты русской языковой картины мира в региональной реализации / Т.Ю. Игнатович // Гуманитарный вектор. – 2009. – № 4. – С. 76–80.
79. Изард, К.Е. Эмоции человека / К.Е. Изард. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
80. Илиополова, К.С. Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной коммуникации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Илиополова Кристина Сергеевна. – Ростов н/Д, 2010. – 148 с.
81. Ионова, С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ионова Светлана Валентиновна. – Волгоград, 1998. – 197 с.

82. Йокояма, О. «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России / О. Йокояма // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 61–63.

83. Калимуллина, Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты: с привлечением материала славянских языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Калимуллина Лариса Айратовна. – Уфа, 2006. – 556 с.

84. Калимуллина, Л.А. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка: синхронический и диахронический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Калимуллина Лариса Айратовна. – Уфа, 1999. – 347 с.

85. Калиткина, Г.В. Трансляция традиции в диалектном корпусе / Г.В. Калиткина // Библиотека журнала «Русин». – 2015. – № 3. – С. 167–182.

86. Калиткина, Г.В. Тексты диалектного архива как базовый источник диалектной лингвокультурологии / Г.В.Калиткина. – Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – С. 7–12.

87. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – 743 с.

88. Карасик, В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65–75.

89. Карасик, В.И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 9–13.

90. Карасик, В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов. – Изд-е 2-е., доп. – РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 127–155.

91. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

92. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
93. Кармакова, О.Е. Русские диалекты как отражение народной жизни / О.Е. Кармакова // Исследователь / Researcher. – 2013. – № 3–4. – С. 34–39.
94. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Колл. монография / Отв. ред. З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – 354 с.
95. Кежемское землячество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kezhma.com/>.
96. Кислякова, Е.Ю. Категория инакости в коммуникативистике / Е.Ю. Кислякова // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2012а. – № 2 (1). – С. 276–280.
97. Кислякова, Е.Ю. Проблема лексикографирования инакости и инаковости: уточнение понятий / Е.Ю. Кислякова // European Social Science Journal. – 2012б. – № 1. – С. 183–190.
98. Кобякова, Т.И., Сунцова, Н.Л. Лингвокультура и этнонациональное языковое сознание / Т.И. Кобякова, Н.Л. Сунцова // Наука сегодня: теория и практика: сб. научных трудов международной заочной научно-практической конференции. – Уфа: Изд-во Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. – С. 138–142.
99. Ковшова, М.Л., Гудков, Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов / М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
100. Козько, Н.А., Пожидаева, Е.В. Современный британский ресторанный дискурс: лингвокультура питания и питья / Н.А. Козько, Е.В. Пожидаева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т.1. – №4. – С. 166–175.
101. Колесникова, С.М. Градуальный фрагмент языковой картины мира сквозь призму словообразования / С.М. Колесникова. – М.: МПУ, 1999. – 101 с.
102. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л.: изд-во Ленинградского университета, 1986. – 312 с.

103. Колмогорова, А.В. Вербальные маркеры эмоций в контексте решения задач сентимент-анализа / А.В. Колмогорова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. – № 1 (54). – С. 83–93.

104. Колошук, Н.Г. «Свои» и «чужие» в романе И.Л. Сельвинского «О, юность, моя!» (имагологический аспект) / Н.Г. Колошук // Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского. – Симферополь: Бизнес-Информ. – 2013. – Вып. 10. – С. 48–67.

105. Коминэ, Ю. Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коминэ Юко. – М., 1999. – 201 с.

106. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРО, 2003. – 349 с.

107. Краева, В.Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Краева Вероника Юрьевна. – Барнаул, 2007. – 255 с.

108. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

109. Красильникова, Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ–ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Красильникова Наталья Алексеевна. – Екатеринбург, 2005. – 207 с.

110. Красных, В.В. К вопросу о постулатах лингвокультурологии / В.В. Красных // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвящённой юбилею проф. В.Н. Телия. – Тула, 2010. – В 2-х тт. – Т.1. – С. 33–35.

111. Красных, В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований / В.В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2013а. – № 2. – С. 7–18.

112. Красных, В.В. Основные проблемы описания словаря и грамматики лингвокультуры (психолингвокультурологический подход) / В.В. Красных // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 19–22.
113. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
114. Красных, В.В. Потяни за ниточку – клубок и размотается... (к вопросу о предметном коде культуры) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2013б. – Вып. 46. – С. 58–67.
115. Красных, В.В. Роль и функции языка и лингвокультуры в свете психолингвокультурологии: перспективы сопоставительного изучения / В.В. Красных // Лингвокультура и концептуальное пространство языка: сб. статей. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». – СПб, 2016. – С. 141–172.
116. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
117. Красных, В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В.В. Красных // Вестник Центра международного образования М. гос. ун-та. Серия: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67–74.
118. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141–172.
119. Куликова, Л.В. Теория межкультурной коммуникации (Коммуникация. Стилль. Интеркультура): учеб. пособие / Л.В. Куликова. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2010. – 290 с.
120. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М., 1984. – 942 с.
121. Куровская, Ю.Г. Языковая картина мира в современном учебнике: когнитивно-лингвистический подход к изучению: дис. ... д-р пед. наук: 13.00.01 / Куровская Юлия Геннадьевна. – М., 2017. – 340 с.

122. Кустова, Г.И. Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] / Г.И. Кустова. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.

123. Лаптева, М.Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: монография / М.Л. Лаптева. – М.: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. – 212 с.

124. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб: Высшая религиозно-философская школа, 1999. – 266 с.

125. Лежнева, О.В. Межкультурная коммуникация и взаимодействие в аспекте сопоставительной лингвокультурологии / О.В. Лежнева // Успехи современной науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 108–109.

126. Ленько, Г.Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий / Г.Н. Ленько // Вестник Ленинградского государственного университета. – 2015. – Т.1. – № 1. – С. 84–91.

127. Лиханова, Н.А. Этнолингвистический аспект изучения наименований потомков в региональной культуре Восточного Забайкалья / Н.А. Лиханова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (36). – Ч.1. – С. 99–102.

128. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

129. Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода: («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1982. – Вып. 576 (=Труды по знаковым системам XV). – С. 110–121.

130. Луков, В.А. Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур / В.А. Луков // Знание. Познание. Умение. – М., 2007. – № 1. – С. 124–131.

131. Лукьянова, Н.Н., Свиридова, Г.Ф. Теоретические основы формирования региональной языковой картины мира (топонимический аспект) /

Н.Н. Лукьянова, Г.Ф. Свиридова // Современное начальное образование: итоги и перспективы развития: сб. материалов всероссийской научно-методической конференции, посвящённой 10-летию факультета начальных классов. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2009. – С. 20–27.

132. Максимова, Н.В. Коммуникативные доминанты речевого поведения (на примере оппозиции «своё–чужое») / Н.В. Максимова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2005. – №11. – С. 95–105.

133. Малышева, Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография / Е.Г. Малышева. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2011. – 370 с.

134. Малышева, И.Ю. Ярославско-костромская диалектная лексика в произведениях Н.А. Некрасова как отражение фрагментов региональной языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Малышева Ирина Юрьевна. – Кострома, 2005. – 330 с.

135. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке / Т.В. Маркелова. – М.: Изд-во МПУ, 1993. – 125 с.

136. Марковина, И.Ю. Метод установления лагун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур / И.Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 58–64.

137. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1983. – 3883 с.

138. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на Философию нищеты г-на Прудона / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1987. – 189 с.

139. Марьянчик, В.А. Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса: на материале газетных публикаций начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Марьянчик Виктория Анатольевна. – Архангельск, 2005. – 210 с.

140. Маслова, В.А. Духовный код культуры и его роль в единении восточных славян / В.А. Маслова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: Сборник научных статей по материалам V

Международной научной конференции; под ред. Е.Е. Иванова. – Могилёв: Издательство: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2018. – С. 7–12.

141. Матвеев, Г.М. Основные смыслонесущие функции картины мира / Г.М. Матвеев // Вестник Чувашского университета. – 2004. – №1. – С. 54–65.

142. Матвеева, Т.В. Тональность текста / Т.В. Матвеева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник; под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 719–721.

143. Мельничук, В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мельничук Виктория Александровна. – СПб, 2017. – 216 с.

144. Мечковская, Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

145. Морозова, И.А. Категориальная структура концепта «женщина» в региональной языковой картине мира / И.А. Морозова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – 2010. – № 6 (50). – С. 78–81.

146. Москвина, Т.Н. К вопросу об изучении диалектной лексики, выражающей эмоции / Т.Н. Москвина // Немцы Сибири: история и культура: Четвёртая Международная научно-практическая конференция. Сер. «Этнокультурное взаимодействие народов Евразии». – Новосибирск, 2003. – С. 173–176.

147. Наместникова, И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Наместникова Ирина Викторовна. – М., 2003. – 330 с.

148. Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. – М.: Наука, 1977. – 351 с.

149. Никитина, С.Е. «Своё – чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп / С.Е. Никитина // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3(33). – С. 76–91.
150. Никитина, С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект) / С.Е. Никитина. – М., 2009. – 353 с.
151. Никитина, С.Е., Кукушкина, Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезауросного описания) / С.Е. Никитина, Е.Ю. Кукушкина. – М.: ИЯз РАН, 2000. – 216 с.
152. Новосёлова, Н.А. Празднование Масленицы в Енисейской губернии: монография / Н.А. Новосёлова. – Красноярск, 2004. – 261 с.
153. Новосёлова, Н.А. Ранний период Приенисейской весны в обрядах, труде и фольклоре. Проблема специфики регионального календаря и семантики обрядовых действий: монография / Н.А. Новосёлова. – Изд. 2-е, доп. – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2015. – 239 с.
154. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.
155. Окунева, Л.В. Антропонимия как источник изучения региональной языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Окунева Людмила Витальевна. – Северодвинск, 2010. – 261 с.
156. Орлова, Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка) / Н.В. Орлова. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 264 с.
157. Орлова, О.В. Дискурс томских рок-авторов как факт региональной лингвокультуры: перспективы изучения / О.В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №1 (33). – С. 16–25.
158. Орлова, О.В. О новых подходах к изучению современных региональных лингвокультур / О.В. Орлова // Язык и социум: материалы X

Международ. науч. конф., Минск, 15–17 октября 2015 г. – Минск: Колорград, 2016. – С. 25–28.

159. Папилова, Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е.В. Папилова // Вестник М. гос. гуманитарного ун-та им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.

160. Парцвания, В.В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному [Электронный ресурс] / В.В. Парцвания. – 2003. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/parcvaniya-vv/genealogiya-otchuzhdeniya-ot-cheloveka-abstraktnogo-k-cheloveku-konkretnomu>.

161. Пеньковский, Б. О семантической категории чуждости / Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987. – М.: Наука, 1989. – С. 54–82.

162. Петроченко, М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дис. ... канд. филол наук: 10.02.01 / Петроченко Мария Николаевна. – Томск, 2005. – 227 с.

163. Пивоев, В.М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре / В.М. Пивоев // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. статей / Отв. ред. В.М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. – С. 6–16.

164. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Вестник КемГУ. Сер. Филология. – Кемерово, 2002. – Вып. 4 (12). – С. 100–105.

165. Постовалова, В.И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении / В.И. Постовалова // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конференции, посвящённой юбилею проф. В.Н. Телия. – Тула, 2010. – Т.2. – С. 266–280.

166. Приходько, В.К. Экспрессивно-эмоциональная диалектная лексика Приамурья / В.К. Приходько // Русский язык в школе. – 2013. – № 7. – С. 84–87.

167. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – 4-е изд. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.

168. Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2011. – 328 с.
169. Пушмин, П.П. Развитие лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности в Восточной Сибири в 1946–1985 гг. (на материалах Иркутской области и Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Пушмин Павел Петрович. – Иркутск, 2004. – 253 с.
170. Рикер, П. Кант и Гуссерль / П. Рикер // Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века. – Томск, 1998. – С. 162–193.
171. Романова, Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 310 с.
172. Рябцева, Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка / Н.К. Рябцева. – 2000. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva/>.
173. Самотик, Л.Г. Чалдоны / Л.Г. Самотик // Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск, 1998. – С. 676.
174. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
175. Серебренникова, А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости»: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Серебренникова Анна Николаевна. – Томск, 2004. – 213 с.
176. Серебренникова, Е.Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография / Отв. редактор Л.Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 27–40.
177. Сироткина, Т.А. Этническая личность в региональной языковой картине мира / Т.А. Сироткина // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: Сочинский государственный университет, 2012. – С. 171–176.

178. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 339 с.
179. Снитко, Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: монография / Т.Н. Снитко. – Пятигорск: ПГЛУ, 1999. – 156 с.
180. Столярова, Э.А. Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Эльвира Александровна Столярова. – Саратов, 1972. – 276 с.
181. Судакова, В.В. Концептуализация «чужого» в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Судакова Виктория Валерьевна. – М., 2005. – 16 с.
182. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13–24.
183. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
184. Телия, В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая организация / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 5–36.
185. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
186. Толстая, С.М. Предметные оппозиции, их семантическая структура и символические функции / С.М. Толстая // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 114–122.
187. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М., 1995. – 512 с.
188. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Т.1: А–Л / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. Отв. ред. И.А. Морозов, М.П. Чередникова. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. – 656 с.

189. Трегубова, Ю.О. Концептуальная оппозиция «свой–чужой» в американо-британской межкультурной коммуникации / Ю.О. Трегубова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – №2 (9): в 3-х ч. – Ч.II. – С. 216–218.
190. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т.1 (А–Д). – 576 с.
191. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – Т.3 (Муза–С). – 832 с.
192. Фёдоров, И.А. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / И.А. Фёдоров. – Режим доступа: <https://books.academic.ru/book.nsf/62157433/Фразеологический+словарь+русского+литературного+языка>.
193. Фельде, О.В. Ангарский нарратив как объект исследования / О.В. Фельде // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10 (151). – С. 189–192.
194. Фельде, О.В. Ангарский нарратив как объект исследования / О.В. Фельде // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10 (151). – С. 189–192.
195. Фесенко, Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фесенко Тамара Александровна. – М., 1999. – 364 с.
196. Филимонова, О.Е. Категория эмотивности в английском тексте: когнитивный и коммуникативный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Филимонова Ольга Евгеньевна. – СПб, 2001. – 382 с.
197. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
198. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб: Наука, 2007. – 677 с.
199. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб: Наука, 2001. – 417 с.

200. Хохлова, Н.В. Лексическое значение и внутренняя форма как способы концептуализации мира природы: на материале говоров Архангельской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хохлова Наталья Валентиновна. – Архангельск, 2004. – 380 с.
201. Цивьян, Т.В. Модель мира и её лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – 3-е изд., исп. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
202. Черемисина, Н.В. Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие / Н.В. Черемисина // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докладов международной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 15–16.
203. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – Т.2. Панцирь – Ящур. – 560 с.
204. Шаронов, И.А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий / И.А. Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». – М., 2006. – С. 561–566.
205. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 192 с.
206. Шаховский, В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики / В.И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 3–25.
207. Шаховский, В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 29–42.
208. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
209. Шилько, Г. Малая Родина. Очерки по истории Богучанского района / Г. Шилько. – Богучаны, 2000. – II часть. – 67 с.
210. Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 1996. – 226 с.

211. Юрина, Е.А. Областной словарь как источник изучения культуры народа / Е.А. Юрина // Этносы Сибири: язык и культура. – Томск, 1997. – Ч.1. – С. 46–49.
212. Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас: пособие для общеобразовательных учреждений / И.А. Букринская и др. – М.: Просвещение, 1994. 155 с.
213. Языковое сознание и образ мира: сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с.
214. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1–2–3. – С. 47–56.
215. Bauman, R., Briggs, C.L. Voices of Modernity: Language Ideologies and the Politics of Inequality / R. Bauman, C.L. Briggs. – Cambridge University Press, 2003. – 356 p.
216. Dijk, T.A. van Political Discourse and Racism: Describing Others in Western Parliaments / T.A. van Dijk // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. – P. 31–64.
217. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 312 p.
218. Felde, Olga V. The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region / Olga V. Felde // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2019. – 1.– P. 55–76.
219. Hart, C. Discourse, grammar and ideology. Functional and cognitive perspectives / C. Hart. – Bloomsbury Academic: An Imprint of Bloomsbury Publishing Plc, 2014 – 216 p.
220. Oatley, K., Johnson-Laird, P.N. The communicative theory of emotions: Empirical tests, mental models and implications for social interaction / K. Oatley, P.N. Johnson-Laird // Goals and affect / Eds. L.L. Martin, A. – Tesser. Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1996. – P. 363–393.

221. Plutchik, R. A general psychoevolutionary theory of emotion / R. Plutchik // Emotion: Theory, research and experience. V.1: Theories of emotion / Eds. R. Plutchik, H. Kekkerman. – N-Y: Academic press, 1980. – P. 3–33.

222. Ryle, G. The Concept of Mind / G. Ryle. – London: Hutchinson, 1949. – 334 p.

223. Salamone, J.D., Correa, M., Randall, P.A., Nunes, E.J. Mesolimbic Dopamine and Emotion: A Complex Contribution to a Complex Phenomenon / J.D. Salamone, M. Correa, P.A. Randall, E.J. Nunes // The psychological construction of emotion / edited by L.F. Barrett, J.A. Russell. – N-Y, London: The Guilford Press, 2014. – P. 249–264.

224. Wodak, R. Others in discourse: Racism and Anti-Semitism in Present-Day Austria Text / R. Wodak // Research on democracy and society. – 1996. – Vol. 3. – P. 275–296.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – 2014. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.
2. СДПСР – Словарь диалектного просторечья Среднего Приобья / Авт-сост. Т.Б. Банкова и др. – Томск, 2003. – 368 с.
3. СПРГСР – Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1977. – 184 с.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: «Наука», 2013. – Вып. 46. – 350 с.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: «Наука», 2003. – Вып. 37. – 416 с.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: «Наука», 2011. – Вып. 44. – 350 с.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: «Наука», 1982. – Вып. 18. – 368 с.
8. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: «Наука», 1972. – Вып. 7. – 356 с.
9. ССГ – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / Отв. ред. Г.Г. Белоусова. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. – 348 с.
10. СЦГ – Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт); ред. кол. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. – Т.4. (Р–Т). – 296 с.
11. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Гл. ред. Т.Ф. Ефремова. – Режим доступа: <http://www.slovoedia.com/15/45-0.html>.

- Бг.: Артюгино, 2014 – Богучанский район: п. Артюгино, 2014
Бг.: Богучаны, 2017 – Богучанский район: с. Богучаны, 2017
Бг.: Гольтявино, 2014 – Богучанский район: д. Гольтявино, 2014
Бг.: Иркинеево, 2017 – Богучанский район: д. Иркинеево, 2017
Бг.: Манзя, 2017 – Богучанский район: п. Манзя, 2017
Бг.: Невонка, 2014 – Богучанский район: п. Невонка, 2014
Бг.: Пинчуга, 2017 – Богучанский район: п. Пинчуга, 2017
Бг.: Таёжный, 2017 – Богучанский район: п. Таёжный, 2017
Кеж.: Козинск, 2015 – Кежемский район: г. Козинск, 2015
Кеж.: Недокура, 2018 – Кежемский район: п. Недокура, 2018
Кеж.: Чадобец, 2012 – Кежемский район: д. Чадобец, 2012
Кеж.: Яркино, 2018 – Кежемский район: с. Яркино, 2018
Мт.: Мотыгино, 2016 – Мотыгинский район: пгт. Мотыгино, 2016
Мт.: Раздолинск, 2017 – Мотыгинский район: пгт. Раздолинск, 2017

Источники исследования

1. СГРСБС – Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т.20. 480 с.
2. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2017. Т.19. 480 с.
3. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2016. Т.18. 480 с.
4. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2015. Т.17. 480 с.
5. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. 480 с.
6. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. 480 с.
7. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. 480 с.
8. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. 480 с.
9. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. 480 с.
10. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. 480 с.

11. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. 496 с.
12. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А Мызников. Иркутск, 2012. Т.9. 528 с.
13. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. 536 с.
14. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А Мызников. Иркутск, 2011. Т.7. 544 с.
15. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. 544 с.
16. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. 544 с.
17. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2008. Т.4. 544 с.
18. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2008. Т.3. 544 с.
19. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. 560 с.
20. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.1. 576 с.

21. ЭТКЛСП – Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru/home>.

Устные тексты старожилов Северного Приангарья о «своих»

Устные рассказы и интервью о «сибиряках»

1. [– Кто для Вас сибиряки? – Собир.].

– *Которые всю жизнь прожили на Ангаре, всю жизнь. Родились и там жили. Они ко всему привычные: и к морозу, и к теплу. И ко всем, как сказать, ко всем делам. Чтобы, допустим, кто-то придёт, что спрашивает старого человека, что: «Ты знаешь это?».*

Они трудолюбивые, да, да. Лентяи есть тоже.

[– Ангарцы – это те же самые сибиряки или это другие люди? – Собир.].

– *Нет, на Ангаре же жили, жили на Ангаре. Была ещё по Кова. По Кова, вот где Карамышево было, Костино, Уяр. Это же сейчас всё затопило.*

[– Вы бы смогли узнать сибиряка из толпы? – Собир.].

– *Ну, как сказать, я уже сейчас тоже стала... ответить не могу. Ну, говор, говор-то всё-равно походит-то на старый-то вот. Я вот говорю, меня ведь всё-равно заметно, что я так говорю*

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Валентины Ивановны Брюхановой (Щёголевой) 1937 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

2. [– Как вы можете представить, кто такой сибиряк? – Собир.].

– *Сильный, смелый, здоровый, весёлый, добродушный, работающий.*

[– Здоровый – это в вашем представлении какой? – Собир.].

– *Это по здоровью просто, по здоровью. Сибиряк крепкого сложения и должен быть вообще-то. Потому как он где живёт.*

[– В Читинской области живут сибиряки или нет? – Собир.].

– *Нет, там не сибиряки. Красноярский край, Иркутская область, где-нибудь вот эти. В Чите я два года жила, после института. Там не сибиряки. Они какие-то не русские восточники какие-то. Там совсем другой уклад. Видите, там шахтёрский посёлок я жила, там совсем другой уклад жизни. Но я жила в ту пору, когда там жили очень бедно люди ещё. Я по переписи работала, по квартирам ходили. Многодетная семья, там даже постелей нет. Спят на голых кроватях. Пальто там чё-то такое есть. Бедно люди жили в ту пору.*

[– Сибиряки, которые живут на Енисее и других реках, чем-то отличаются друг от друга? – Собир.]

– Ну опять же это, у всех уклад жизни другой, по-разному все живут. Все приспособлены к месту жительства.

[– Ангарцы не отличаются от других сибиряков? – Собир.]

– Ну в общем-то, как они могут отличаться... сибиряки и сибиряки. Сейчас Ангары сказать нет, вот теперь там другие люди живут. Сейчас уже строй другой, всё другое. Жили в основном рыбой, рекой, река и лес – и всё. А щас рыбу и ту запрещают. Уже не говоря про Ангару, которой нет. И на Север людям ловить рыбу, они живут только рыбой.

[– В толпе Вы бы узнали сибиряка? – Собир.]

– Ну не знаю, но всё-равно видно. Вот начнёт говорить, и его сразу видно, что он не сибиряк. Говор у всех разный и манеры опять же, всё другое. Всё-равно, сибиряк есть сибиряк.

[– Как Вы думаете, держится на сибиряках Россия? – Собир.]

– Конечно, держится. Держится, потому что Красноярский край – тут всё. Не было бы Красноярского края, совсем людей тут работающих, этого бы не было в России, что тут есть. Только это не так теперь уважают, относятся к сибирякам уже не так, как положено.

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) // Из архива автора

3. Сибиряки – это русские старожилы, это люди, это поморы, которые осваивали новые земли, новые земли, чтобы жить, чтобы передавать своим детям, внукам то, что они делали, то, что они создавали. Наделись, что сохранится это надолго, на века, но вот, к сожалению, как показывает практика, ничего не бывает вечно под луной. Поэтому вот так. Очень жаль, конечно, очень жаль, потому что люди, которые жили в наших деревнях, они были волевые, сильные, жизнелюбивые, стойкие, вот весёлые. Вот настолько они были... Вот отличались, у нас мама всегда говорила: «Мы жили бедненько, но дружененько». Надо работать, работали просто на издохе, а если уж веселились, собирались и пели, и плясали, просто тоже от души. Всё, что ни делали наши родители, наши бабушки, дедушки, прабабушки, они делали это с удовольствием, выкладывались вот просто до конца. В любом случае, хоть это было на работе, хоть это было и на веселье, хоть что-то они делали, создавали. Т.е. они делали добросовестно, ну, для себя, жили для себя, для своих детей. Даже по-другому это и не рассматривалось в принципе.

[– Настоящие сибиряки живут в деревнях или в городе тоже, например, в Красноярске? – Собир].

– Ну, в Красноярске есть тоже. Вот я рождённая на Ангаре, я коренная ангарка, мои родители, прабабушки, бабушки, т.е. это несколько поколений, т.е. я думаю, что это... Деревня Рожково наша, это были первые люди – Рожковы, у меня бабушка фамилия Рожкова. Это были первые люди, вот эти обжидали деревни. Ну, я вынуждена, я выучилась, приехала на практику в Красноярск, познакомилась с мужем, и он здесь работал, он здесь отработывал. Раньше же три года отработать должен был. Всё, я здесь пустила корни и по-другому уже...

[– Заметили какие-то отличия сибиряков, которые живут на Ангаре и в Красноярске? – Собир.]

– Те, которые как бы родились здесь, они конечно отличаются. Ну, наверное, мировоззрением каким-то, какими-то мыслями. Я думаю, что да, потому что они уже живут в среде городской. И, соответственно, и мыслят и ориентируются в этой городской среде. Город влияет. Вот, мои дети, например, они каждое лето уезжали в деревню, каждое лето, ну, мы тоже в деревню, потому что я, например, так получилось, что училась в другой деревне, не там где родилась. Я жила в интернате, жила в Проспихино в интернате, потом переехали родители в Проспихино. Ну, и это было до 17 лет. В 17 лет я уехала учиться, ну, потом вот так. Но я каждый год и каждые каникулы я никуда не ехала, я ехала домой. Мне страшно хотелось домой, потому что видимо нехватка, от того что я жила не рядом. Я никуда не ездила. У меня подруга была, говорит: «Поехали, что ты едешь в свою деревню». Я не могла. Если я каникулы не могла ехать, я не могла этого вынести, т.е. меня тянуло. И мы с мужем, он с Тамбовской области, я отсюда, и мы один год едем к его родителям, а потом следующий год едем к моим родителям. Вот и вся была наша, так сказать, все наши отпуска мы проводили таким образом. Потому что нас тянуло в эти деревни, в эти наши просторы ангарские, в нашу красоту. На реку, которую, она давала нам столько эмоций, и даже не тогда, когда она тихая, а даже когда она... такое течение. В любом состоянии, в любую погоду она была... Всё дорого было, вот просто приезжаешь и наслаждаешься, наслаждаешься вот этой природой. Конечно, жизнь она, есть профессия, она обязывает, какие-то обстоятельства жизненные. Вот как я говорю, что всё я пустила корни и куда я. Никуда, и я живу. Но я не могла себя видеть вне вот этих корней, наших, ангарских, я не видела себя. Я каждый год ездила.

[– Ангарцы – это сибиряки?– Собир.]

– Они сибиряки, но они, они какие-то другие. Молённый народ, потому что, вот, на мой взгляд, во-первых, они добрые, они хлебосольные, но, если их вот задеть и если к ним отнестись несправедливо, они конечно всё, этих людей они воспринимают по-другому. Вообще душа у них открытая, добрая к тем людям, к

тем поступкам, которые осуществляют простые люди в обычной жизни. Но, если тебя кто подставил или обидел, конечно, не смолчит

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (д. Рожково*) Альбины Николаевны Атаевой 1953 г.р. // Из архива автора

4. [– Что можете рассказать про кежмарей, своих односельчан? Какие это были люди? – Собир.]

– *Ну, значит, у нас были определённые черты, которые отличали от другого, потому что всё-таки такое деление – свои-чужие, оно существовало. Т.е. существовало ещё такое деление – родственник-не родственник.*

[– А кто был своим? – Собир.]

– *Своими... мы друг друга узнаём по фамилиям. Отсюда всё начинается и всегда знаешь, чей это родственник. Вот у них как бы, вот, ну такое, как это, корпоративность она всё-таки была. Потом, например, кежмари никогда не скажут, что он рыбачил и хорошо добыл. Никогда не скажет, где он рыбачил. Вот это утаивается и утаивается тоже как бы вот в своём кругу. Т.е. у меня отец от своего брата никогда никаких секретов не имел, таких никогда не бывало. Но а уже соседу, ну, не сказать.*

[– А чужими кто были? – Собир.]

– *А чужими, так называемые приезжие. Ну, это обычно были узкие специалисты: лётчики там, врачи те же. И они как бы, они уже воспринимались как чужие, но не враги, не надо так думать. Не в таком плане чужие. Ну, они как бы чужие, вот, но это не значит, что с ними нельзя было дружить.*

[– Чужие могли своими стать? – Собир.]

– *Запросто. Если только становилось какое-то личное общение, то он свой. Нет, людей принимали. Не было такого... Ну, всё-равно корпоративность какая-то существовала, что мы – это мы. Понимание, что мы отдельно и мы самостоятельно, оно было.*

[– Кто такие сибиряки, на ваш взгляд? – Собир.]

– *Я думаю, что это другие люди, которые живут с той стороны Урала.*

[– Кежмари, ангарцы от сибиряков отличаются? – Собир.]

– *Мне трудно сказать, я же не занимался этим вопросом, не изучал его. Я думаю, что какие-то отличия есть, но насколько они глобальные, не знаю.*

[– Сибиряки, которые живут в Красноярске и на Ангаре – отличаются? – Собир.]

– *Красноярск – это сити. Это уже всё. Это уже космополитизм.*

[– Вы бы узнали сибиряка из толпы? – Собир.]

– *Если бы в Европейской части, наверное, я узнал бы. По поведению. Всё-таки как бы ни было, вот эта корпоративность, а когда человек оказывается,*

ну, сибиряк, среди людей, он считает, что все к нему настроены дружелюбно. Вот эта черта она есть, с одной стороны, не сказать, где рыбачил, а, с другой стороны, надежда на человека который рядом. Вот это у сибиряков есть, что поможет, подскажет. Поэтому, это больше для старшего поколения характерно, что могут подойти к незнакомому человеку и спросить какие-то такие вещи, в надежде, что получит ответ.

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) Юрия Андреевича Косолапова 1961 г.р. // Из архива автора

5. [– Как вы можете описать своих односельчан, тех, кто жил в деревне Аксёново? – Собир.]

– Это очень, очень добрые люди, очень добрые люди по характеру, по натуре, по поведению, по трудолюбию. У нас очень дружная эта... деревня. Вы знаете, я вот даже не припомню случая, чтобы кто-то с кем-то ругался. Понимаете?

Вот у меня у родителей была золотая свадьба, у нас гуляла вся деревня. Все родственники приезжали. И всегда так гуляли у нас. Вот, например, у меня если гулянка, у меня гости – вся деревня гуляет. У вас гости – вся деревня у вас гуляет. Дружные. У нас никаких ни скандалов, ничего не было.

Семьи все многодетные, очень много у всех детей: четыре, пять, шесть, семь, восемь. Я в семье была восьмая, послевоенная. 27 июля я родилась, 46 года. Ну жили как, как... богатства не было у людей. Жили скромно, и на жизнь, на бытё мы все зарабатывали это трудом. Учились мы в Кежме, 30 километров от Аксёново. Приезжаем на зимние каникулы и приезжаем на летние каникулы, которые три месяца были. Мы с первого дня трудимся у родителей в доме и трудимся в колхозе. Вначале мы это, убираем эти поля, луга, всё, потом на сенокосе работаем. И картошку копали, и турнепс убирали – всё это мы делали. Всё это мы делали с уважением, с любовью. Это просто вообще, из всех были вот дружные. И мы всё лето работали. Нам это всё было в радость.

[– На Ваш взгляд, кто такие сибиряки? – Собир].

– Ну это, они кержаки такие, это они были сосланы у нас какие-то люди. Мама вот у меня 904 года рождения, а папа с 5 года рождения. Папа родился именно вот в этой деревне, а мама в Мозговой.

[– Кто такие кержаки? – Собир.]

– Ну, кержаки, они, знаете, такие, что я понимаю, это... трудолюбивые, во-первых, потом сплочённые какие-то, дружные, не скандальные вот эти вот. Ну, такие вот, так скажем.

[– Как бы вы описали, охарактеризовали сибиряков? – Собир.]

– Сибиряки – все очень прекрасные люди, очень прекрасные.

[– Ангарцы и сибиряки – это одни и те же люди? – Собир.]

– Ну, у них чё-то всё вместе, сплочённое. Очень у нас дружные, поэтому вот это подпитывает нас, а мы, деревня вот это вот наша, мы очень дружные, вообще. У кого боли у нас или что-то, мы все-все-все раз быстренько-быстренько по телефончику туда-сюда приехали. Очень дружно

Записано в г. Красноярске в 2019 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (д. Аксёново*) Любви Ивановны Лапиной (Дмитриевой) 1946 г.р. // Из архива автора

б. Это... честно говоря, ни разу не была и очень, просто даже не желаю, а уже мечтаю. Просто очень сложно выбраться, хотя была в Мотыгино ни раз, где жили очень долгое время мои дедушка с бабулечкой мои, да, Алексей Карпович Скурихин, это чисто ангарская фамилия. Я знаю точно, что у нас на Ангаре очень много родни и благодаря деду, он прожил 90 лет, 91 почти, очень много родни, потому что я его всё время вот тормошила, я говорю: «Дедулечка, сообщай, потому что корни уходят». Наши деды, отцы, бабушки. Мы, если ничего не знаем, то это всё уходит в небытие. Поэтому я его вот. Старенький уже, хотя он отжимался 20 раз, играл на балалайке чудесно. Ангарские песни, я помню, бабушка с дедом, вот они дуэтом всегда садились.

[– Кто такие ангарцы? – Собир.]

– У людей свой, потому что однозначно это немножко оторванные люди всё-равно от цивилизации. Это большая привязанность к хозяйству, к собакам, к каким-то этим, не знаю, охота, рыбалка.

[– Какие они – ангарцы? – Собир.]

– Вы знаете, ну, судя, я кардинально не могу судить. Чисто вот по моим родственникам. Ну, я бы не сказала, что они чем-то отличаются от обыкновенного человека, более скрупулёзные, может быть. Более, может быть даже ответственные за дело. Может быть, более сопереживающие за кого-то. Т.е., ну вот такие моменты.

[– А сибиряки для Вас кто такие? – Собир.]

– Сибиряки, ну, мы привыкли воспринимать самих, хотя мы сами сибиряки, что мы разухабистые, мы такие открытые, мы выпивохи, горлопаны, очень принимающие людей, в душе немного простоватые. На самом деле, наверно, какая-то в этом толика есть, но это всё более как-то приглушённо мне кажется.

[– А если сравнить ангарцев и сибиряков? – Собир.]

– А ангарцы не сибиряки? Я думаю, что это одно и то же. Такого разделения кардинального я не вижу. Может быть, какая-то приземистость больше у ангарцев.

[– Вы бы узнали сибиряка в толпе? – Собир.]

– Я думаю, что, наверное, да. Я людей вообще очень чувствую. Люди-сибиряки – они... у них глаз ярче, у них лицо какое-то наверно светлее. Меньше, наверно, вот этих вот... Москвичи они какие-то вот такие все. Были мы в Норильске – они все серые, просто серые люди. Безликие люди совершенно. Сразу можно сказать – это оттуда с Северов. И питерцев можно узнать – это сто процентов, они совсем другие. Ну, т.е. вот, а сибиряк, он... душа всё-таки, никуда не денешься. Все говорят, что всё-таки душой самый чистый – это сибиряк

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) // Из архива автора

7. [– Как Вы можете описать сибиряков? – Собир.]

– Во-первых, это нация. Вот как ни крути, а сибиряки – это нация. Вот я приведу вам один маленький пример. У меня был один знакомый, крымский татарин, который прошёл всё: Крым, работал в Крыму, работал в Москве, и вдруг он познакомился с сибирячкой, приехал сюда, здесь жил. И он сказал мне, уезжая обратно в Крым, потому что жене дали, когда Крым стал нашим, она тренер по гимнастике, её по распределению туда, и он поехал. Он не хотел отсюда уезжать. Он говорил: «Николай (а мы с ним одного года), гордись, что ты, – говорит, – сибиряк. Что в Крыму, – говорит, – что в Москве, люди уже... там уже загнивает всё. А здесь, здесь, – говорит, – самые настоящие люди». И говорит: «Сын у меня родился здесь. И он у меня щас сибиряк».

Мы с ним созваниваемся оттуда, он живёт в Севастополе, вот будет там празднование Дня победы, приглашает. У меня в честь освобождения Севастополя песня есть написанная. Он обалдел, когда я пропел ему.

Так что я считаю, что человек со стороны – ему виднее, что вот так в самом деле нация. А ведь в Сибири, когда наши предки жили, мой дед всегда говорил: «У них, паря, там в Россее круговня идёт. У нас-то тут в Сибири всё нормально, тихо и спокойно». Всё, вся муть, мол, оттудова. Так что сибиряки – это, во-первых, чистота.

Видите, Ангара – она, как масляная, как называли, и люди такие же были спокойные, рассудительные, сильные были, ходили на медведя с пальмой, ничего не боялись, на реке ничего не боялись.

[– Узнали бы сибиряка в толпе? – Собир.]

– Сибиряка... ну, по разговору я бы узнал. По говору узнал бы сразу. Я был в Енисейске на праздновании, и сел рядом, мне самому уже 60 лет, а сел рядом, может лет 70 с небольшим, мужчина. И сын ему звонит: «Ты где?». А рядом телефон, я слышу: «Ты где? Мне надо тебя найти, увезти». Он говорит: «Я ещё прытко бегаю с бадашкой». Я ему говорю: «Вы не ангарец, случаем?». – «Нет, у меня предки поморы». Я говорю: «А я чувствую, что поморы». Он: «А у тебя?». –

«А у меня тоже поморы». И начали, и как зацепились языками, пока сын не забрал, мы сидели. Я сразу понял, что это не приезжий, а это наши.

[– Ангарцы и сибиряки разные люди? – Собир.]

– Ангарцы – сибиряки. Вот, допустим, я маленький пример вам приведу: приезжает человек, лет 50 тому назад, и я приехал в деревню в эту, и он разговаривает: «Ну, ты, паря, к кому прибыл?». – «Я приехал к Оськиным сюда вот». – «А Оськин-то хороший мужик». А это немец, в 42 году, когда ссылали сюда, он немец уже обангарился. Ну, невозможно жить в общине и оставаться немцем. Да, он остаётся немцем, чё говорить, в нём есть этот корень немецкий, но он уже сибиряк.

[– А что нужно делать, чтобы стать своим, сибиряком? – Собир.]

– Сибиряком, во-первых, наши предки, они долго присматривались. Я вот приведу маленький пример: когда в 42 году пригнали, как дед говорил, немцев, долго к ним присматривались. А когда увидели, что это работающие, вот я за другие деревни не могу считать, за Пашино и за Простихино, что их сразу приняли к себе. Это настоящие, работающие мужики по работоспособности, по порядочности считай, что принимали.

У меня вот у бабушки был случай такой: сидит он, приезжает он на самолёты, а на самолётах пробочки сбитые. А пробочки почему сбитые? Значит, рыба была и кто-то снял. Ну, он говорит: «Раз пригрёб», а тогда моторов не было, рыба снята, ну, второй раз снята. «Ну, я кружок сделал, на нижней части Пашинского острова сижу по туманчику, – говорит, – кто-то грибёт. Подгрибает, за наплавь-то хватить – кум. А он-то как увидел, что у меня на рогатине ружьё, взмолился: Михаил, не убивай, ради Христа!». «Я, – говорит, – всё брошу и уеду». И вот быть опозоренным перед народом, перед деревней – это считалось последним. Я вот говорю, вырезали аппендицит, а вместе с ним и стыд, как говорят. А тут, и он собрался с семьёй, сколько они жили, может сотню лет, и уехали от позора подальше. Вот на порядочности всё, на справедливости в то время было, честно говоря, до 30-х советской власти-то такой не было, они жили своей самобытной жизнью тогда. Вот такие устои были. Я считаю, что вот эта сила выживать, очень как в жестоких зимних условиях, такого, 50 градусов, как дед говорил, это как бы регулярно. Жили прекрасно, жили хорошо. Была умеренная, распределённая жизнь. Но работали много, что говорить. И на медведя ходили, и за сохатым ходили.

«Что главное? – дед мне говорил». Я говорю: «А чё главное?». Мы пацанами были, чё нам, чтоб покушать хорошо. «Волюшка, родной, волюшка. Слаще-то волюшки ничего в жизни нет, запомни, – говорит, – мои слова».

Записано в г. Красноярске 2019 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Простихино*) Николая Васильевича Попова 1959 г.р. в // Из архива автора

Устные рассказы и интервью об «ангарцах»

1. *Большой остров. Вниз. Там и косили, и хлеб сеяли. Там и избы наставлены были. Всё было <...>. На одном острове, вот остров-то Сосновик, там с телятами жили. Да, на Сосновике. На откормку. И всё лето там, с людьми. Там жили, там избы. Там и жили эти люди <...>. Там у каждой доярки было пятнадцать, шестнадцать коров, восемнадцать, у каждой доярки. Жили хорошо.*

Записано в с. Фролово Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Прасковьи Ивановны Зарубиной 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. С. 75–76.

2. [– А кто такие мокчёны? – Собир.].

– *Кежмари. Мокчёны – кежмари, а здесь челдоны.*

[– Чем мокчёны от челдонов отличаются? – Собир.].

– *Эти на Чадобце живут, а другие приангарцы.*

[– Получается, что кежмари – это мокчёны? Вы-то тоже Кежемский район. – Собир.].

– *У нас Богучанский раньше был, Кежемский вот район, скоко? Лет двадцать. И то по тем годам, я ж раньше в Богучанах жил. Райком вот эти в Кежемском районе, чтоб партию содержать, не хватало коммунистов, вот этих и перевели к ним, вот это Яркино, шесть или семь посёлков, чтобы райком сохранился, общественность коммунистов.*

Здесь даже вот тайга сохранилась, как Богучанского района. Мы на охоту идём, в Богучанском районе лицензии берём всё. Лес, тайга сохранились в Богучанском районе, а адрес Кежемский.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 2018 году Фельде О.В. от Олега Анатольевича Колпакова 1954 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

3. *А счас-то пошто-то никто ничего не боится, Бога-то не боится, греховой народ. А раньше-то кругом народ жил, боговеруший был <...>. Вот с Бирюсы через хребёт в Чуну, в Хаю выходили. Из Хаи, значит, это федински там, плахински идут сюда. И почетски ходили. И вот собираются хайски, две деревни пошло. До Чунояра дошли – Чунояр третья деревня. Потом в Кадарею пришли – пята деревня, уже куча идёт. С Кадареи до Кондратьевой дошли – шеста деревня. А потом уж только Петропавловка, седьмой <...>. Каждая деревня*

своя группа. Все старухи, которы молитвы знают, молятся <...>. А счас народ-то пустой стал, Бога-то потерял.

Записано в с. Чунояр Богучанского района Красноярского края в 2006 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ведения Михайловича Рукосуева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. С. 131–132.

4. [– Каким должен быть настоящий ангарец? – Собир.].

– Как у меня отец был. Охотник – раз, рыбак – два и сельским хозяйством – это три. Ну, а уж семьянин – это уж семьянин. Чтобы он когда-то на маму голос повысил – никогда.

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Анатолия Алексеевича Соседова 1946 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

5. [– По вашему мнению, ангарец – это какой человек? – Собир.].

– Ну, какой, мягкий, наверное. Да. Ну, в Кежме я не знаю. У нас дома-то рядом стояли. Никто не ссорился. Жили нормально. Здесь тоже, мы-то уже двадцать с лишним лет с ними живём, ни разу, чтобы там поспорились или что ли.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 2018 году Фельде О.В. от Михаила Елизарьевича Лушников 1929 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

6. А мы когда сюда (вот дома там, в Ирбе раньше-то), а мы когда сюда приехали, поехали за ягодами, и покойник Андрей, этот дед-то мой, у нас машина своя была. Ну и поехали... Дружно жили тогда, ешио те года дружно. И нас пять машин собралось и поехали за ягодами, за черникой.

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Дмитриевны Брюхановой 1907 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. С. 386.

7. *Уже церкви у нас не было, а всё рамно народ-то с верой жил. А я родилась, а тётка, дядькина жена, тятиня уже брата как (он был не совсем родной), теперь она говорит:*

– Крестить, – маме-то моей говорит, – крестить надо Нинку-то.

А она говорит:

– Дак а где мы? Как крестить-то будем? <...>.

И привезли с этой Рябиновой деревни батюшку, к нам в деревню в Средню. А у нас учитель жил на квартире, Павел Иванович, с женой жили, у мамы жили оне на постое. И этого учителя кумом поставили. А крёстная-то, дядина жена, она шибко боголюбная была, она кумой. И вот не меня-то, батышка крестил, в шайку макал, крестил, маленька была, чё, шести месяцев меня крестили. Покрестили и началось! Узнали эта советская власть, что крестятся у Кудрихи, ага, народ крестится, и взяли в стенгазету в сельсовете нарисовали эту мою тётку, мою крёстну, и батюшку, и учителя. А потом этого учителя сбросили со школы.

Записано в п. Первомайский Мотыгинского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Петровны Рудик 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С.163–164.

8. У нас народ дружный был, сильно-то таких не было резвивых. Вот дрова заготовливать ли чё ли, друг другу помогали <...>. Гуляли вот, в празднички гуляли там или вот гости, дак всёй деревней гуляли. А гуляли тоже: вот за день могут три-четыре дома обойти. Вот я гостей привела, ну и вас всех там пригласила, других, ага. Вот не успели ешио посидеть, примерно, ты уже:

– Всё-всё-всё! Подёмте! Подёмте ко мне! Подёмте ко мне.

И вот так: у той маленько, у той маленько, у другой маленько – и день прошёл.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Мизайловны Игнатовой 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 465–466.

9. Народ-то раньше же веровал. Кругом церкви были, по всёй Ангаре, на матере, на островах. В Кате была церков, на угоре стояла, большая была, деревянная. В Усольцевой церква, на острове стояла, хорошая была, тоже не угоре стояла. В Селенгиной церква была. Нету счас. Также на угоре стояла. У нас в Недокуре церква была деревянная. Кумпол спилили у неё. Ну, а там больницу сделали.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Афанасии Филипповны Верхотуровой 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 230.

10. Нас четырнадцать детей было. Парамы рожались, двойнишные были, двое. Я двойнишная. Двое двойнишных у нас у мамы было.

[– Как жили-то вот семья-то мамы, папы? – Собир.]

Ой, бедно жили, бедно! Отец у меня работал как конь. Он работал на мельнице. Хлеб молот в колхоз. Ну, приворавывал, видно, кормил семью. Ну, а мама домохозяйка. Держали скота, коней. Было всё загорожено. Такие были сараи, такие поднавесы <...>. Всё это в руках, руками было сделано. Подумайте только! Я говорю, никакой техники не было, всё руками. Пилили, и тёс пилили, и плахи пилили, и брёвна возили. Возили, значит, дрова, дровами топили печки, железку эту. Пилили вот так. Вот так и жили, маялись. Тяжёлая жизнь у ангарцев.

Записано в с. Косой Бык Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Таисии Михайловны Поповой 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 164.

11. *А в войну у нас весь народ, кто помоложе, взяли. Выбили деревни, похоронки пришли. Инвалидов сделали вот целый колхоз, им хуже стало жить, потому что работать некому. А там привольно жить можно было, хорошо, во Дворце. Но тут тоже.*

[– Народ дружный был. – Слуш.]

Свой же, ангарский народ был, приезжих никого не было. Луга и вода рядом. Лучшие места не найти. А сейчас под бульдозер. И вот сейчас, я считаю, враги. Строили, сейчас вот посмотри, строили вот каменный магазин у нас, кирпичный. Для кого строили?

[– В Ново-Балтурино, да? – Собир.]

В Ново-Балтурино. Для кого строили? Для нас. А сейчас там коровы ходят в нём. Не достроили, трубы были проведёны, всё. Из домов сколько... Сейчас разворачивают всё. Вот сейчас вредительство. Воруют, разворовали всё. Скоко мы жили, прожили, сельсоветы не горели в Балтурино.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Константина Ивановича Карнаева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 172.

12. *А я в кладовке лежала, спала, у меня иконки две, старички они. Я увидела во сне, оне ко мне пришли. Ой, думаю, я хоть увидела, Бог ко мне приходил. И потом вот после того – ой, ешиш бы хоть увидеть! Всё в глазах оне.*

[– Хорошо же вам, Мария Меркурьевна, было, что они пришли, ага же? – Слуш.]

Да-да, родёма! Шибко рада была, сердцу легче было.

[– Святые были на иконке. – Собир.]

Да. Раньше как-то все держался Господа, а сейчас-то пошто-то всё упустили.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Меркурьевны Коваленко 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 386.

13. [— Хивонея Павловна, мы вот вчера были в Недокурах... – Собир.].

Да в Недокурах, паря, там уж никого нету, там, нако, почти все уж повымерли (...).

[— А вы когда в Алёшкиной жили, вы с недокурскими же дружили... – Собир.].

Но. Мы дружили, ездили туда, на этот на Долгой лук рвать, там у них дикий лук растёт. Вот там ешио и ездили, нарвём луку и оттудова отпустимся, по Ангаре несёт, лук чистим и песни поём, и всё идёт в рот. Дикого луку привязём целый куль, нарежем его, посолим, вот и...

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Хивонеи Павловны Сизых 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 98.

14. *Моя мама работала – она всю жизнь у нас доярила. Токо отзарит, они обратно едут. Они подоили коров, молоко сдали и сразу едут на сенокос. Без перерыва работали. Сенокос вот они отработали, они обратно на дойку. Это, считай, что у них восемнадцать часов рабочий день был или больше. Вот так жили <...>. Это не только мама, это все так работали. Народ же трудолюбивый был. И были такие честные, добрые. Вот они никогда друг друга не оставляли в беде. Если у меня беда, значит, идут уже помогать все. Сейчас такого народа уже нет.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Ивановны Тримарёвой 1941 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 373.

15. *Раньше дружественная деревня была. Народ был дружественный. Какие Люди были?! <...>. Все люди дружественные были, добрые, помогали друг дружке.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Пеньковой 1940 г.р. //

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 72.

16. *Всё вместе вот как-то. Все вместе помогали друг другу. Дружливый был народ у нас. Бяда-то у одной, а нам-то всё равно надо чё-то делать всё. Бяда ей, и нам бяда. По старинке всё, как оно шло, так оно до сих пор идёт, всё это место. В городе там по-другому.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Пеньковой 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 80–81.

17. *А жили, а жили дружнее, чем сейчас. Помогали, друг другу помогали. Всё это, жили дружнее. Делились. А сейчас, сейчас эта молодёжь, она запилась. Боишься: того гляди, убьют придут! Я ведь боюсь, сейчас один живу – боюсь.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Пеньковой 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 184.

18. *У нас народ-то гостеприимный здесь. Дедушка-то наши всё, кто если ф зайдёт, он угощают:*

– Ешь, паря, едой силу не вымоташь.

Любил угощать. Всех примал.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Пеньковой 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 280.

19. *Видите, они всё, ангарцы, всё торопились. И было такое слово: ездой бежать.*

– Ну, ты уж ездой не бегай, ты так успеешь.

На рыбалку пошёл – сбегаю, на охоту сбегаю, за грибами сбегаю. Вот такое слово, сбегаю, было очень выразительно для ангарцев. Всё надо было успеть, всё надо было в какие-то сроки уложиться, чтобы там не опоздать и тут не проквасить, там не обробеть, ну, не опоздать.

– Мы не обробели, вот как раз приехали, вот заматали, вот как раз то, что надо, получилось.

Чтоб не обробеть и вовремя сбежать. Вот такие были у ангарцев слова (...).

Пьяниц я не помню, чтоб были пьяницы в деревне. Я не помню, какие были пьяницы. Видно, все работали, поэтому не спивались. Всё ездой бегали, всё быстрее. На охоту сбегая, на рыбалку не съезжу, а сбегая, за ягодой сбегая, потому что нужно было в какой-то срок уложиться, и все хозяйственные дела, всё к срокам же приурочено, надо было всё сделать. Вот так вот всё. Ангарцы все ездой бегали. У них чирки были, они лёгкие. У мужиков были ичиги или бродни. Чё не бегать-то? Попробуй-ка ты на этих на каблуках-то побегай вдоль – далеко убежишь?!

[– Нужно идти и спинку держать, вы говорите, медленно идти. – Собир.]

Конечно, а они все бегали. Они все бегали.

[– Вот Евгения Александровна-то и сказала, что ленивые не приживались в деревне. – Собир.]

Не приживались. Ленивых не было в деревне. Они или умирали, или куда-то исчезали.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Пеньковой 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 320.

20. *От Заимки до Алёшкино двадцать два километра.*

[– Дружно жили с алёшкинскими? – Собир.]

Ну, дружно с заимскими жили. Я кода семь классов кончил, ну и сломал ногу. Два с половиной месяца проболел, а потом уже стыдно второй год... да и родителям-то тяжеловато – пошёл работать в колхоз. И вот я возил почту с Заимки до Алёшкиной на лошадке. С Кежмы привезут почту до Заимки, а с Заимки на лошадке везу в Алёшкино. В Алёшкино забираю почту и везу опять в Заимку. И дождь, и слякоть, а ехать-то нады. Кто на телеге, зимой на санях. На санках да на лошадках. В тулуп завернёшься, не тулуп, а тогда доха была из собачины (из собак сошита, со шкур), завернёшься и едешь помаленьку.

Записано в с. Недокура Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Николая Ивановича Заборцева 1941 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2015. Т.17. С. 59.

21. *А за воровство на позорный угол ставили, за проступок какой-нибудь, чё-то утаишил. Я говорю: раньше народ не баловливый был, слушались; староста сказал – всё, должен сделать.*

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Александра Трофимовича Брюханова 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 58.

22. *Мы по затоплению попали в Кежму. И первое время, как сюды приехали, скучали и тосковали и по Аксёновой, и по народу. И всё нам было не так, и всё нам было не этак, и всё, и народ не такой, и никоо не такой! Вот не приглянулась нам Кежма, не глянулась <...>. Но у меня там ребята все выросли, и до сей поры все вспоминают с благодарностью Аксёново, аксёновских. Вот Ольга – так она у меня мокчёнка.*

[– ... А почему мокчёнка? – Собир.].

А у нас народ так называют, мокчёны: называли этих, всех кежмарей-то вот, на Ангаре-то, вот этих вот верхних-то, все кежмари. Вот они все мокчёны.

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Раисы Алексеевны Чудаковой 1948 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 457–458.

23. *Раньше народ-то намного дружнее жили. Жили люди в бедноте, а вот подходит Троица:*

– *Ой, но от чё мы будем в Троицу-то ись-то?*

Нечего было ись, у моёй мамы было семь ребятишек.

– *Ой, мы чё будем ись-то?*

Ись-то нечего было, мы впроголодне жили.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1992 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Васильевны Гафнер 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 371.

24. – *Прибьгайте, уха уже готова!*

Уже всё уха. Не копили никоо. Тайменя свежина. Максы наморозим. Тазами! Тогда не уха была. Шарбу хлябали, шарбу! А стряпалися?! Пирог-то всяки настряпамся, всяку рыбу-то во всёх видах. Всё, стиот всё! Супов не варили. Это уд приехали, приехали, уже когда вот приехали, открылися химлясхозы, вот и привязли уже с Россеи-то, с Украины вот эти боршиши-то. А местное население у них никоо, вот этих супишек никоо не было. Никоо, никоо! Не варили, не варили!

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2011 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Раисы Алексеевны Чудаковой 1948 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 243.

25. *Раньше тоже народ всякий был. И которы вороватеньки были, ничё нельзя оставить. А старики за воровство били.*

Записано в с. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Александры Петровны Страшниковой 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 243.

26. *Раньше были неграмотны. Счас все грамотны стали. Добрее люди были. Вот пятерых вырасти и иди в больницу, живи. Раньше родители... У меня тоже и сын тут с семьёй, и внучка с семьёй, и дочь с семьёй <...>. Счас у нас миру нет никакого. Не то что с соседям, у нас в родной семье миру нету. Это ужась! Вот это и пришло, Господа не соблюдам, Господь милостивый от нас отступился, и валите чё хотите, ходите, какой хотите дорогой.*

А Бог всё равно есть. Вот я даже теперь по себе пошитаю, что Бог всё равно есть

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ольги Петровны Соседовой 1917 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 256

27. *Вытаишат рыбы невод. Иногда много вытаскивали. О-о-о! Целу лодку накладут. Ну, дак её вытаишить нельзя. Она накопится много. А чё, руками тянут, там то порвали, то ешио чё-нидь, невод этот. Ну, ладно, вытаишили, начинают делить рыбу. Надо ж её разделить. Спорят <...>. Ну, народишко-то дружный был, шибко-то не ругались. Так маленько покричат и перестанут.*

Записано в д. Машуковка Мотыгинского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Петровича Михалёва 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 69.

28. *Раньше народ-то знающый был. Раньше сильно знали волхитство, старики знали и старухи эти знали. Одне портили, а другие от порчи знали ешио больше.*

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Егора Ивановича Кокорина 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 150.

29. *Вот эти ГЭСы-то понастроили, и весь народ в разбросах, все поразъехались. Вот эти ГЭСы-то понастроили, и весь народ выкоренили отцэль.*

Фролово вся выкорененная, Усольцево, Селенгино, Мозговая, Кежма, Савино, Привалихина, Алёшкина, потом Заимка, Гусевка – все эти деревни кончили. Оне все на славе были! Все хорошие были, народ хороший был, работающий был!

Записано в с. Усольцево Кежемского района Красноярского края в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зои Михайловны Быковой 1951 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 120.

30. Вот мы возили, наш леспромхоз до полутора тысяч в сутки возил, потому что время-то короткое, морозы-то были хорошие, крепкие, поэтому предприятие работало. Ну, работали-то хорошо.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Петровича Михалёва 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 189.

31. Трудились все, все трудились. А сколько было скота? Колхоз, косили, гребли, вот сразу хлеб пололи весь, осоть весь вырывали, руки все были в занозах <...>. О-о-ой! Всё равно лучше сто раз была жизнь, чем сейчас. Люди какие-то были дружные. Такой ведь драки не было, как сейчас, не пороли, не резали, не убивали, не стреляли. Жили себе, все каждый каждого знал. Друг дружке помогали.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Тимофеевны Пономарёвой 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 209–210.

32. А раньше эти праздники! И так гуляли, и кумпаниями. Не то что теперь по зауголю <...>. Я помню, много людей сядут, несколько столов поставят, чтоб вся компания влезла <...>. Интересная жизнь была.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Тимофеевны Пономарёвой 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 300–301.

33. Ну, Колмаков-то он приисками заведовал, вот в Бодайбо. Сам пановский он. Потом был у нас селенгинский купец был Алексей. Но вот тот был не такой <...>. А этот хороший был <...>. Всё делал хорошее. И помогал дома строить, и скотиной помогал. Ну у него, вот его деревня, его, она не нуждалась. Так вот, в нищете чтоб вот.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Прокопьевны Афониной 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 397.

34. *Ну, шесть лодок, семь. Рядом ставят же! Это твоя, тут это. И не воровали никто. Друг у други не воровали. Так раньше и такого слова-то не было: воровать. Не было слова этого. Это нонче такое. Все мирны были.*

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Арины Дмитриевны Гуржей 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 328.

35. *А в апреле белёнка. Женски все таишут на Ангару холсты белить, пока еишо лёд. И коноплё белили. На морозе белили-то его, на холода бросали. На мороз положишь, на Ангару, на лёд его растянешь, он лежит на одной стороне, потом на вторую повернёшь. Он лежит-лежит там – белый-белый сделается! Всё из него выятенет там, водой да морозом выбелится. Весь берег, вся Ангара в холстах!*

Дак у нас всё было хорошо – никто не воровал никогда. Это сейчас нельзя оставить на ряке – утаишат. Счас вишь какой народ-то пошёл страшенный!

Записано в с. Алёшкино Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Хивонеи Павловны Сизых 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.3. С. 79.

36. *Вот мебели раньше никакой не было, постелёнка одна, а вся белым-бело! В избе половички через звяно белёхоньки, у старых-то людей, у них никоо, а всё устилено было, чистенько. Вот такой народ-то жил <...>. Старый-то народ был, старый-то, они же чистоплотные были.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Раисы Алексеевны Чудаковой 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.3. С. 85.

37. [– Как Вы думаете, ангарцы отличаются от остальных сибиряков? – Собир.]

– *Чем? Ангарцы и есть и сибиряки. Да, это одно и то же, одно и то же.*

[– А русские отличаются от ангарцев? – Собир.]

– *Почему русские? Так они русские и есть! Ангарцы все русские.*

[– Ангарцев же делят на верховских и низовских? – Собир.]

– Ну, это делятся поселения, а люди одинаковые. Поселения делятся, да. Ну, отличаются обычаи, отличается какой-то вот период жизни у них, у них вот так, вот тут так вот. Песни поют и то по-разному. Эти поют так, а эти поют так. Отличаются. Вот этим отличается. А так все всё равно сибиряки. И по характеру так же, и по характеру так же отличаются. Вы чё думаете, нет плохих людей? Везде есть, везде. Так же и тут.

[– Верховские говорят про низовских, а низовские про верховских, что они жадные, варнаки? – Собир.].

– Воо, вот это может быть! А так все, а так если что случись, всегда все дружат. Да.

[– Кого ангарцы считают своим, а кого чужим? Какой человек может считаться ангарцем? Тот, кто с рождения, или приезжие тоже? – Собир.].

– С рождения. А приезжих я ангарцами не считаю. Даже много лет прожил он, они будут его считать таким, что он вот тут у нас, среди нас живёт, нормальный мужик или там женщина. Но принять его к ангарцам всё равно не смогут.

[– А если у приезжего здесь дети родятся? – Собир.].

– А они уже будут ангарцы. Эти уже будут ангарцы (Бг.: Богучаны, 2017).

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Нины Дмитриевны Рукосуевой 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

38. [– А кого Вы ангарцами можете назвать? – Собир.].

– Ну, не знаю. Не каждый может называть, потому что у него корни от другого... этого... Поэтому не очень-то. Коренные – так конечно, все ангарцы. Где бы они потом не были, они всё ангарцами. Так у них идёт это. Труженики!

[– А ангарцем только русский может быть? Или, допустим, украинцы тоже ангарцами могут быть? – Собир.].

– Ну, у нас вроде все русские были тут сначала-то. Не было таких. Но, может, по другим-то посёлкам и были, не знаю. А у нас-то вот в деревне, у нас все были... Хохлами-то вроде никого не называли. Их раньше-то это, хохлами звали, украинцев-то. Это потом уж, вот я говорю, как стали в леспромхоз-то приезжать, вот тогда уже со всех этих, и всякие были. А у нас-то чё тут... Всё то, что было, то и есть. Какие были, такие есть. Поколение в поколение и шли. И они... Все были в деревне, вот.

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Людмилы Павловны Бортниковой 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

39. – *Мокчён – это тех деревенских называли, мокчёны. Самоеды да мокчёны. Тех, кто рыбу сырую ел. Сыроеды, мокчёны. Мясо там, струганину.*

[– А кого называли «верховскими» и «низовскими»? – Собир.]

– *Низовские – это вот те, кто ниже Богучан жил, а выше – это верховские. Там Кежемский район был, верховские – по течению, низово – ветер от туда дует всегда с запада, это, значит, низово дует. Верхово дует – это, когда с востока по течению.*

[– А отличаются чем-нибудь друг от друга «низовские» и «верховские»? – Собир.]

– *Говором маленько отличаются, но не совсем, а по характеру все одинаковые* (Бг.: Манзя, 2017).

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Александра Прокопьевича Безруких 1955 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

40. [– Чалдонами ангарцев называют? – Собир.]

– *Ну, это раньше называли, грит, вот чалдон ты вот. А черт и знает, я сам даже не знаю, почему так называли. Так называли: «Ай, ты чалдон ты там», или как он там, или что не русский он там был, или плохой русский, он ничё не понимает: «Ой, ты чалдон». Было то.*

[– А кержаками вас не называли? – Собир.]

– *Кержаками нет, нет, это нет. Это надо туда в верховья, там вот есть ангарцы, чисто русские ангарцы, там вот туда и на Богучаны туда, вот там действительно говоры. Богучанская ГЭС, там их много, они уехали же, и в Красноярске и везде, и в Лесосибирске, они в переселении, вот там вот они: Кежма, Богучаны, вот эти, вот там чисто ангарцы, да. А мы тут такие мы ангарцы.*

Записано в п. Бельск Мотыгинского района Красноярского края в 2016 году Фельде О.В. от Анатолия Яковлевича Петрова 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

41. [– Мокчёнами вас не называют? – Собир.]

– *Ну, это уже, знаешь, эти, наверное, приезжие называют. Вот тоже... сёгоды – это которы тут живут, оне их сёгоды называют повсяко. Просто издеваются. Кержаки – это где-то в лесах живут которы, не выезжают.*

[– Мокчёны и сёгоды – это не по-доброму звучит? – Собир.]

– *Ага, мокчёны и сёгоды – это приезжие... щас, отдам им молоко... приезжие, которые вот тут приехали, вот обзывают.*

[– Получается, вы коренная ангарка, а кого можно ангарцем назвать? Кто здесь родился, или кто приехал тоже ангарец? – Собир.]

– Кто приехал вряд ли ангарец, это если давно приехал... Вот думаю, кто родился и жил, живёт. И хоть уехал, он всё равно ангарец, если он здесь родился и жил.

[– Ангарцы отличаются от остальных сибиряков, например, от красноярцев или от людей из других регионов? – Собир.]

– Ну, я не знаю. Ну вот, например, у нас в Яркино, это самое, все гостеприимны: кто приедет в гости, обязательно пригласят, на улице не оставят. А как? Вот тут везде же разно: вот у нас в Яркино в основном Рукосуевы фамилия была, здесь и Брюхановы, в Богучанах, в Пинчуге Логиновы больше... Умерли же все уже, все умерли, у нас даже в Яркино уже все старые умерли, вот они бы вам рассказали больше... Геннадий Иванович Рукосуев с той стороны был, он яркинский. Он всё, всё время в леспромхозе проработал – вот тот настоящий ангарец. Он вон года три уже как умер... Он всё бы рассказал вам. А Людмила Павловна, вот, Бортникова, она тоже раньше там училась, в наших краях, в Чадобце, но она старше меня: она с сорокового года, я с сорок девятого. Ну, а потом у ней родители тут где-то жили, она сюда приехала работать... А моя родина там, кстати, щас это Кежемский район, как ГЭС построили, стали строить, там у них мала территория, под затопление пошло, а они вот эти наши Яркино, там, Заледеево, Климино – они всё в Кежемский район отдали. Они стали теперь Кежемский район.

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Лидии Кондратьевны Никушиной (Рукосуевой) 1949 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

42. [– Вы считаете себя ангарцем? – Собир.]

– Да, считаю коренным ангарцем.

[– А кто такой ангарец? – Собир.]

– Ну, есть различия, или коренной, что твои корни ушли глубоко, что пра-пра-пра все были на Ангаре, или ты приезжий, но ты здесь живёшь, всю жизнь прожил – тоже ангарец. Хоть не коренной, но уже ангарец будешь, если всю жизнь живёшь.

[– Что значит для вас «свой человек»? – Собир.]

– Свой человек... Ну, можно сказать, из одной деревни свой человек. Вот все деревенские отличаются тем, что, где бы мы ни были, если встречаемся – как близкие, и помогаем друг другу, и рады встрече всегда. Бывает, это связано родством, но, если просто земляк, из одной деревни, то тоже свой человек считается.

[– Ангарцы отличаются от жителей других регионов России? – Собир.]

– Да я бы ни сказал, что слишком чем-то отличаются, такие же, обыкновенные российские люди.

[– Почему ангарцев называют мокчёнами? – Собир.]

– Да вот появилось это название в советское время. Приезжали приезжие... У нас, если бывали они, удивлялись, почему мы пескарей не едим. А мы их называем мокчёнами, этих пескарей. Ну, ты что, мы будем есть этих пескарей?! Они с глистами бывают! Всё равно мы их брезгуем. Но мы их мокчёнами называем. Мокчёнов никогда не будем есть! Что хорошей рыбы не хватает что ли, мокчёнов будем есть? И вот все приезжие прозвали нас мокчёнами. Для ангарцев это обидно считается, всё равно. Ну, мы привыкли и смирились уже с этим званием, уже не обижаемся.

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Валентина Ивановича Брюханова 1954 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

43. Вот даже разговор у нас разный. Вот есть у нас деревня – Яркино. Они разговаривают протяжно: «Ты кудыы пошёл!». Ну, с протягой. Это самое, в Каменке, там совсем другое.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Августины Васильевны Зарубиной 1933 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

44. Ну, делятся поселения, а люди одинаковые. Поселения делятся, да. Ну, отличаются обычаи, отличается какой-то вот период жизни у них, у них вот так, вот тут так вот. Песни поют и то по-разному. Эти поют так, а эти поют так. Отличаются. Вот этим отличается.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Нины Дмитриевны Рукосуевой 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

45. [– «Верховские» и «низовские» чем-нибудь отличаются друг от друга? – Собир.]

– Я не знаю, чем отличаются. Может быть, говором отличаются

Записано в п. Таёжный Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Елены Николаевны Кайль (Скурихиной) 1972 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

46. Пять колхозов, доча, было по Кове. Народ хороший был, работающий. А потом в войну самых крепких мужиков выбрали. Они ранетые пришли, в

полмужика. Подымали колхозы. Они поумирали быстро. А молоды-то – кого там?! Стали уезжать.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Константина Ивановича Карнаева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.20. С. 293.

47. Вот нас в деревне называют чалдоны. Обычный, вот коренной, как я. Могут меня назвать чалдоном.

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Валентина Афанасьевича Мутовина 1930 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

48. Кежмари – верховские. Ну, низовские вот Богучаны, до Мотыгино и всё. Мотыгинский район, Богучанский район там же.

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Александра Прокопьевича Безруких 1955 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

49. Ну, наверное, Богучаны ещё – это низовские, наверное, Мотыгинский район, а там Кежемский, там верховские, наверное. Я так думаю.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Августины Васильевны Зарубиной 1933 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

50. Кежмари вот песнями отличались. Кежмари очень хорошо пели. Ну, и богучанцы, но кежмари как-то вот, это, сдавна, что все они хорошо поют.

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Валентина Афанасьевича Мутовина 1930 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

51. Мокчёны – это кежмарей так зовут, а почему – не знаю.

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Александра Прокопьевича Безруких 1955 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

52. Они же скромные <коренные ангарцы>, они не будут ведь так вот болтать – скажут, дак скажут, мат, да-к мат, как говорится.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Августины Васильевны Зарубиной 1933 г.р. // Электронный текстовый

53. *Ангарцы все там были... Вот по этой деревне <Пинчуга>, тут по Ангаре, они все такие дружные были.*

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Людмилы Павловны Бортниковой 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

54. *А кежмари – это мокчёны, ангарцы же. И работать могли, и гулять. Я помню, Троица была. И вот у нас в Кежме её все гуляли. Берёзки ставили на Троицу под окошко. Каждый хозяин, пойдут, а чё, тайга, глушь, лесу-то полно, и берёзок, и сосен, и всего. Вот пойдёт... у нас Вася парнем был, пойдёт, нарубит. А у нас так дом стоял, вот к этому дому поставит берёзку и к тому дому поставит. И лавочка у нас там была, такая длинная лавка, широкая. Вот приходи, садись на лавку, смотри на эти берёзки. Ой, браво-то было!*

Записано в д. Кода Кежемского района Красноярского края в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Елены Гавриловны Верхотуровой 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т.20. С. 138.

55. *Дедушка Петрован. Пётра Николаевич Зарубин был. Природный ангарец. Всю жись на Ангаре жил. С Бадармы он.*

Записано в д. Кода Кежемского района Красноярского края в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Зарубиной 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.1. С. 343.

56. *Мы ходили в лес-то. Вручную валили-то, дрова-то пилили, по снегу-то бродили. Сколь дров-то напильвали, о-ой! Пилой двоерушной. С подружкой пилили сами лес, сваливали и пилили. По пятнадцать, по пять сажень в день напильвали. И колешь, и валишь сам <...>. Адская работа была!*

Дак начинали вальбу-то эту с февраля месяца. А девчонки же! Война. Маленьки, худеньки, а там снежина вот такая! Там пилить-то... пока лесина упадёт, уже в снегу далеко. Вот её обтаптываешь, и пошёл потом – тебе, себе, начальничку! И пилишь стоишь эти чурки. Адский труд был!

Записано в с. Селенгино Кежемского района Красноярского края в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Улиты Кузьминичны Кокориной 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 215.

57. *Пока росли – никого не понимали. А выросли – работа. Нас-ту глушили тут работой. Это с ночи до ночи. А жали? Мы почти не спали. Работали. Клади клали <...>. Клади, это хлебец жали жнейками, жали. Ручни. И мы этот хлебец вяжем, эти ручни собираем и вяжем. И суслонами ставим, порядочками. И у нас групповод. Групповод идёт, у нас проверяет. А потом уж суслоны эти потом их в кладево, опять кладём клади.*

А зимой возят на гумно. Молотили молотилками, не то что сейчас комбайном измял, исукусил там, и всё, и хлеб свежий готов.

Записано в д. Фролово Кежемского района Красноярского края в 1999 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Прасковьи Гавриловны Зарубиной 1929 г.р. //
Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири /
научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С. 370–371.

58. *Ну, в Пасху пели, качались на качулях, привязывали качули, на качулях качались и песни, песняка давали! Но. Качались на качулях и пели песни.*

Записано в пос. Кежда Кежемского района Красноярского края в 1989 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Надежды Прокопьевны Пановой 1937 г.р. //
Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири.
Иркутск, 2018. Т.20. С. 78.

Устные рассказы и интервью о «деревенских» («односельчанах»)

1. *Там деревня больша, хорошая была деревня, много там было людей. Тожно, вишь, тожно ведь брали-то как? Из Заимки забрали человек, наверное, семьдесят сразу мужикох – самый лёт мужики были! <...>. Самы хороши мужики были, ага. Собрали и в Кежму всех увязли в перьявозне, а там вверх конём их тянули.*

Записано в с. Недокура Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Серафимы Иннокентьевны Рукавишниковой 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. С. 87.

2. *С Дворцом-то сошлись, два колхоза. Они, Дворец-то, Покову всю съели! И Косой Бык съели <...>. Дворецкий колхоз, они лентяи были. Но вот остров Берёзов большой под Медвежкой, и мы на нём. Наша половина кособыцкая была, а эта ихня – вторая половина Дворецкая была. И вот у нас все работают. Если там скосили, гребь подходит, мы – без ума грести – скоре, скорей, до самого допоздна, пока солнце почти закататся. А они – солнце светит – а они купаются! Они днём выйдут, купаются, купаются!*

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Афанасии Ивановны Никулиной 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. С. 114.

3. *Так у нас посёлок на хорошем счету всегда был. Хороший посёлок, сам собой-то красивый такой. Люди дружные у нас. Нормально жили, работали все.*

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Анны Константиновны Заборцевой 1931 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

4. *А теперь, сейчас не знаю, в Кондратьевой, говорят, уже и свету нету. А хорошая деревня была. Целый километр от одного конца до другого, в три ряда лома стояли. А сейчас говорят, там уже и ни свету нету, и ничё нету. И в колхозе мы жили. А в войну за что мы работали-то? И так работали! На совесть работали.*

Записано в с. Осинный Мыс Богучанского района Красноярского края в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Клавдии Степановны Каверзиной 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.12. С. 366.

5. [— Яркинские отличаются от тех, кто жил в Кежме? — Собир.]

— *Да нет. Ну, говор у них правда другой. Растяжительный такой. Ну, я уже привык. Тоже вот тяну. Ну, двадцать с лишним лет уже живём здесь.*

Доброжелательные все, нормальные. Вот соседка у нас, ну, у неё наложено много, чё там рыбу добыли чё там... Скотины у них много, скота держат, мясо принесут, рыбы принесут. Чё-нибудь постряпат, прибежит:

— *На, возьми.*

То пирожки, то там ещё чего-нибудь, так что тут.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 2018 году Фельде О.В. от Михаила Елизарьевича Лушников 1929 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

6. *Колмаков, Колмаков! Вот там колмаковская школа была. Работяга он был, тоже такой был, всё с сумкой ходил, всё вот это собирал, тоже всё собирал. Такой был Колмаков звали его, ага. Работяга, тоже старичок был, ага. Высокай был, худощавый, как щас помню, ага. Работать-то было лихо.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лукерьи Михайловны Дашкиной 1939 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 450.

7. *Коренны Пановы здесь. Но а тоже счас сбродны все: Сизых, Савватеевы, Пономарёвы. Пономарёвы – это тоже давношние (...). Карнаухов Пётр Филиппович был. Вот он здесь жил, в Паново. Вот был мастер до обуток! Всё умен делать. Любы туфельки тебе, всё подобьёт, всё сделает: и унты подошьёт, ичиги, олочи, ну, всяки обуточники мог делать, ага. Мастеровой был!*

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Алексея Петровича Усольцева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 70.

8. *Двадцать чатыре года, двадцать чатыре года прожили в Дворце. Здесь, в Балтуриной, – пятнадцать.*

[– А красивая деревня была Дворец? – Собир.]

Красива! Ой, красива деревня! Одна улица. Улица одна на самом берегу. Ангара. Ой, как красиво было! Мы век жили, это, в Костиной, я Дворец не забуду. Народ был хороший, дружной, не забуду. Если один чё делат, все бегут помогать.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Натальи Васильевны Колпаковой 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 171.

9. [– Когда там народ она разъехался, Анатолий Михайлович? – Собир.]

В тридцать четвёртом её уже, однако, не было. Это слились уже Дворец и Кова, однем колхозом счинились <...>. А я по всёй Ангаре жил. И в Заимке жил, и в Дворце, но большинство в Дворце жил, и на Косом Быку жил, ну, кто где пригреет. Мы вдвоём с братом.

[– Но самое-то красивое место, говорят, Дворец? – Собир.]

Да. А люди-то каки были! Хорошие. Таких счас нет, доча. Порядок был. Улица, там одна была улица. Но прошше люди были, прошше. Считай, при коммунизме жили. Мы знали, кто чё есть, все уже наперечёт всё знали, сколько хлеба. В войну-то знаете, как трудно было! Там дружные люди. А так разве выжили бы?

Записано в с. Проспихино Кежемского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анатолия Михайловича Страшникова 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 175.

10. *Усольцева-то она хороша деремня, народ-то добрый... У нас жил дедушка один здесь. Дак все, весь народ ему помогал, его долго держали на*

постоях. У кого сутки жил, у кого больше, и понедельно было что жил. Его не бросали. Ему и избушку срубили потом, народом рубили, мужики наши... и похоронили народом... и обвыли, и поминки сделали, наготовили всего полом.

Раньше же чё?! Поминали блинами, кисель варили, ну, наготавливали-то много, и отваривали рыбу, и стряпали... У нас же поминки поднимают всей деремней. И свадьбы, и поминки. На поминки там чё?! Ты там стряпашь молосны, ты, может, рыбу отваривашь, или я мясо варю. Всё вместе. Все вместе помогали друг другу.

Усольцева-то она хороша, народ у нас дружелювный был.

Записано в с. Усольцево Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Вениаминовны Кокориной 1925 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 381.

11. У нас Меркулай был, в Иркинеевой же жил. Дак он сильный был мужик. Он однем кулаком быка убивал. Его мужики боялися. Вот соберутся гулять, гулянка идёт, мужики выпьют да задерутся. А Меркулай этот сидит, смотрит-смотрит, потом подыматся со скамейки, берёт в руку стакан гранёный, зажимат его. Дак так зажмёт, аж дёнышко из его выпадыват. Не ругатся, не разнимат, ничё, токо вот так зажмёт, и дёнышко выпадет. И потом токо все утихнут. Его шибко боялися.

Записано в с. Иркинеево Богучанского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пелагеи Кузьминичны Скурихиной 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 334.

12. – Ну, сюда, как Ефим рассказывал, к нему немцы-то все приезжают бывшие, на Алтае живут, они Яркино называют Райкино. Рай. Приезжают на свободу, что не Яркино, а Райкино, потому что рай. Маленький рай в Яркино. Ну, они с Германии приезжают каждый год, родственники.

[– Это для них отдых тут такой? – Собир.]

– Да, не Яркино, а Райкино: «А чё вы, Райкино?». Рай, маленький Рай. Ну, так оно и есть: здесь очень хорошо. И люди хорошие здесь.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 2018 году Фельде О.В. от Олега Анатольевича Колпакова 1954 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

13. Они вот, знаете чё, баушки-то аксёновски-то?! У них всё всухомять. Ну, ешио ушицу похлябают. А боршиши?! Уж потом как приехали, вот стали

химлесхозы, народ как стал, туды как поехали отовсюду, научились боршиши варить. А так не варили.

А рыба была во всех сортах. Придѣшь в кажну избу-то, уж с утра пораньше баушки из пячи вытаскуют пироги. Пироги, всё пироги и пироги. Садятся исть, смятана ложками, ложками всё жабали-то. А чѣ?! Посряди стола одна большая чашка. Мы уж привыкли: каждому тарелку ставим, а баушки-то обижались, если каждой ставишь. Надо одну на всех, чтоб все из одной. Вот у меня, царство небесное, баушка матрёна-то, вот гуляем, ну, выпивали старушонки-то. Звали всех старушек, всех, садили заоднем столом. Попробуй пропусти старушонку-то! Все садили, вот в ряд все: молодѣжь сидит, старушонки сидят, все в куче, вот так вот, один всё в ряд.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Матюшиной М.А. от Раисы Алексеевны Чудаковой 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 91.

14. Вот у нас в Пановой-то народ шибко дружелюбый был, ага. А счас, доча, как собаки к друг другу. А тогда ведь они и бедно жили, и всё, но строго <...>. Счас вот идѣшь, он идѣт, молодой он, тебе навстречу – он дорогу не уступит, ешио и стукнет тебя, что не свернул, ну, плечом заденет.

У нас раньше было как?! Если пожилой человек он идѣт, дак ты отойдѣшь в стороночку – пусть проходит. А счас ведь нету этого. Не знай, что за жись, чудна кака-то.

Счас вот, доча, мы повымрем, а потом молодѣжь-то останется – не знай, как жить-то будут.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2009 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевна Пеньковой 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 70.

15. В Заимке, говорят, много расстреляли. Наша деревня Алѣшкино дружная была, друг дружку не выдавали: кто спрятался, кто куда, кто чѣ спрятал – не выдавали наши. Дружная была деревня. А в Заимке плели друг на дружку. Вот ты, например, на тебя наплетут, они придут, тут – илѣп! – и готово. Вот так делали. Ну, Колчак-то этот проклятый. Всё пережито.

Записано в с. Алѣшкино Кежемского района Красноярского края в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Хивонеи Павловны Усовой 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2015. Т.17. С. 53.

16. *Дедушка-то мой неродной. Сахардон-то, вот он боевуший был, здоровый был, дедушка Сахардон. Охотник! Один на медведя шёл, брал его в имки. Он тангус был, юртошный тангус. А баушка-то Надёжа у его, она с Ангары была привезённая, с Пашутиной <...>. Она была хорошая <...>. Ну и оне жили. Она всё делала, рыбу же добывали, чистили эту рыбу, готовили, продавали её, возили. Вот этим и жили. Ну, хорошо жили. Но тунгусы они же работающие.*

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Вуколовны Брюхановой 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 63–64.

17. *Демид Иванович Казаков. Он был мозговской. Он прошёл войну всю. Он два раза в плену был. Он с плена сбегал два раз. Он как тут... как приехал с войны, как напьётся, так пьяный всё с немцами дерётся. Я говорю:*

– Дядь Дёма, ты чё там кричишь?

– А-а-а, таки-сяки!

Пьяный-то бредил, всё с немцами дрался. И вот там немцы его не убили, дак вот тут медведь его съел. Он охотник тоже страшный был охотник! Да такой смелый был! Он такой был боевой мужик!

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анатолия Мироновича Косолапова 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 348–349.

18. *Вот эти Борисята, оне сильны были. Терентий был у них, дак два мешка, шестьдесят килограмм мешок пшеницы берёт рукой, второй берёт, на себя закидывает – и пошёл! Вот! А боролся?! Счас на ножах, а раньше на кулаках. Прилетит кулаком-то, и потом потрясёшь. Во мужики были!*

Раньше сильные мужики были.

Записано в с. Селенгино Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Афанасии Ивановны Сизых 1906 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 196.

19. *Мы в Кежеке жили, жила у нас семья, у их детей не было. Марковна жила и Матвей Пимонович. Вот оне скотину держали. И вот как к празднику, она всё раздаст людям, ага. Набьёт масло <...>. Ну и набьёт мешанки и раздаст, накопит сметаны – раздаст, у кого нету. Всем давала. Бедным давали. Бедным, хоть на Паску давали, хоть на Рожжаство, хоть на Новый год. У нас мама*

давала <...>. Скоко я скотину держала, никогда я на праздник бедного не оставлю так. Я всегда дам <...>. Как это бедному человеку и не дать? Какой он бедный, почему он бедный – не наше дело. Вот. А дать надо бедному человеку.

И не оставляйте бедного человека в беде. Всегда помочь нады.

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёклы Иннокентьевны Брюхановой 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 413.

20. В Малеевой-то было такое, вороском украдут эти корчаги с рыбой, и всё. Вот Гриша-то рассказывал. Говорит, у нас высматривали [воровали – Г.В. А.-М.] вендер, утасковали рыбу. А потом чё-то сделали ему, этому вору, дак он, говорит, как прилип к лодке. Не мог сташишить эту рыбу, чё-то с нём сделалось тоже. Вот это малеевские, они знающие были. Ну и вот, говорит, большие не стал воровать.

Записано в с. Осинный Мыс Богучанского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зинаиды Филипповны Гореловой 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 272.

21. Ой, какой дружнуший народ был! У нас никогда замков не было в деревне <...>. Никто не замыкался, никто не знал, где замков, где кто коо. Убягу на работу, рябят оставлю, баушки заташишут в избу, коров подоят. Прихожу, и всё, и накормят, и всё, сыты детишки. Вот тако в Аксёновой-то было.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Раисы Алексеевны Чудаковой 1948 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 346.

22. Деда был сильный был! По восемь дней свадьба – и нигде не пошатнётся. Но пили маленькими рюмочками. А голос был – вот у нас была лампа, на моёй самобытности, я помню, лампа под амбажуром – тухнет аж! И сыновья таки же были самы чисто русские <...>. А голос! Как запоют – лампа гасла!

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Ивановны Ростовщиковой 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 107.

23. [– А раньше народ сильный был? – Собир.]

Конечно. Раньше народ был не такой, как сейчас. Воклеме был. А счас какой? Слабенькай. Вот у нас здесь жил мужик. Здоро-о-о-овый был! Вот на охоту идёт, целиком барана мог съисти, за один присест съест – и пошёл. Ему на три дня хватат. Вот сохатого добудет и один его припрёт, один с тайги выташишит. Сильный был, мужик.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Пеньковой 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 47.

24. *А раньше-то, доча, у нас в Кежме вот раньше всё же помочами делали. И на покос помочами, и косишь, и копнишь, на неделю выедешь, и всё сделаешь <...>. Дрова рубили... пилили, в Селенгино всё ездили, на остров, там лес валяли на дрова. Всё помочами. Тяжело же было <...>. Ночью пилили. Пилили и кололи на дрова. Кто колол дрова, кто слаживал дрова. Всё помочами делали.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Селифонтьевны Звездовой 1933 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 78–79.

25. *Мама все эти холсты отбелит, постелит на лёд, что они отбеливались, чтоб были мяконьки. Их прямо на лёд выстилали, на лёд на ровный, и они лежат там неделю или сколь. Воруят друг у друга потом, и так было. Потом мама кроит, всё.*

Записано в с. Чунояр Богучанского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Ильиничны Роземблит 1933 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 179.

26. *Аксёновские же оне хорошие, добрые были, дружный народ, лучше против этих. Праздники все вместе гуляли. Престольны-то.*

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1992 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Натальи Васильевны Брюхановой 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 392.

27. *У нас, в Бедобе, как было?! Вот мы сягодня... вот праздник, вот эти царковные все праздники мы все отмячали, все, кажный праздник <...>. Гуляли всей деревней: песни, всяго-всяго было, пляски, игры были всяки!*

Записано в с. Бедоба Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Терентьевны Брюхановой 1919 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 355–356.

28. *А в апреле белёнка. Женски все таишут на Ангару холсты белить, пока ешио лёд. И коноплѣ белили. На морозе белили-то его, на холода бросали. На мороз положишь, на Ангару, на лёд его растянешь, он лежит на одной стороне, потом на вторую повернёшь. Он лежит-лежит там – белый-белый сделается! Всё из него выятенет там, водой да морозом выбелится. Весь берег, вся Ангара в холстах!*

Дак у нас всё было хорошо – никто не воровал никогда. Это сейчас нельзя оставить на ряке – утаишат. Счас вишь какой народ-то пошёл страшный!

Записано в с. Алёшкино Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Хивонеи Павловны Сизых 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.3. С. 79.

29. *Дак как жили?! Одно несчастье, а не жись. Вот помню, кода погнали в колхоз, у нас было два коня рабочих, выездной конь был, две коровы, две свиньи, поросята были. В колхоз тятя не пошёл <...>. Тятю забрали. Мы одне остались.*

Записано в с. Нижний Бурный Мотыгинского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Афанасия Петровича Семушина 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.3. С. 318.

30. *Выстилали на ряке хоусты. Настелят их полно. И не воровали, не брали. И когда водой их зальёт, вытаишат, растаят, ага.*

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Дмитриевны Брюхановой 1907 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2008. Т.3. С. 88.

31. *Ну вот, например, у нас в Яркино, это самое, все гостеприимны: кто приедет в гости, обязательно пригласят, на улице не оставляют. А как? Вот тут везде же разно: вот у нас в Яркино в основном Рукосуевы фамилия была, здесь и Брюхановы, в Богучанах, в Пинчуге Логиновы больше... Умерли же все уже, все умерли, у нас даже в Яркино уже все старые умерли, вот они бы вам рассказали больше... Геннадий Иванович Рукосуев с той стороны был, он яркинский, он всё, всё время в леспромхозе проработал – вот тот настоящий ангарец. Он вон года три уже как умер... Он всё бы рассказал вам. А Людмила Павловна, вот,*

Бортникова, она тоже раньше там училась, в наших краях, в Чадобце, но она старше меня: она с сорокового года, я с сорок девятого. Ну, а потом у ней родители тут где-то жили, она сюда приехала работать... А моя родина там, кстати, щас это Кежемский район, как ГЭС построили, стали строить, там у них мала территория, под затопление пошло, а они вот эти наши Яркино, там, Заледеево, Климино – они всё в Кежемский район отдали. Они стали теперь Кежемский район.

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Лидии Кондратьевны Никушиной (Рукоусевой) 1949 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

32. В Пинчуге у нас народ гостеприимчивый, хороший. Чаем напоят. А в Ярках в этом, двадцать четыре километра отсюда, так там чаем не напоят, народ нехороший. В Иркиннеево тоже хороший народ. Там туды тоже, хороший народ, простой. И угостят и всё. Вот так што. Разный народ, по-разному.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Ольги Степановны Рукоусевой 1924 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

33. Ну, в Усольцевой этот, охотник был, Александром, по-моему, звали, ага. Ну и вот, вот он смелый был, собаки хорошие.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёдора Михеевича Волошина 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т.20. С. 341.

34. Папа поехал, на войну брали его, сорок первого года, и всё его гоняли, гоняли, а у него по пятьдесят восьмой статье отца забрали, дедушку, как папиного отца. Ну и вот. И вот поэтому-то отца гоняли: взять не взять его на войну, взять не взять <...>. Ну, всё-таки его забрали, забрали в сорок втором году девятнадцатого июня <...>. Вот мы и остались. К нам пришли, все хорошие ловушки забрали, которы на красную рыбу, добували мы, перемёты, всё, ну, хороший завод забрали. Лыжи забрали, ружьё забрали, даже с кровати покрывало сташишили. Всё забрали. Свои же, болтуринские. Народ-то тоже всякий был.

Записано в с. Ново-Болтурино Чунского района Иркутской области в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пелагеи Тарасовны Рукоусевой 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2008. Т.4. С. 150–151.

35. *Раньше-то дороги торосные же по Ангаре были. Сами рубили. Вот у нас через ангару с Недокур и до Пахотного рубили. От Кежмы до Заимки тоже дорога торосная. Кежемски там с заимскими уж, а наши, недокурски-то, одне чистили. Через ангару от Недокуры до Пахотного.*

Записано в с. Ново-Болтурино Чунского района Иркутской области в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пелагеи Тарасовны Рукосуевой 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 335.

36. *И мать, и тятя оттэль. Оне все в этой деревни и жили. Раньше никуда ить не ездили. Тятя Усольцев Иван Васильевич, тоже усольский.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Елены Ивановны Васильковой 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 76.

37. *У-у-у, разны случаи были, вон, в Богучанске, но я те её фамилию не скажу. Её-то сестру-то я знаю, Валентина... У меня и сотика-то её нету, только простой телефон. Он... его увезли... там лес валили, и мужики попросили его в избушке, ну, как сторожем поработать. Он уехал, но это уже лет семь прошло... Вот. А он пошёл за черникой. Первый раз сходил – видел там медвежьи следы, кал его, ну, ладно, медведей не встретил, но второй раз опять пошел, это самое, за ягодой, и медведь его там скараулил. Поймал и начал драть, а наши пинчугски, Булыга, вот с женой и с дочерью поехали по ягоды туда же, близко, и слышат – человек стонет и кричит. А они тоже без ружья, безо всего были, но они в эту сторону, к нему... Это, ну, медведь-то бросил, убежал: почувал, видать, что там это... Они на мотоцикле были. Они его нашли, он весь окровавленный, штаны разорваны, и всё, они его на мотоцикл, ягоду не стали брать и привезли в Богучаны в больницу... Нет, они не в Богучаны, они сюда привезли в медпункт, а отсюда уже увозила больница, эта, скорая помощь ихна, но его выходили.*

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Лидии Кондратьевны Никушиной (Рукосуевой) 1949 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

38. *Ну, поскольку я смогу... воспроизвести, воспроизвести их речь. Ну, вот... Ну тоже вот денисовский дед, вот Денисово у нас там деревня была, она сгорела... Давно сгорела. Как-то встречался с... Его... Мы с ним разговаривали очень часто, и он... Так, значит: «Пошли, – grit, – мы со свяшишками, значит, за шишку бить. Шишку бьём». «А я, – grit, – увидел медвежьи след свежий, ну и чтобы предупредить товарищей». Значит... Они там где-то немножечко в*

стороне бы... Свяшишки, не товарищ – свяшишк. Он: «Гля-ка те, гляка-те – тутока шишкарь ходиу». Ну, так вот он мне сказал.

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 2016 году Фельде О.В. от Виктора Иоганновича Аннонена 1951 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

39. Деда Смарадья. Брюханов Смарадий. Он рассказывал сам, говорит, пришли двое: Фёдор Попов и его зять Егор Крысанович. Оне его забрали, говорит:

– У тебя золото? Отдай золото нам.

Он grit:

– Нету у меня золота.

Вот клянётся, божится. Оне не поверили и повели его на реку и топили. За волосы держат. Он от в прорубе зимой. Ага. И вот он говорит:

– Хоть топите, ребята, но нету золота, нету. Если бы было, я бы его лучше выбросил вам. Зачем мне, – говорит, – погибать из-за этого золота?

Ну и вот. Оне его выташили. И он, гыт, босиком я шёл, передрог. Он болел долго тогда. А потом его выслали. Выслали его в Забайкал. Он говорит, я это, там возил, говорит, в лодке начальство разное, гыт, плавал сам всё, говорит. Их плавил и, говорит, это, ещё сочинял частушки там. Такой дед-то весёлый. Он был с чёрной бородой. Смарадий Агапович Брюханов.

[– Так и что, его топили головой вниз, что ли? – Собир.]

Нет, оне его всего, голова только была наруже. Самого всего в прорубь. Издевались как! Свои же, деревенские. Ну, у него дочь приёмная была и старушонка была. Не было детей у них <...>. Они взяли девочку, Анну-то от Смарадьеvну они взяли, вырастили, взамуж выдали.

Записано в с. Осинный Мыс Богучанского района Красноярского края в 1992 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зинаиды Филипповны Гореловой 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2008. Т.4. С. 122–122.

40. А вредные были вот, видишь, какие вредные, вот свои, деревенские. Вот знали хорошо, что у нас отец всё своим плечам заработал, а пришли раскулачивать. Нарядились! У тяти были брюки, хорошие такие, бобриковы раньше назывались, галоши были у его, нарядились все. А у меня платишки были. А тут председателем был колхоза Мutowин, он жил, щас где эта Матрёна жили, Грузинцева. Но. Нарядилась эта Ганка. Платье я увидела, давай всё, и платье задрала на ей. Жалко своё.

– Давай моё платье!

Потом не стали на её надевать.

[– Дак распродавали, да? – Собир.].

Продавали, продавали. Кто дороже, кто дороже?

[– И ложки и вилки? – Собир.].

Всё продавали. У нас даже на верьху было на избе, мама с тятей курили (мама-то не курила, однако), вот табак был, и даже табак с верьху весь собрали. Не поленились, на верьх залезли, может, там чего есть. Ну, там вяленина была да табак был, всё собрали. Вот какие!

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёклы Иннокентьевны Брюхановой 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2008. Т.4. С. 134–135.

41. Едва выжили. А там в те годы как-то урожай не так. В Карабуле голод был. А в Малеево – хороший урожай. Но зажимали. Председатели засыплют хлеб, ходишь возле, амбары засыпаны пшеница, а колхозников морят. Так взяли бы вы займы, возьмите у вас новый урожай да потом отдайте. Нас ведь немного было. Колхоз – кого?! Деревня Малеево была, большая ли она?! Или хоть Чунояр?! Неужели не занять? Вот каки были вредны! Вот они померли, скрозь бы землю прошли и дна бы не нашли! Вот каки были председатели! Свои люди, деревенские.

Записано в с. Чунояр Богучанского района Красноярского края в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ульяны Ивановны Зверьковой 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2008. Т.4. С. 457.

42. У нас обычно старики, они все жили со своими детьми там, и им помогали, и были вот у нас двое. Двое таких стариков, у них детей не было, они муж с женой жили. Но они пока сами могли же, трудились. А потом к ним вот приходили кто-нибудь из деревенских молодых людей, приходили к ним и держали их до самой смерти, досматривали, жили с ними и хоронили их. А так не бросали никого.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Мутовиной 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 358.

43. Народ раньше в Ирбе дружне был. Во-первых, народ так не пил. Раньше, если люди работали, то работали. Если какой-нибудь праздник, это в деревне видно: вот праздник! Какие все нарядные! Пусть даже гулянка, вместе собираются, собираются помногу. Там и песни, и пляски.

Записано в с. Ирба Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрены Лукьяновны Рукосуевой 1925 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2017. Т.19. С. 99–100.

44. *Это мы, когда в Иркинеевой я жил пацаном-то, ну и меня на коня посадят, и я пошёл с бечевой. Их отвезу сюда, а потом еду домой. И вот коров подошь, подошь, идёшь с пастбища, на слив заходишь, молоко вылиёшь, и всё, домой пустой идёшь. Налог. Всё сдавали, всё сдавали! Я говорю, но всё равно лучше жили, как сейчас, всё равно. Ведь я говорю, поедешь, сейчас помотришь, ведь мы так работали, ведь я говорю, ходили вот халаты эти, фартуки собирали траву, пололи поля, покосы чистили, всё. Всё заростили, всё бросили! Ведь всё равно же это несправедливо! Всё равно несправедливо!*

Записано в пос. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Гаврилы Дмитриевича Скурихина 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2017. Т.19. С. 110–111.

45. *Раньше, как эти идут кежемские, о-о-о, кежмари, ох, и песенники были они! Ужась! Как идут, это уже Кежма идёт. На илимках <...>. Так и слышно, что уже кежмари идут. Они песенники были, ужась!*

Записано в пос. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Августы Алексеевны Мутовиной 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т.20. С. 134.

46. *У нас, в Бедобе, как было?! Вот мы сягодня... вот праздник, вот эти царковные все праздники мы все отмячали, все, каждый праздник. Сягодня гуляют у нас, вот собирамся все, вся Бедоба идёт к нам, по чатушечке все таишат с собой. Закуска, стало быть, уж хозяев.*

Записано в с. Бедоба Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Терентьевны Брюхановой 1919 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 397–398.

47. *А на войну сколько парней взяли, ой?! Помню, с Кежмы как... Вот у нас старшего брата провожали, и илимками оттуда, с Кежмы, везли их. Тогда же илимки длинные, такие, как большой катер, крытый. Вот до Кежмы было три дня ехать. Летом это катер там илимочки эти две ли три тацит. А зимой дак на лошадях. Вот в сани запрягут там, начальство, там бухгалтер ли, председатель ездили в кошёвочке, там их вдвоём ли едут, втроём ли. А нас-то,*

таких уж, кому давали лошадь там на два, на три человека... до Кежмы. Три дня до Кежмы только ехать было. Вот от Косого Быка до Алёшкиной пятьдесят шесть километров, этот волок вот длинный, это вот в Алёшкиной ночуют. Потом с Алёшкиной до Заимки двадцать два километра там было. Потом от Заимки там сорок четыре, кажется, ли сколь-то? Опеть до Кежмы.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Таисии Михайловны Поповой 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2017. Т.19. С. 49.

48. Все наши деревенские кого-то на войне потеряли, каждая семья! А у Шуры бедной и муж, и сыны погибли.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>.

49. Наши-то трудяги все были. Уж из трудяг трудяги.

Записано в д. Иркинеево Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>.

Устные тексты старожилов Северного Приангарья о «чужих»

Устные рассказы и интервью о «ссылных»

1. *У нас в Заимке немки жили, в войну-то дак всех сюды ссылали.*

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Серафимы Иннокентьевны Рукавишниковой 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 135.

2. *По Муре речке тоже были спецпереселенские посёлки. Ну, тут же были не только с Забайкалья высланные, и с Алтайского края были высланы сюда. А потом там и с запада привозили, в тридцать пятом году, в тридцать седьмом высылали.*

[– А в сорок втором году, в сорок первом – это литовцы, немцы? – Собир.].

Да, да! Литовцы, немцы, финны. Вот ленинградцы были. Ну, оне-то уже приехали на всё обжитое <...>.

[– До пятьдесят четвёртого года враги народа? – Собир.].

Ну.

[– Местные же так не считали? – Собир.].

Местные-то сразу именно так и считали. Я почему говорю, в Каменку привезли, даже не пустили в деревню, что это какие-то сорванцы, понимаешь, за что-то... убийцы, за что-то высланные.

– Не-не, нам их не надо!

Сразу туда отправили, на местечко Серый, а оттуда уже в Верхотурово. Но там Верхотурово не было, посёлок сами спецпереселенцы построили <...>. Ну, раскулаченные, ну, спецпереселенцы как они жили там хорошо, так они и тут всё это дело восстановили, наладили и жили припеваючи.

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Александра Логиновича Трухина 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 319–324.

3. *А вот тут-то раскулачили людей, везли, не дай Бог, людей-то, это вот ниже-то Каменки, двадцать четыре километра, Верхотурово. Вон людей-то как, девки, привезли. Зима. С детьми. Ой, тошно мне! Привезли. Вот насадили*

Манзю полну, не спрашивали, чтопустишь ты в дом или непустишь <...>. И в Каменку полну засадили. А вот этих мужиков, которые, ну, рабочи-то, мужики и бабы эти молоды, их всех увезли туда на Верхотурову. В Верхотурову их привезли, там никакой избушечки не было – вот река, вот хребёт. И вот она там, чё делать? У них ничё с собой-то не было: ни топор, ни пил. Вот и с Манзи имя все давали, и Каменка все давали. Дали имя пилы эти, топоры – всё дали. Вот они приехали и давай лес валить сразу же. Навалили лесу этого, сухого, расклали костры. И вот у этих костров зимой целую неделю, две жили. Потом уж она стали бараки рубить-то. И потом сделали Верхотурово. Ой, какой посёлок, ой, бравый! <...>. Их тогда много привезли. Их тогда с Алтая сюда везли, и с Забайкалья, оттуда тоже везли. Много везли. И долго-долго, люди-то всю зиму жили по этим по деревням. Манзя, Каменка. Это досталось нам, Манзе и Каменке, Верхотурово-то. А потом их увезли, есть речка Иркинеева, так по Иркинеевой там ешио деревня есть Бедоба, туда много, там тоже. Ой, там большой посёлок был! А труженики-то какие были, ой! Посёлки, люди. Вот их сюда везли, а наших от нас везли, тоже кулачили. Наших опеть везли туда, где-то в Кежемском районе там какие-то болота или чего ли были, туда, на эти болота увезли. Воды-то не было, в болотах пили. Не дай Бог, ужась чё было! Ужась! А жили дружно-о-о! Мы вон с верхотуровским-то на плотбишишах-то работали, ой, что ты, как родные!

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ольги Петровны Соседовой 1917 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 324–325.

4. Свекровь у меня была немка, она честная была, сурьёзная. Немцы были у нас, она сослатые были на Ангару <...>. Строгая, строгая была, строгая, но как-то она меня полюбила <...>. Они же чистоплотные. У моёй у свекрови-то было двое детей, два мальчика, Карла и Саша. Так вот этот Карла-то, он восемнадцать лет учился. Он очень грамотный. А Саша мой комбайнёр и киномеханик. Дак вот этот Карла-то, вот серьёзный дак серьёзный. Вот уж любит работу-то, не могу даже высказать, как любит работу. От такой серьёзный муж, сурьёзный, грамотный страшно <...>. И Саша мой всё время идёт против кажного, баушкино впало в него, в кров попало. Вот что бы ни сказала – всё против, против, всё переворачиват против <...>. Немцы – другая нация: всё против.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Васильевны Гафнер 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 262–264.

5. *Косой Бык, туда же всех ссылали кулаченных-то. И наших тоже, с верха: там и усольски, и селенгенски, фроловски, тоже сосланы, вся Ангара. Но их нагнали уже, как уже наши срубили это Косой Бык, вот этот посёлок, а потом их стали нагонять <...>. Вот такая жизнь. И выжили, и пережили. Тут много-много кто пережили, много. Голодом и холодом.*

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Егора Васильевича Лимерова 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 257–258.

6. *Это были сосланы: Пушкин, Малай, Трактор. Три их было, сосланы в Панову к нам. А я не знай, грамотны такие люди, вот до сих пор я хорошо их помню: Пушкина, Малая и этого Трактора. У Трактора ноги отсекали. Он ползал на коленках, делал такие деревянные башмаки и наручники и по дорогам ползал зиму-лето.*

Они замёрзли. Пушкин, ему ешио дашь вот... Ну, чёрт его знат, как их, или ум у них выбивали или что ли? Вертухнутые были маленько. А так вот дашь газету, он читат, ёлки, как! Грамотный был Пушкин, Малай. Трактор-то, тот не так как-то, а эти-то грамотны были.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Алексея Петровича Усольцева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 246.

7. *Сюды немцев привозили на Ангару, и всёй Ангаре-то раскидывали по деревням. Вот илимка плывёт, пристанет к деревне, там сколь высадят, две-три семьи. Скинут, дальше плывут. Рассадили их в Приангарье много же. И сейчас они здесь которые живут. Но оне счас обрусели, стали уж русские <...>. Их, вязде развозили их, там, может, семьи по две, по три, это в дяревню, по чатыре, вот так вот: в Кежму и вязде, в Панову и вязде, в Алёшкину – вязде их. Оне вёртко работали, за им ешио надо угнаться. Быстро, как с огня рвали <...>. Но оне, который литовец, вот всякие были, немец был, немцы были, всяки. А потом оне работали, никого не задевали <...>. Оне работали. Вёртко работали. Потом их колхозу коро стали давать им.*

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Серафимы Иннокентьевны Рукавишниковой 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 241–242.

8. [– Степан Кондратьевич, а где вы родились? – Собир.]

В Яркино. Там родился и до двадцати пяти лет там жил. А потом я жанился здесь. У меня тут квартира ешио есть одна, эту уж мы купили опеть. Вот и мы... жанился и сорок три года я с супругой прожил, сорок три года.

[– Она откуда была? – Собир.]

Здешна, местна.

[– Ваш папа откуда? – Собир.]

Яркинский тоже. Но я тоже девий байдак. Понимаешь, что такое девий байдак? Это мать меня родила в девках и подымала. Я с отцом не жил. Я с матерью жил. Мама меня в девках. И доча у меня от так, в меня угадала тоже – родила парня в девках.

[– А как звали отца? – Собир.]

Кондратий Николаич. Также Яркиной.

[– Все коренные были? – Собир.]

Тамошни. Никаких там приезжих не было, все местны.

[– Яркино – старинная деревня? – Собир.]

Старинна деревня. Это раньше было там, так, Аркан какой-то, ссыльной. Его Аркан, Ульянов, Кирилл – вот их сослали, как, будем говорить, как по пятьдесят восьмой-то статье-то сослали. Их как ссыльных сослали туда в тайгу, и они там разжились-разжились, сделали поля, деревня, и всё получилось. А войны бы не было, дак итам, знашь, сколь деревень было.

[– Это было давно? – Собир.]

В сороковых годах. Перед войной.

[– Сослали-то их когда? – Собир.]

Вот, где-то в тридцать пятом, де-то, ну, в тридцатых годах сослали.

[– А там что, пустое место было до этого? – Собир.]

Пустое место было. Никто там не жил. Тайга <...>. Ну, тайга, понимаешь? Всё. Охотничья избушка была там, оне как на охоту уехали, ушли и – прижились. Прижились, и вот так поколение пошло, и пошло, и пошло, и пошло – и деревня получилась. Там Юрохта ешио есть, но ближе суда.

[– В Юрохте кто-нибудь живёт? – Собир.]

А счас никто не живёт. Счас бичи живут.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Кондратьевича Рукосуева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.

Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 214–215.

9. *Дед, мой сосед, дед Василий, он и под репрессией был, и под лагерями. Он рыбак был, он дома не жил лето, на речке он... а руки вот такие у него, заскорузлые-заскорузлые, как лапы у медведя. Хороший дед! Да он всё рыбалил.*

Записано в с. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 2004 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василия Ивановича Лисицына 1941 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 375.

10. *Я сейчас расскажу. Вот жили два брата в Костиной. Один пошёл колхоз и стал председателем колхоза. Семь семей вошли в колхоз. А жил зажиточно, вот у него дом остался, клуб сейчас. Всё под крышей было. Старательный мужик был, старательный. Но брал этих, кто придёт к нему пособить, брал, приглашал. Он платил, и люди не обижались. И вот это... а второй брат не идёт в колхоз. У того было своё хозяйство там, хлеб посеянный был. Вот этот председатель-то колхоза, коммуны-то эти, брат-то, говорит:*

– Сжали колхозное всё, и поедемте, – гыт, – братова сожнём, и он зайдёт в колхоз.

Ну, поехали, выжали у него, а тот прибегает, брат-то, кол выдергиват.

[– Так это без его разрешения всё? – Собир.]

Без его разрешения, ага. И потом этот брат заходит в колхоз, у него выжали хлеб. Он зашёл в колхоз. И отзубачивал его, председателя. И что пожитки были, корова там, кони, всё в колхоз сдал. И пишет заявление, что брат мой, старший-то, нанимал людей, и то, друго, как кулак. И его сослали в Уяр.

[– Который председатель стал? – Собир.]

Да. Он доказал на него. Трое подписались, что мы у него работали на него. Его раскулачили и увезли в Уяр.

[– Хотя он был уже председателем колхоза? – Собир.]

Да. Он всё этого ждал и был председателем, жил крепко.

[– Так, а как его звали-то? – Собир.]

Его звали Иван Колпаков. А того брата – Федосей Васильевич Колпаков. И вот два родных брата, и получилось розно.

[– Итого уже председателя колхоза... – Собир.]

Да. Ну, коммуны этой. Увезли в этот Уяр. И выбросили к сосне. И с Тайшета везли, и с Червянки везли – отовсюль везли кулаков, богатых людей везли. И оне поля подымали, двести гектар с одной межи сделали, всё раскорчевали, и колхоз стал большой.

[– А как это с одной межи? – Собир.]

Ну, кругом лес, ни островков, ничё, всё выкорчевали. Всё чисто.

Вот Гарь Уярская называются. Людей поселили, оне площадь выбрали, где можно, ровное, и сделали покосы, и поля сделали.

[– Так в этот Уяр много согнали, да? – Собир.]

Много, отовсюль гнали. С Тайшета и отовсюду. С Красноярска, с Канска, этих кулаков гнали, гнали всё.

[– Издевательство было, издевательство. – Слуш.]

Работяги были, работяги были. Но раньше было как? Вот скажет два-три человека, хорошо.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Константина Ивановича Карнаева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 212–213.

11. *Тогда же всех ссылали: тут и грузины были сослатье, тут и ещё, поляки каки-то сосланы были, эстонцы были сосланы, вот этот Кактус Андрей, я помню, тоже судили его за горстку хлеба.*

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василия Александровича Привалихина 1934 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 458.

12. [– А как кулачили? – Собир.]

Как рассказать-то? Тутошни были. Был народ же здесь съезжий раньше. А жили, друг друга не обожали. Кто еслив скотину поболее имеет, поля, сеяли хлеб, убирали. Вот, и ты сытой, я на тебя обозлюся, заявим на тебя – и тебя выселят, раскулачат и выселят, всё <...>. Нас раскулачили, скота забрали, хлеб подчисто. Мамин яшишк откроют, каки у мамы там блузёнки, полотентиишки – вот это всё собярут, всё возьмут. Половики на пол ткали – вот это тоже всё забрали. Таишат там, которо себе таишат, которо в колхоз. Мешки шили, хлеб, когда колхоз образовывался, из половиков делали. Всё забрали. Мы пересилилися, у тяти был, но тут рядом жил, двоюродный брат. Но нам сказали: – Выходите из дому.

Выгнали. Мебель всю забрали, своя дельная была. У нас три стола увязли в Заледееву в контору, когда контора образовалася <...>. Нас тятин сродный брат принял, мы у него в семье жили. А потом вот на Муру, на Муру нас уганивали. Мы обратно с Муры приехали, опять к этому брату, к тятиному ко сродному <...>. Голоду хватило много. Там приехали, посялили, давали кого?! Мне было восемь лет. Мне восемь килограмм ли муки хватит на месяц? По миру, всяко ходили. По дяревне идёшь, придёшь – знают, что кусочек надо, – дадут кусочек хлеба. В други деревни ходили, доча, мирношничили. Там Бузыкано

деревня, Ирба. Люди давали. Мать где кому кросна ткала, комк в избе мыла ходила.

[– А на Муре вас где поселили? Где жили? – Собр.]

Кто пушит. Тятя договорился, там сямья жила, и мы с сямьёй жили. Потом мы перяшили, брат с сястрой жили, мы у них жили... Пускали. Народ-то хороший.

Записано в д. Сыромолотово Кежемского района Красноярского края в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Игнатьевны Кучинской 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 378–380.

13. А в тридцатые годы кулачили же. Дак а тогда всех кулачили. У нас дядя мой, у них всё отобрали: конь был, корова – всё отобрали и выгнали. А Серёжа остался в животе, через двенадцать дней он родился, когда отца забрали <...>. А отец-то его, он десять лет в тюрьме был, и десять лет ему без выезда дали. И без выезда он.

Записано в с. Малеево Богучанского района Красноярского края в 2006 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евгении Федотовны Рукосуевой 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 82–83.

14. Ссылных раньше много было. Оне чё?! Безыбые же. Неделю у тебя живёт, потом у кого-то опеть неделю живёт, по людям страмствовал. Сёдня я кормлю, день-два другой кормит. Вот такое было. И здесь же спали. Ну, были мужики, которы хорошие, которы мастеровы были <...>. Дедушка Иван, Иван Яковлевич Карабович. Вот он их ссылных был. Так вот он, избушку сделали ему, и он жил в этой избушке со старушкой. Такой хороший был. Тоже помогал всем.

Записано в с. Дворец Кежемского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Арины Харлампиевны Верхотуровой 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 492.

15. Рожали-то с бабкой повивальной <...>. У нас была... Она у меня первого тоже сына принимала. Баушка Дарья Власова была. Дарья Ивановна – хороша старушонка. Ой, хорошая была! Сильно хорошая. Она с Забайкалу, забайкалка <...>. Сосланная была, кулачка тоже. Мужа сразу расстреляли, там ешио, в Забайкалье, до пересыльного пункту ешио.

Записано в с. Машуковка Мотыгинского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Ильченко 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 89–90.

16. *А баушка-то моя, ой, чёт око не пережила?! Всячину пережила! Рассказывала, как раскулачивали. У кого три лошади, чатыре, да там скотина. Вот как у нас наших Голянят раскулачивали. У них было девятнадцать братьев, в одной семье, и девятнадцать невесток. А потом, стали когда в колхоз-то загонять, кто пошёл, а кто не пошёл. Кто не пошёл в колхоз, тем вот эта тридцать седьмая была статья – враг и высылка. Не идёшь в колхоз работать – в кошеву бросают и повезли <...>.*

Потом их эту пятьдесят восьмую ли кака ли она статья была. Давали статью и везли вот на стройку, вот эту Иркутскую ГЭС. Эту ГЭС-то враги вот эти-то и строили. Оне каки враги-то, а? Самый клёк, народ! И вот там работали. Сколько наших приезжало, пановских там, деревенских. Ведь отовсюду везли.

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Прокопьевны Афониной 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 381.

17. *Муж мой рассказывал. Вот оне шибко голодовали. Оне переселенцы же были, немцы же оне. В войну их на Ангару сюда сослали. А жили-то оне под Ленинградом, Новосаратовка, село рыбацкое, речка Смоленская или как...*

Записано в п. Первомайский Мотыгинского района Красноярского края в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Елены Никифоровны Гамершмидт 1933 г.р., Фёдора Яковлевича Гамершмидта 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 140.

18. *Но я маленькая была, может, лет пять, может, шесть, каки-то ссыльны жили. Один политический какой-то дядька, а другой был врач, такой толстенький, с бородкой такой, но уже пожилые старики <...>. Они ничего о себе ничё не рассказывали, кто такие, откуда? Один Алексей Иванович какой-то, знаю, звали, а другой, я забыла, как звали. Вот у нас Варя заболела, вот он её вылечил. Она совсем умирала. Вот он её лечил и вылечил, она до сих пор ещё живая <...>. Ну, не так уж старые, но, может, лет по шестьдесят вот было, такие были уже, грузные мужички. Я их хорошо помню. Один высокий, как наши говорят, политически грамотный мужик, говорили, вот этот высокий. А этот врач-то, как, он толстенький, такой низенький <...>. А они недолго жили у нас. Мама их уж больно хвалила. Уж больно хвалила, что уж такие хорошие.*

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Тимофеевны Пономарёвой 1928 г.р. //

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 52–53.

19. *И вот у нас семья финнов здесь жила. Оне попали сюда в войну, где-нидь, может, в сороковом ли, сорок втором ли, когда вот с Ленинграда-то тоже, блокада была, высылали-то, и вот и их. Ну, потом они уехали, эти финны.*

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Деменковой Г.С. от Нины Михайловны Игнатовой 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 207.

20. *Потом вы знаете, потом здесь ещё первые годы тоже вот я, когда, или, когда у меня ученики тоже были... Эти... немцы с Поволжья, из-под Ленинграда. Вот их дети тоже <...>. Были литовцы, латыши. Латышей тут немного было, больше литовцев было. Литовцы, немцы в основном. Ну, литовские семьи, там тоже некоторые образовали тут семьи, остались. А потом, когда разрешили им же вернуться на родину, они уехали вот.*

Литовцев тоже много было: и семейные, и одинокие были. А которые здесь семьи завели. У меня, например, коллега учительница была, да она и сейчас живая – Валентина Ивановна. Вот у ней муж литовец был. Был выслан тоже как раз. Жил, работал на тракторе.

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Анны Константиновны Заборцевой 1931 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

21. *Вот в тридцать седьмым году признали врагом народа, и у нас угнали много людей, что то ни враги народа, в тридцать шестым – седьмым, вот так. И пришли беженцы, их имали.*

Я помню, у Ванчиных в амбар посадили четверых. Ну а чё?! Люди хорошие они же ведь, не то что какие-нибудь тама-ка <...>. А не то что варнаки, хулиганы какие или кого убивали оне, люди шли хорошие.

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёклы Иннокентьевны Брюхановой 1921 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 223–224.

22. *Я-то родилась в Алёшкиной. И потом нас в тридцатом году раскулачили. Мне вот два годика было. Обобрали нас и потом перегнали в Окунёвку. Десять семей было <...>. Мы ещё тут с Алёшкиной до Косого Быка пятьдесят шесть километров. Нас-то чё, везли-то недалёко <...>.*

[– Афанасия Ивановна, баба Маша рассказывала, как приехала сюда? – Собир.]

Ну, так вот их просто знали, как ссыльных. Безо всякого разбору, не пускали на сани, не садили их и ничё даже, пешком за санями.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Никулиной Афанасии Ивановны 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 284–285.

23. С Поволжья немцев в сорок втором или в сорок третьем году ссылали. С Поволжья, я помню, зимой. Много, ой, как их шло! У меня друг, друг немец был, вместе учились, вместе играли. Через дорогу с нами жили <...>. Потом мы их стали жалеть, вот так же кормить, всё носить: то картошки, то мяска, то молочка, то простоквашки, то это... А потом они обжились.

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пономарёвой Матрёны Тимофеевны 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 199–200.

24. У нас свёкр, его раскулачили. Он жил в Абанском районе в этой, в Плахиной. Ну и вот. Построил дом там, у его там родня была. Он так-то здешний был, чё-то не поглянулось ему здесь, поехал туда, в Абанский район <...>. Ну и его раскулачили. Выгнали из дому. Выгнали из дому – он приехал в Карабулу. Вон за речкой дом, он построил его. Как кулаченный живёт. Он пожил токо один год, ешию перегородки ничё не сделал, токо печь направил – его опять раскулачили <...>. Не одних их оне раскулачили. Семей, однако, десяток раскулачивали. Семей десять раскулачили. Тряпки все распродали, выгнали – они по баням жили. Огололи их, пальтишки и те продали. И сослали на лесозаготовку. Там кулацкие все семьи жили.

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Марии Вуколовны 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.3. С. 313–314.

25. [– Были у вас в деревне ссыльные? – Собир.]

Были, как не было, были. Доктор был ссыльный. В очках-то, как его был? Ещё, знаете, какой доктор был! От Бога был доктор. А какое у него образование, кто его знает. Во всяком случае, он возглавлял эту больницу, стационар.

[– А были нерусские? Эстонцы, литовцы, немцы. – Собир.]

Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было. И немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев.

[– С местным населением у них были нормальные отношения? – Собир.]

Нормальные. Да еще какие трудяги были. Колхоз-то на них и держался в основном. В колодках, в деревянных. Они все, литовцы, в деревянных колодках были. Я, как сейчас, помню их. Обувки не было, колодки деревянные из дерева выдалбливали, в них ходили. Что сумеет намотать, штаны какие порвались, холщовые, так наматывает, а нет, так нет. Так и пошёл. А их как на кладбище везли-то. Они здесь померли. Их чёрт-те знает, сколько. Ужас, сколько померло людей! Это сталинские времена. В этом отношении не вспомнишь хорошего ничё.

[– Жалели ссыльных, которые умирали? – Собир.]

Конечно, жалели. Жалело местное население. Чем могло, помогало. А чем помогать-то? У самих все голодные, как волки, были. Чем помогать-то? Но всё равно поддерживали. А их очень много умерло здесь. И, наверное, больше литовцев даже, чем немцев умерло. Хоронили тут помногу. Ни одного покойника не увезли отсюда.

Записано в д. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 2012 году Фельде О.В. от Ивана Дмитриевича Кулакова 1938 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

26. Нет, это до войны не было, после войны токо што присылали, поляки были. Кода мы жили, то поляков привозили, ссыльные были. Но те как то хорошо высылали и перины, и подушки привозили, а мы ехали голые. Вот на лошадку посадили, на сани так, и отправили, а куда везут. На Ангару тогда привезли. Потом на Муру, потом с Муры на эту, подальше колхоз организовали, километров 8 от речки от Муры, а речка, где мы жили Имба называлась. Ну, вот как Артюгинко у нас небольшая.

Записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Анатолия Степановича Брюханова 1928 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

27. [– А ссыльные были у вас? – Собир.]

Инф 1.: Ссыльные были.

Инф 2.: Ссыльных-то гнали. Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссыльный был, Родя, тоже жил такой мужик хороший, тоже привезён был. Не воровал, ничё. Уехал вообще он там, в другую деревню, и там милиционер, забыла как его звали, работал в Паново.

Инф 1.: Усольцев.

Инф 2.: *Усольский, Усольский. Забыла, как он, Митроша, Митроша звали. Заставил мужиков сам этого Родю утопить в полонне, рьяка-то стала, еще не совсем замёрзла, его живого утопили.*

[– Где утопили? В полонне? – Собир.]

Инф 2.: *Да, полоння.*

Инф 1.: *Река стала.*

Инф 2.: *И так не замёрзла, незамороженный был ещё. И вот они его утопили.*

[– За что утопили? – Собир.]

Инф 2.: *Вот чё-то не понравился. Вообще ничё не делал, не ругался и не воровал никакой. Этот мужик захотел его утопить, его этого. Он ссыльный, привезённый был. А потом этого милиционера-то увезли и дали тюрьмы, и не вернулся, там его задавили. Живой не вернулся с тюрьмы. Вот так, хулиганства не было никакого у нас, всё было нормально, хулиганства не было. Ссыльных везли, гнали, которые оставались, а которых дальше, не знаю куда их угоняли. По деревне у нас, по улице гнали зимой.*

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2015 году Фельде О.В. от Лукерьи Тихоновны Зарубиной (Инф.1) 1926 г.р., Зои Андрияновны Захряпиной (Инф.2) 1926 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

28. [– Наверное, много ссыльных было? – Собир.]

Там все они и были.

[– Лагерьей много здесь было? – Собир.]

Ну, они как жили, так как.

[– Обижали иногда? – Собир.]

Часто можно было убежать, а туды куда зимой – мороз, летом мошка съест тебя, лодок нет, на чём? Вот с Муры, у нас 8 километров гавань была. С Мура справляли по большой воде лес и гавань тут.

[– А как они жили? – Собир.]

Ну, всяко то. В каждой деревне. Когда литовцев сослали, три барака их там было. Их там как этих, как мух, как мошки, напихали в бараки. И вот представьте себе, их сослали себе, у них уже малированные эти баки были. Их привезли, на берег высадили, вот такие баки и марли были. Вот на сколь мы отставали от них, вот так подумать.

[– Ну, наверное, не у всех же были? – Собир.]

У всех. Да. И вот они там, в лесу, помню, эту фасоль посадили, ну там сколь, ну там... А мы же везде бегали, у литовцев гороху. Ну, сходили, чё, надо

было попроведовать, а мы нарвали и убежали. Мы выпросили всё, хе-хе, бежали везде.

[– А немцы были в этих краях? – Собир.]

Ленинградцы были. Мама мне рассказывала, у нас жили.

[– А что рассказывала? – Собир.]

Ну, ленинградцы вот были, потом чё-то они быстро уехали. Мама рассказывала: у них там две женщины, двое ребятшек были что ли. Хорошие, говорит, были, чёрненькие были, таджики или кто там. Да всё было, всякие.

[– То есть, здесь ссылались. Но жили дружно? – Собир.]

Да, в деревнях-то дружно, боле менее, помогали там. Вот такие дела.

Записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Николая Александровича Колпакова 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

29. [– В вашей деревне жили только ангарцы или ссыльные тоже были? – Собир.]

А всякие. Много народу было.

[– Что-нибудь про ссыльных не помните? Как они себя вели? – Собир.]

Ну, как себя вели... Литовцев, латышей вот этих я ещё помню, ну. Ну чё, обращались с ними хуже. За людей не считали.

[– Правда? – Собир.]

Да.

[– А местное население как к ним относилось? – Собир.]

Да, нормально. Даже это, милиция вся, эта строго было.

[– Помогали им? – Собир.]

Да. Они даже с маленькими ребятшками ссылались сюда.

[– Когда они уехали отсюда? – Собир.]

Ну так, постепенно, помаленьку съехали.

[– А на местных они женились или нет? – Собир.]

Есть. На русских женщинах женились, они здоровенны были. А женщины то как были, ха-ха. Здоровые были.

[– Работали нормально, наверное? – Собир.]

В лесу, на лесозаготовках, в основном. Тогда молотили, снопы были, работали за картошку.

Записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Николая Александровича Колпакова 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

30. [– Ссылных, наверное, много было? – Собир.]

Были.

[– Украинцев не было? – Собир.]

Были. Были с Запада, были у нас.

[– Что это за народ был? – Собир.]

Такие бы, что и карманники, и там бяз ног были, и с одной рукой, и всякие были. За что их, таких, обижали? Неплохие. За одного ссылного мне тётка вышла замуж, а он как бы полномочным, Валеркин-то отец.

[– Как к таким относились кежмари? – Собир.]

Относились они неплохо, неплохо относились, не обижали. У нас потом ссылный был. Как же его? Гурьев. У нас всё отцов увозил в лес, на охоту. С одной рукой был. Он, бляха, на лошадях был с одной рукой. То ли он горел, то ли чё-то, я как-то не помню. То ли лицо все обгоревшее такое было прям...

Записано в г. Саяногорске в 2013 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) Николая Ивановича Казакова // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

31. *Иван-то Лемке такой крепенький, как стопочка.*

[– Да, да. Крепенький вообще, живой, здоровый такой. Прям хорошо всё рассказывает. У него, конечно, судьба интересная. Он и в Германии был, и в Голландии, и с Украины сам как бы. И вот сюда попал. – Собир.]

Так ссылный, их, наверно, тогда ссылный. Спецпереселенцы, наверно. Их тогда много-много пригнали.

[– Вы тоже их много тут видели? Ну вот говорили, что на плоту немцы были, да? – Собир.]

Ну, это на плоту, допустим, там бригада, там один два. Так как, ну, бригада набирается. Такие же люди, только вот по-немецкому говорят, такие же люди, ничё ни это.

[– Как они с местным населением общались? – Собир.]

Нет, вот знаете чё, когда мы работали самое. Все были дружно. Никто никогда никого не дернулся, не обозвал ничего даже-даже как-то мы дружно.

[– Он сам говорил, что с ним хорошо относились. Всё было хорошо. – Собир.]

У него был друг этот Лемке, тот был Эннер Иван.

[– Тоже немец, да? – Собир.]

Тожже немец был. Ну, как-то этот только все улыбался, а тот всё даже так это. А у меня подружка была, Фридка, немка, значь, ну. Она мне даже учит это, по-матершинному, по-немецки. Ну, я говорю, это я же не знаю чё говорю. Она говорит чё такое, она говорит: «Добрый день». А почему чё-то по-другому,

ну, ведь по-разному немцы там туда-сюда. Этот Эннер, не Лемля, а Эннер этот: «Лидя, ты знаешь, чё говоришь? – По-немецки скоро с вами буду. – Да она тебя материться учит. – Да ты чё?!

[– Немцы женились на русских девушках? – Собир.]

Так много женились.

[Они же обрусели. – Собир.]

Обрусели. Потом даже это, вон Лемля, вон как чисто разговаривает, даже не подумаешь же. Женились много так, но не то шоб шибко много. Не обижали и нормально, всё хорошо.

Записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Лидии Николаевны Скурихиной (Бурнашовой) 1927 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

32. Да, в телеге запряженная корова, и вот, я вожжи, суды сижу, от колеса-то корове, я думала всё, всё я уже. Камень лежал большой, она как-то к этому камню и вожжи натянулась. И я... Как она этот камень стукнула, я, наверное, метров три отлетела из телеги, вожжа мне в ногу заплелась. Тут увидели у ворот, ой, наверное, все, все, вот. И на быках ездили, этих посылали... как... ну, немцев туда всё высылали, увозили.

[– Пленных что ли? Или поволжские? – Собир.]

Ну, немцы. Как высылали, по деревням их рассылали, и вот у нас Рая была, у ней двое ребятшек было. Тоже одеть, ой, зима, холодина. Она вот возьмет, на двух быках едет по силос, ну, наверное, до речки два километра, ну и там три километра. Вот надо накласть эти два воза и ехать, а быки ведь рысью не побегут, шагали тихонько, и вот как мы все говорили, как она терпела.

[– Холодно было? – Собир.]

Ну, так, сорок градусов мороз, поезжай, всё равно езжай, льгот не было.

[– Она была немка по национальности? – Собир.]

Немка, а волосы хорошие были. Она в яму сядет, на быка, запоёт, в деревне слышно было. Вот так и жили.

[– Вот этих ссыльных жалели? – Собир.]

Ну как, конечно, жалко было всех. А потом мы этих, стали их высылавать, ну, проституток, между прочим, только как их звать я забыла. По деревням тоже посылали.

[– Это в какие годы? После войны? – Собир.]

В войну ещё.

[– Откуда их привохили? – Собир.]

А где... я не знаю, откуда их привозили. Я тоже животноводом была, ну чё, их привезут, будешь вот так управлять, а мне надо к машине идти, к дояркам. Убежишь, придёшь – они уж убежали, уйдёшь. Придёшь – они на печи. Дали им дом, вот как тебе сказать... Вот я этот... рытвина-то была в деревне, знаешь?

[– В Иркиннеево? – Собир.]

Да, вот она сейчас и там это... возле этой рытвины. В деревне чё, был дом, вот их в этот дом поселили, вот они там. Прибегаю – они на печи, ребяташек полон этот... Ну, я опять начинаю: «Пойдёмте, пойдёмте». Опять созову, всё равно прогоню: «Ребятишки уходите, ради Христа. Вы по чё приходите, вы чё...». Ой...

[– Зачем к ним ребятишки, парни ходили? – Собир.]

Парни, парней-то кто, пацаны. Добрых-то парней не было, а пацаны эти, подростки, ох.

[– Куда потом делись эти женщины? – Собир.]

А куда... я не знаю. Их, по-моему, опять куда-то увезли. Председателю стали жаловаться, что они ничё не делают и увезли. Ужас был, что не видели.

[– Красивые были женщины? – Собир.]

Ну ничё, хорошие женщины были, такие самостоятельные. А работать не хотели, тунейдки. Тунейдки, так и говорили тунейдки.

Записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Василисы Григорьевны Толстых 1924 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

33. [– Было много немцев в ваших краях? – Собир.]

Много было. С Волги в 43 году сюда их, очень много здесь.

[– Как они себя здесь показали? – Собир.]

Ну как, они жили. Все работали. В первое время жили очень бедно, их в колхозы в основном. Они потом из колхоза стали бежать в эти предприятия.

Записано в п. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Ильи Александровича Турова 1933 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

34. [– В Заимке были ссыльные? – Собир.]

Да, были.

[– Ссыльные жили отдельно от всех или в домах, как коренные ангарцы? – Собир.]

Знаете, они не жили отдельно, но они сторонились ангарцев.

[– Почему? – Собир.]

А были намного грамотнее.

[– Среди ссыльных, наверное, было много «политических»? – Собир.]

Политические... Их развитость, их стремление вернуться назад. Всё-таки трудности... Ну, народу... Знаете, не сказать, что он был тупой народ, нет. Но он был самобытный, трудолюбивый. Понимаете, со своим языком. Это где же вы найдёте!

[– Депортированные были в вашей деревне? – Собир.]

Были, были депортированные. Ну, русские из таких крупных городов.

[– Немцы были? – Собир.]

Ой, немцы-то были. Много было, много. Это волжские немцы. И они, надо сказать, много хорошего дали. Ну как, они... были как-то насколько-то выше в своём развитии. Во-первых, они прекрасные сельхоз работники. Т.е. они знают, как обрабатывать землю, как это всё. И они культурнее нас, и выше, выше, в чём-то выше. Но жизнь нас всех объединила. И я заканчивала школу в 58 году, и в нашем классе были немцы, и они прекрасно учились. И мы прекрасно дружили.

[– Как к ним относились коренные жители? – Собир.]

Ой, любили друг друга. Знаете, вспоминаю, что мы в деревне Заимка жили рядом с немцами. И, знаете, как-то сумели... Немцы – это вот с Волги, и были рижские немцы. Представляете, с Риги, вот с Прибалтики. Они привезли с собой прекраснейшую посуду и альбомы прекраснейшие. И я была знакома. Рядом жил министр, какой-то министр из Латвии. Вы, знаете... И я... У нас когда гуляли, у нас ничё не было. Мы таскали вот эту посуду, и я её мыла неизвестно как. Вот и они были дружелюбны. Их медсестра наших лечила.

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2016 году от Антонины Андреевны Скотниковой 1941 г.р. // Из архива автора

35. *А немцы-то, дак во время войны их же сюда эвакуация была, в Сибирь, на Ангару. А народ-то боялись же, что это немцы. Их из Красноярска поездом, а сюда на илимках привезли, катером-тягачом. Осенью привезли, перед заморозками, мама рассказывала, ой, их никто к себе не пускал, немцев, боялиша. А маме-то жалко было. Тятя у нас был руководящим. И говорит:*

– Меня, – говорит, – посодят, если ты, – говорит, – примешь их.

Дак мама, знаете, ночью таскала имям еду. На берег унесёт, покормит. А потом их расселили по домам по кулацким. Кулакох раскулачили, отобрали у их дома, и в эти дома немцев поселили <...>. Везде порасселили их. К зиме-то. А исти нечего было, картошку уже выкопали. Оне ходили по полю, мороженую картошку собирали <...>. Потом оне начали работать, не имели к нашей жизни-то приспособление. Но оне трудовики, немцы-то, работающи, оне много очень знали, готовили всё. Приготовлення у них хорошие. Я хорошо помню, здесь начали варить патоку свёкольну, на Ангаре.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зинаиды Ивановны Баковой 1943 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.1. С. 112.

36. По домам ходили здесь. И пускали, ночевали. Которы на печи, везде это кладут. И по домам жили которы. Вот Пушкин всё ходил здесь Малай ходил <...>.

А он тоже какой-то был, сосланный какой-то был. Да чё, придёт, и угоишали. У него пальцев не было. Ссылный был. Но он не вредливый был. Но он здесь жил, здесь и умер. Один жил. У него мешок был, и там, говорят, была Библия. И он этот мяшечек никуда даже. Зайдёт в избу, ему дадут там хлебца или чё-то. У него это мяшечек был холишовый такой, кошелёчек, как кулёчек, и он через плечо всё время носил. И говорят, что у него (я, правда, не видела, а говорят), что у него была Библия.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых 1938 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 413.

37. И вот, родна моя, сколько таких случаев было – у-у-у! Народ тогда шибко выдушивали. Мы-то ещё не первыми были пригнаты, нас раскулачили и сослали, а кто первые-то кулаченные приехали-то, говорят, вот их на болота бросили, под голу сосну, отсюда двадцать пять километров как в Червянку ехать, там дорога была. И вот говорили, что на болото на это угоняли этих людей первых-то, и мучили, говорит, по-всякому <...>. Вот наши-то, ангарцы-то, не первы были. А вот кто первые-то были сослаты, я говорю, вот бабушка Маша рассказывает, как они на Подшивере за Дворец их вперёд туда пригнали.

Это вот Панова Лизавета Ивановна вот рассказывала, их с Пановой, с верхних деревень, за Кежму-то пригнали, так опять ведь это прямо в Берёзово, гыт, туды высадили тоже там (Берёзов – остров, это у нас остров такой большой был, мы с Дворцом-то мы на этом острове косили вместе, Косой Бык одну сторону, Дворец – другую сторону), и на ту сторону-то реки как раз, и вот там их тоже, говорит, вот так же высадили, где-то пригнали, ну, вот в лес, что погибать, так погибайте. Как вредители какие были!

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Афанасии Ивановны Никулиной 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.9. С. 243–244.

38. Здесь много было выселённых, но больше литовцы. Литовцы, немцы были у нас. Кладбища их были. Литовцы всех своих родственников всех вывезли. Последние у нас были, вот они в двухтысячном году последние уже приезжали, в Косом Быку было захоронение, литовцы были захоронены. И у нас, и в Балтурино были захоронены, ну, в Балтурино они раньше увезли, а приехали они в Косой Бык и забрали останки своих оставшихся. А в прошлом году уже вывезли кладбище, переселили с Косого Быка и увезли у нас кладбище тоже. И мы сейчас как у разбитого корыта.

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 2012 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Надежды Николаевны Рукосуевой 1954 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С. 56–57.

39. А в сорок седьмом году сюда привезли литовцев, эстонцев – ну, вот этих высельных. Летом привезли на катерах... Литовцы, эстонцы. Сюда-то их привезли. Как у нас в тридцатом году было, так и там <...>. Привезли вот, какие здания были пустые, забили всех. Ну, они на Косом Быку жили много, потом здесь работали. Их много было. Ой, их сколь их померло, Боже мой! С того климата да в наш климат-то. Они приехали, у них эти колодки – обувки-то деревянные были. Тяжело было им. Помногу умирали. Недоедали, трудно было жить.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Степановны Кокориной 1930 г.р., Анатолия Семёновича Кокорина 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С. 114.

40. У меня свекровка, она же немка. Это в сорок первом-то, их же всех выселили их Саратова. Война началась, и пришёл приказ, что немцев всех с Поволжья убрали. Ну и их собрали всех, говорит, посадили на поезд, и вот тринадцать суток везли, гыт, в телятниках. Теснота, говорит. Вагон набитый, по семьдесят семей в одном вагоне <...>. С Климиной-то их увязли в Говоркову. А с Говорковой на Новый год всех на сани, у нас, гыт, у мамы-то четвёро было детей, баушка семьдесят три года тоже, и вот в такой мороз привязли в Сыромолотово. И вот с этих пор оне все вот тут и жили <...>.

[– А как местные их встретили? – Собир.]

Местные? Немцы да фашисты всё были оне. О-о-ой, всяко тоже, презирали всё время. У ней брат был Ваня, он уже пацаном был, а чуть где не ладно, обзывали всё время:

– Немец, фашист!

А оне ведь жили на нашей земле, на Волге. Там таки колхозы были, всё было! Собрали всех, и всё, и сослали <...>. Ой, тут, тут много беженцев было. Ой, вот Валя Глявише здесь вот живёт, потом Руби были, я уж и забыла тоже, ешишо каки-то, ну, полно было тут, Герцог были, оне все потом уехали.

Записано в с. Сыромолотово Кежемского района Красноярского края в 1987 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ирмы Ивановны Кулаковой 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2007. Т.2. С. 424–427.

41. [– А где девчонки женихов искали? – Собир.].

– Девчонки жанихов искали, я помню, вот... была какая-то 58 статья здесь... Вот за них выходили. Ну, а как... У нас вот Мотя здесь, соседка, вышла, он очень был хороший. Галья была. Она тоже, это... как его... Как его звали... тоже вышла... тоже хороший был мужик! Да много было, они все... Потом леспромхозы строились, они там на времянке были, лес вывозили на времянке и туда выходили... В Овинный кто уезжал, Пинчуга строилась, и туда уезжали, ходили. Ну, не все же были какие-то там воры или бандиты!

Их много было. Они работали. Раньше туда вверх по... Тингонец был, там тоже был участок, леспромхоз. Там была паякарня, магазин, клуб. Туда с концертом ездили ешише.

Записано в д. Иркинеево Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Анны Максимовны Скурихиной 1927 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

42. *У нас два старичка бескрышные жили в Пановой, оне сосланы были. На берегу их подобрали. Оне беглые у нас ишшитались. По баням жили. Бани протопят, там вымоются, хозяин-то, – оне в тёплой бане ночевали. От одного к другому ходили.*

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрены Тимофеевны Пановой 1925 г.р. / Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2008. Т.3. С. 284.

43. *А вот тут дом был, дом на четыре ската, тоже раскулаченные жили там. В одном был клуб, а в другом – сельский совет. И как загорело... Два дома сгорели. Это я уж помню, уже маленькая была. Был клуб, и, видимо, там или печку топили, или чё там такое, что загорелось всё, и оба дома рядом они, недалёко. Также, наверно, родственники были, может, братья или кто? Жили рядомком.*

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края 1998 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зинаиды Ивановны Плаутиной 1936 г.р. //

44. [– А беглых, Анна Николаевна? Какие-нибудь беглые, ссыльные были? – Собир.].

Ну, ссыльные, конечно, были.

[– Были ссыльные? – Собир.].

Ну, у нас кто там? Ну, Орджоникидзе вот он был. Это вот посёлок сейчас Орджоникидзе называются. И ещё был. Как он был? Он тоже грузин, однако, был.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Мутовиной 1922 г.р. //

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 358–359.

45. *А там бабушка Тарашешница была, она ссыльна была. Тарашешница, татарка, была. Тоже сослана была. Она умела налаживать.*

– Но пошли, баушка, так и так, у меня корова оступилась дойти.

Леший приводил бабушку Федосью. И потом та пришла. Коо она делала? Кругом корову обошла, кругом корову обошла, и мама даже не заметила, чё? Корова восстановилась. Доить стала опять. Мама ей сказала:

– Ты близко ко мне не подходи!

– Дак а я, – говорит, – чё сделаю? Я не специально. Чё я сделаю, что я така?

[– Федосья-то эта, да? – Собир.].

Но. Она сама замечала, что у ней тяжёлый глаз. Но многи обижались.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Кондратьевича Рукосуева 1932 г.р. //

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 203–204.

46. *И вот я в дойках как была, нас шесть человек, девок шесть человек: Лиза Адамовна, Катя, Наташина мать, Катькина мать. Вот эти вот немки, оне замужем были. И три девчонки были с ними. Оне хорошо с нами. Всяки же, и оне тоже всяки были, немцы-то. Там вот оне в рыбалке, здесь бригада была рыбацкая на Курейном, на острове. В Курье ставили там ловушки всё и добывали окуней. Эта бригада была специальна, эту рыбу давали колхозникам, возили бочками. Так, конечно, заругаются на немцев на этих:*

– Э-э-э, вы фашисты! Надо было вас давно уж убить!

Мало ли бывают вот так. А у нас в дойках хорошо девки с нами, хорошо относились, и мы к ним. Раз она хорошо, а зачем мы будем к ним лезти-то, езли они хорошо. У нас Катя дойкой была старшей, мы её как-то слушались, и ничего, что и девчонками были. Она умела с нам как-то разговаривать. Чё, мы ешио девчоночками, коо, и поиграть охота, и поспать, и убягали, и всяко тоже было, что неохота было на турнеп идти. На доенку-то ходили, боялися.

А ездили на гребях на себе, на Коровой надо ехать, на остров-то. Съездим, а в серёдку день надо идти. То убяжим куда-нибудь, то коо... То там стога были, оставалися, мы туда лягем отдыхать-то охота, а она нас подымат-подымат:

– Идите, девки, идите!

А мы тоже, ну чё, известно тоже, и она понимала, что тяжело, всё равно – куда дяваться-то? Заплачет, а нам опеть её жалко станет. Она не знат, кого сделать-то, она заплачет. А нам жалко её станет, мы опеть пойдём, опеть работаем, ладно-неладно. А так хорошо она с нами относилася, тётя Катя вот была там, она хорошо.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края 1999 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой 1935 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.14. С. 177–178.

47. В Яркино, до колхоза ещё, жили по единоличеству. Руками сеяли и убирали урожай, пшеницу вырабатывали, потом мололи, на речке жернова ставили. На речке вот этот сам перегородят – жернова, и муку мололи тоже там. Водяная мельница была, водянка. Где водяна, где вручну, так крутили.

[– А до коллективизации там долго жили? До этого раньше кто жил? – Собир.]

Там же жили только таки, как ссыльные. А потом они там как-то и поженились, да и детей расплодили.

[– А кто их сослал-то? За что? – Собир.]

Которых раскулачили. Я помню, с двадцать девятого года их сослали по раскулачиванию. У нас в Яркиной вот, нас раскулачивали в Яркиной тоже, местных. Местных раскулачивали <...>.

[– А три дедушки-то жили вначале, у них жёны были? – Собир.]

У моего-то дедушки, однако, ешио не было, а у тех-то были жёны.

[– Это была большая семья? Общая? – Собир.]

Общая была. У них отец был Ульянов (я его не знаю, это по рассказам), Ульянов был, тоже сосланный.

[– Ваш прадед? – Собир.]

Да. Он тоже был сосланный, Ульянов этот. И вот он, я не знаю тоже, у них, с жёнами приехали они, аль откуда они взялись.

[– Они вместе вели хозяйство? – Собир.]

Всё вместе они были. Ну, там хозяйство-то... и коров никого у них не было, охотой занимались. Но, тогда они охотой занимались. А потом уж коров как-то стали иметь, лошадей стали.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Кондратьевича Рукосуева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.

Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

Т.15. С. 287–289.

48. [– А как привезли немцев? На берегу высадили или сразу в часовню? – Собир.]

Нет. Их сразу в часовню сюда всех, наверно, сгрузили. Так у них мало, здесь-то не умирали, а, говорят, дорогой умирали. Вот у меня у сватовъёв-то, Ваня-то у меня женился на немке. Она уж не немка, Аня-то, только отец немец-то был, привязанный оттуда. Мать наша, пановская, но вот мать у ней пановская наша, и мать у ней наша, и здесь оне тутюшные, ангарские. А вот Лёня нам от как всё, он лучше намного, в сто раз, наверно, в тысячу раз лучше её. Да! Он хоть и немец, привязанный оттуда у Маруси. Добрый такой он, привязанный. Вот их, оне шли-то, Маруся, мать-то, ехали, когда их гнали-то суда, Ивана-то уже в армию взяли, и кто знат, где-ка муж-то, мол, убили его или коо ли, она почём знат. А их погнали суда, и она приехала-то с бабушкой, со свякровью. Она, Маруся, работала, их двое, а третья дявчоночка дорогой где-то умерла у них, говорит, а оне вот двое остались, Лёня и Машка, и Маруська <...>.

Я говорю:

– Валя, мы переживали, но мы хоть в клетушках в своих. А их-то пригнали, им нигде никоо, оне-то ешио больше нас переживали, оне-то тоже не виноваты, что там им зачем, Лёне, была эта война? Этих же, что отца тама-ка угнали или коо ли, им-то зачем она нужна была? Это там уж Гитлер, там уж какие, коо они там задумали. А им-то зачем?! Хоть и Марусе, зачем ей должна была война, там убивать ли кого ли. Всё оставляли – их гнали. Всё равно переживали, ведь всё оставили и приехали душой и телом. Коо-то жили там, всё равно кто-то был: скот и всё и...

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 183–184.

49. У бабушки было шестнадцать животов-то, у бабушки моей. Двадцать два ребёнка, двойнишата ешио были. А в живых четыре. Мы жили в Косом Быку. Туда всех раскулаченных всех сваживали. И мы тоже кулаченные.

Записано в с. Болтурино Кежемского района Красноярского края в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Степановны Кокориной 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 146.

50. Вот тут к нам во время войны немцев-то приганивали, и вот к нам (у нас зимовьё было) приехала бабушка-немка с матерью. Она сама бабушка уж, эта немка, и мать ешио (сто лет уж ей было), и вот они с книгой со своей приехали, с божественной же. И вот мы с ей по душе говорили. Она говорит, что мы вашу книгу... мы не имеем права подчиняться, вы нашу книгу немецкую тоже не имеете права. Это, гыт, большой грех. Бог каждому отдельно всё это написал, по языкам, и каждый должен своё сочувствовать. И вот сейчас вот люди у нас ходят, все поразному, это уже они, это, как говорится, в чужого Бога веруют. Это ни к чему, это грех <...>. Вот у этих бабушек, у немков-то, которые жили, у них креста тоже ведь не было. Вот я только помню, что вот тоже такая же обыкновенная книга, написано по-немецки, не по-русски. Но они-то читают по-немецки-то, и поют так же, и мотив-то тоже такой же, как, допустим, как у русских мотив. А вот верить нельзя нашему русскому человеку. И им, немцам, в нашу книгу тоже верить нельзя: грех. Бог, говорит, он один (она по-русски-то мало-мало разговаривала), он, гыт, один Бог, но каждому поразному распределёно.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Кондратьевича Рукосуева 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 264–265.

51. А семь лет мы там. Семь лет прожили, потом поехали сюда. Сюда приехали, здесь были одне ссыльные, на той стороне. А здесь был Шарыпов. Он один здесь жил. Ну, мы там не остановились, а вот сюда приехали. А вот на этом месте, где я живу сейчас, тут была такая зарось, вот. Вы видали, как конопля растёт? Вот такая зарось была здесь! Корчевали, всё вырубали. А комаров! Ой! Ужась чё было! Здесь вот эти, которы ссыльны были, они с конского волоса сетки делали. А мокреца этого было – ужась! Задавлял. А мази никакой не придумаешь, ничего не было, кроме дёгтя. Его напачкаешься, ну, до чего он вонит, хуже чертей, дёгтем этим. И сетку, и сетка помогала <...>.

Мясо, рыбу продавали, излишки, продавали всё вот этим ссыльным. Ссыльным питаться надо чем-то. Вот им. Да продавали тоже там по дешёвке. Но всё равно. На куль муки денег насобирали, купили. И вот так жили.

Записано в д. Бурный Мотыгинского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Петра Петровича Семушина 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2015. Т.17. С. 288–289.

52. А у ней здесь дяди были вроде, у мамы-то, и вот говорили, что хлеба много было, и тятя пошёл сюды. И вот мы пришли. А хлеб-то у них выгребли на сдачу колхоз, и мы обратно пошли. Нас уже не пускают дальше-то, потому что кулаки. И мы поэтому пошли обратно <...>. Мы пришли в Простихину, мы опять ходили по чужим дворам. С год, наверно. А потом плотбишие открылось по этой речке, Пашина-речка, за тридцать километров плотбишие. Ну и мы пошли туды. И там мы прожили три года. Там стали хлеб давать, и мы там и жили <...>. Приехали во Дворец обратно и в колхоз зашли. И тятя дали дом, дали нам корову потом. Мама у нас померла. И вот мы потом одне и жили. Это шесть лет мы одне жили. И потом, когда тятя пошёл в Покову от нас, хлеба чё-то худо было тожно. А кулаков же пригнали полно их. Стало вот это всё, катавасия. Но и вот. Он пошёл, а мы остались вдвоём с Колей дома.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Арины Дмитриевны Гуржей 1917 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 183–184.

53. Вот у нас жил у дедушки, в ограде, ссыльный один, без ног, с одной ногой, у него нога одна была, друга – деревяшка. Он чужой человек совсем, он... Откуда он сосланный был, Бог его знает. Так он, ёлки, как нас выручал! Потом вот я на комбайне работал, он там у Фролов всё время жил, так я ему благодарностей скоко давал, он всю дорогу нас... Он хлебом торговал печёным, ну, он выдавал, и всегда какой-нибудь, краюшку ли чё ли, всю дорогу нам подаст – всё время давал, выручал...

Он из-под Москвы где-то, там у него тётки в Москве жили, всё время тоже посылали посылки, то-сё. Где-то он... Мужик был грамотный: он же и считать мог, счёты, всё это, потом продавцом последнее время работал... Он с одной ногой был. А потом он умер, но в годах он уж скончался, он всё у дедушки жил, он до-о-олго жил...

Тогда там много было ссыльных, потом ещё какой-то один поляк жил...

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василия Александровича Привалихина 1934 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 376–377.

54. *Вот у нас от в Косом Быку, где кулаки состроили, там болото было восемнадцать километров от Косого Быка в сторону, в лес. Скота там пасли, молодёжь была. И вот Мартынов кругом озера выставлял и:*

– *Прыгай!*

Если не прыгаешь, значит, подходит, соседнего:

– *Толкай!*

Друг друга толкали в болото. Топил. Там костей скоко было! Косой Бык. Сперва с Дворца гнали в Проспихину, с Проспихиной в Кодинку. Кодинка же она, тоже спецпереселенцы делали её. Вот с Кодинки погнал он нас, гнал, гнал, Балтурин... прошли и к северу подняли, проехали, облюбывал место. Скала там была. Вот остановил:

– *Стой!*

Это был январь месяц или декабрь, мороз. Ночью. Ночь месяшина, говорят, была:

– *Всё, выгружайтесь! Здесь будет Косой Бык.*

Посёлок. Нас же вот Кодинка, значит, Косой Бык и Уяр. Это посёлки... переселенцы делали. Но у нас там дом отец срубил.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ивана Васильевича Лимерова 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 387–389.

55. *Ну, а потом я тут в леспромхозе работы очень много мне, это, награды.*

[– *Немцы всегда хорошо работали, они труженики большие. – Собир.*]

– *Но вот тут-то тоже один, он тоже лес это, на лошади тоже возил, а я сразу валил сколь годов, а потом всё тоже начал на лошади возить-то.*

[– *Иван Яковлевич, но отношение местного населения к вам было нормальное? – Собир.*]

– *Да-да-да. Это, ну, нас тока две посёлка – это Иркинеево и Бедоба, ну, што вы, я жил там 10 лет.*

[– *Ссылных много было? – Собир.*]

– *Здесь? А тут в основном много, как сказать, много были такие, которые в тюрьме сидели, а после тюрьмы вроде какой-то 5 лет высылка.*

[– *Говорят, «химики» их называют, да? – Собир.*]

– Но, 5 лет. А потом были такие, много молодёжи было. Чё-то они там, видать, везде пакоснили, где городах, в Ленинграде тебе это. Их тоже суда, но они, как называлось, што они блатные были. Вот, вот с ними тоже опасно было работать, што один-то с топором налетел на мастера, на это же, где мы лес валили, это мастер, это... Он также с топором напал это, его...

Милиция потом забрала, это есть это, но. И Иркинеево они тоже, ну они хулиганы же были. В Иркинеево тоже к эти старикам привязывались, Они одного хорошо это били, за то как ударили, так и почти што все волосы сибли ему.

[– Это было сразу после войны, да? – Собир.]

Да-да-да. А потом там, видать, тут уже техника начался, трактора начали это, а потом наши это посёлок, который мы это, вручную валили лес. Возили на лошадях, они потом нас сюда это, перевели в Артюгино, вот.

Записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Ивана Яковлевича Лемке 1923 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

56. [– А были те, кто лес валил? Я знаю, что в леспромхозах много их было, этих людей. А как к ним местное население относилось? – Собир.]

– А местное население нормально, между прочим. Вот эти ещё колхозники были, эти старые. Они ещё как будто единоличники, они за своё. А так-то хорошо относились. Вот я помню войну. Ага. Войну. Там в Амуре участок был, два ленинградца были. Они видимо высланные, что ли были. Погибли при валке леса, погибли, и они вот захоронены в Гольтявино два мужика.

[– Их лесиной задавило? – Собир.]

– Да, да. Они пилили, валили лес пилой ручной и их убило. И этот гольворотчиком один Семёнов работал, на местном лесопункте. Его тоже убило деревом. Он в лесу там был, на гребке. Там вальщик валил и на него. Также, он тоже был по сути дела ссыльным. Между прочим, он писатель, как, не знаю, башкирский. В Башкирии что ли.

Знаете, какие здесь люди были. Здесь были, да. Люди были грамотные, были студенты, были ленинградские.

[– За что их ссылали? – Собир.]

В основном за это высылали. А вот этих, литовцы были, латыши были, эстонцы были, киргизы были, узбеки были, казаки были здесь, эти, молдаване были. Это после войны. Здесь кого только не было. А потом их ребелитировали. Они разъехались. Часть осталась здесь. Ну, в общем мало.

Я помню, этих власовцев сюда привезли. Они были в армии власовцев. Их после войны, их сюда сослали. Так они все поженились. А потом взяли и уехали, побросали женщин. Оставили женщин. И дети уже.

Так что здесь много было. Один был секретарь опкома. Не скажу республики какой-то азиатской. Тоже попал. Наш Богучанский район, по сути дела, образованный. Люди образованные. Мы, наверное, ещё образованнее, больше знаем, чем москвичи. Я приехал в Москву в командировку. Ага. В отдел сплавов захожу туда, значит, меня спрашивают: «Откуда?». Я говорю: «С Сибири, с Красноярского края, с Богучанского района». Ага. Он говорит: «А где это?». Ага. Пошёл по карте и говорит: «Ах, да, Енисейский бассейн, вы вон откуда». Понимаете, он не знает даже, где Богучаны стоят. А Богучанский район у нас был самый крупный изготовительный район.

Записано в п. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Ильи Александровича Турова 1933 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

57. Каторжанский лог, Дунькин лог есть у нас, он и есть Каторжанский лог <...>. А раньше же здесь всяки шли по Ангаре: и беглы, и бродяги, и каторжане – всяки прохожие шли... И раньше садили, кандалы-то надевали.

Вот тут дедушка с бабкой жили, у них была Дунька, девка. И шёл вот этот какой-то бродяжка и попросился ночевать у них. Их же пускали. Попросится.

– Но ночуй.

Жалко чё ли?! Ну и а утром так соседка пришла (сено надо вывезти), и Дуся-то рассказывают:

– Как поедешь, и вот так, вот так, дорогу-то рассказывают.

Ну и она запрягла коня утром и уехала. Уехала. И он пошёл, он всё это слышал. И он её там, пошёл туда, где она сено грузила, и он её там задавил на оборке <...>.

Ремешки-то... Вот на этом ремешке задавил её. И вот так потом этот и прозвали Дунькин лог – Каторжанский <...>.

Всяки ходили. А вот всё равно не закрывались. Раньше спали, двери не закрывали, нет. Не боялись.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ольги Петровны Соседовой 1917 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 343–344.

58. Инф.1: *Народ был дружный. В войну вы, знаете, один одного выручал.*

Инф.2: *И после войны долгие годы.*

Инф.1: *И после войны, да. В войну вот такой был пример: у нас ячмень папка с дедой посадили уже в 46 году, всё. Ячмень потом смолотили, и в кладовке стоял. А пришла вот эта полячка. Ну и она мешочек-то сбыла. Она его из кладовки как-то там вытащила. Папка говорит: «Ну, разве можно так похорошему». А вот эта бабушка, которая нас воспитывала, говорит: «Петя, Петя не тронь, она же кушать хочет». «Я понимаю, – говорит. – У меня ребяташки учатся маленькие». Что, ну всё-равно. Так он и не тронул муку, дал ей, и она ушла. Так что нет, хорошо было, хорошо.*

Никто их не притеснял. Они также наравне со всеми работали, со всеми жили. Не было раньше, что эвакуированные они, или какие: литовцы, латвийцы. Нет, зря баламутят их там сейчас. Зря баламутят, вы, знаете, это зря. Жили дружно. Знаете, они в геологии, латыши, литовцы, они здесь в геологии работали всю свою жизнь до старости. И никто их не притеснял.

Инф.2: *Дело в том, что получилось довольно таки странно. Вот они здесь работали. Они работали себе, пенсии, всё. И всё-равно в душе как бы вернулись в Прибалтику. Они приехали туда, а они там чужие. Вот у нас Камаевы уехали, муж с женой, они приехали в Западную Украину – всё, они там не нужны. Они их вот как. А некоторые повозвращались назад, сюда, вот в эту местность. Вот вам и ссыльные, и переселенцы. И пришлось ссыльным возвращаться туда, куда их сослали. Только теперь добровольно, по своей воли. Смена власти оказалась в этом плане не в лучшую сторону для таких вот людей.*

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Веры Петровны Андреевой (Инф.1) 1931 г.р., Таисии Ивановны Петровой (Бичёвой) (Инф.2) 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

59. [– Ссыльные – какие это люди? – Собир.]

Инф.1: *Ну, как сказать, разные люди. Были поляки, были литовцы, были вот... Украинцев я не помню. Эти, как они, чувашки, татары. Ну, может быть, там каких-то больше вот, я не помню.*

Инф.2: *Ну, они волжские народы, они как-то сильно не афишировались. Башкиры, удмурты – они шли и всё. Чувашки да и всё.*

Инф.1: *Знаете, вот Заречка, знаете, Заречка, где у нас? Её не было, там не было, редко – два, три домика было, а когда они приехали сюда, они начали домишки себе строить. И Мотыгино было только до кладбища. Тут дальше не было могил.*

[– Как ссыльные общались с местным населением? – Собир.]

Инф.1: Ну, знаете, местное население жалело всех, понимаете. Вот у нас, например, бабушка, когда мама была жива, заболела. Она взяла ссыльную с Белоруссии её сюда. Надо было её брата забрать, у него четверо детей. Так сослали её, она монашка. И моя мама, ещё живая когда была, они в Рыбной жили, а отсылали в Рыбную. Там всё: милиция была, вся власть в Рыбном. И вот, взяла она эту бабушка, она нас растила. Вот она говорила, она монашка, говорила: «Не дай Бог обижать людей». Вот она даже скорлупку, всё картошечку какую-то сварит. Пойду, отнесу вот этой полячке, там Дуня Сепёновна жила. Вот у Дуни Сепёновны поляки жили на квартире, ну, мать с дочкой. Они, это, нормально. Все люди помогали им. Помогали, местные жители помогали сначала, а потом они уже на следующий год сами какие-то избушечки, вот, Дзержинского-то дом. Там их много жило: поляков, и вот этих... из прибалтийских государств. Все они работали, все работали. И люди, как сказать, не было разницы, что вы вот сосланный сюда, эвакуированный, а я тут местный житель. Все вместе жили, все вместе. Помню этот кино вот так вот крутил нам. Пойдём – все люди вместе сидят. Этот даже был механиком из чувашей, один был механиком, работал в гараже. Ну, чё, ничё, работали.

Знаете, ещё много на Ишимбе было. Ишимба есть такой посёлок.

[– Это тоже Мотыгинский район? – Собир.]

Инф.2: Это Мотыгинский район. Это будет за Раздольным.

Инф.1: Там есть дома построенные, это тоже там ссыльные строили. Ну, они там сразу освоились: тайга, зверь есть, можно, ну, как зверь в смысле такой: заяц и ещё что-то. Вот, стреляли, жили за счёт этого. Лес заготавливали, лес – плоты были. Возили сюда в Мотыгино этот лес и его отправляли туда куда-то. Торговало государство.

[– Ссыльные жили рядом с местными? – Собир.]

Инф.1: С местными! С местными, даже не было разницы.

Инф.2: У некоторых на квартирах они как бы жили. Типа подселенцев. Договорились и всё.

Инф.1: Вот в Раздольном, дед-то тоже ссыльный, Иван-то был. Он тоже ссыльный. Они на квартиру их прямо сразу привезли в Раздольный. Они там молодые были ребята, их сразу тоже в лесной цех взяли, а потом завод там был. Ну, там не каждого брали, ну, брали и их взяли. Всё, брали и его взяли. А потом их отправили, знаете, куда – в Татарку. Геологи пришли уже. 47 год, пришли геологи, их отправили в Татарку. И много там. Были и украинцы там, как он рассказывал, и вот они с этого, дед-то с братом, и там были...

Инф.2: Греки.

Инф.1: Греки да там. Много было национальностей. Они там все вместе жили, трудились, работали. И он не говорил, чтоб они там напились. Люди

трудились, работали, строили себе домики небольшие и жили. Ну, топили, конечно, не электро, а дровами, печки железные. Им туда завозили железные бочки из-под бензина, и они из них строили себе, делали печки из железных бочек. Вот так народ и жил.

[– А какие-то свои обычаи, традиции ссыльные сохраняли? – Собир.]

Инф.1: Ну, знаете, я так бы не сказала, что у них традиции, или какие. Они тут как-то равнялись на местных жителей. Также по ягоды поехали, пошли в лес, все вместе идут. Дрова заготавливать тоже вместе, мужчины и женщины.

У нас бабушка ссыльная жила на квартире, водилась с нами. Мама умерла, она осталась. Не поехала никуда, её уже могли освободить. Она осталась. Она нас вырастила. Чё мачеха? У ней свои заботы, работа, а она уж дома хозяйничала. Корову мы держали, всё она помогала. Мы её и похоронили. Она вырастила меня и сестрёнку Олю. Вот Ольга Петровна выучилась, всё нормально было. Всё нормально, разницы не было. Это не только, что у нас жили вот, у всех на квартире.

Инф.2: В целом настрой был дружелюбный. Не было не понимания, что люди попали в беду, не злорадничали.

Инф.1: Да, да, например, литовцы, я вот знаю, латыши, литовцы в ОГРЕ работали, в ОГРЕ. Много было, в ОГРЕ работали. Никто не притеснял. Просто люди все дружили: и молодёжь, и старики. Никто не указывал, что вот ты ссыльный. Нет, этого не было. Распрей никаких. Все люди жили дружно, хорошо, голодно, ну, как говорится, сообща, вот так (Мт.: Мотыгино, 2017).

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Веры Петровны Андреевой (Инф.1) 1931 г.р., Таисии Ивановны Петровой (Бичёвой) (Инф.2) 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

60. [– Что можете рассказать про ссыльных? – Собир.]

Инф.1: А что про них расскажешь? Я как раньше слышала, здесь этого посёлка не было, как он начинался. Дорогу-то строили на тюремщиках. Кайла, лопата тоже. А кормили-то как. Говорят: «Не может идти – добьют и закопают». Наши эти родственники говорили, мамыны братовья. Они здесь до войны приехали, раньше ещё. А когда уже здесь в войну, здесь дороги тоже не было. До Мотыгино было, не знаю как добираться, где болото – настил деревянный был положен. Это уж когда дорогу-то выстроили. А то делали вручную. Где болотина – брёвна положены были и всё.

Но а ссыльных пригнали уже в войну. Ссыльные были, наверно, такие люди подозрительные: украинцы, больше с Украины. Ну, потом и такие, которые министры где-то были, што их сюда надо сослать. Не давали им.

Инф.2: *Литовцы, латыши были. Умных людей ссылали сюда.*

[– Они вместе с местным населением жили? – Собир.]

Инф.1: *Вместе в посёлке. Квартир-то не было им. А я не знаю, куда лошадей девали-то. Они жили, в этих, в конюшнях. Вот на конном дворе стояла конюшня. Там вот зимовьё было под Раздольным. Жили этим, а потом малость-помалость по баракам их распределили. А жили в конюшнях они. А мы-то жили потом уже там на ручье в своём домике. Их как привезли летом украинцев, семьям, с тряпкам. Дак они на ручей придут, доски эти поставят и стирают в холодной воде. А жили в конюшнях. Кирзавод там эти...*

Инф.2: *Киртич же нам тут делали. Киртичный завод был.*

Инф.1: *На кирпичном-то много будок этих было под кирпичи деланные. Там они и жили. А потом вот постепенно по баракам распределили. Кто свою купил, кто здесь построил. На Заводской же много тогда литовцев этих построили свои избы.*

[– Как местное население с ссыльными общалось? – Собир.]

Инф.1: *Я не знаю, нам всё равно было, как-то все. Не разделялись. На работе работали женщины молодые, девушки. И как-то всем весело было. Все смеялись, шутили. Мы там рядом жили. Как свои были, добрые люди были.*

Инф.2: *Ну, я говорю, у нас отец на лесозаготовке после войны отправляли, и вот этот ссыльный был тоже. Они в одной бригаде работали. И приезжали, кого-то одного отправляли, и дома уже знали, сообщали. Варили в чугушке картошку, двухведёрна, толкли, колобки замораживали и этот увозил туда.*

Инф.1: *Вражды никакой не было. Такие парни здоровучие были – литовцы и украинцы. Почему на фронт не брали – не знаю.*

Инф.2: *Литовцы, наверно, были, тоже ссыльные такие. Девчонки мы были, вместе играли. Вместе играли, на речку бегали и купались, всё. Вот щас наоборот различаем, больше, чем как раньше было.*

Инф.1: *Да щас и наши не дружные. А тогда я не знаю, никакой разницы не было. Такие женщины здоровые были: литовки, украинцы и немцы. Вроде плохого не было. Как вот они жили, конечно, много их в шахте погибло, побило. Не опытные же были. А которые тогда уже реабилитацию получили, они все кому можно, быстро, быстро все уехали.*

Записано в п. Раздолинск Мотыгинского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Марии Ивановны Лысяниковой (Антиповой) (Инф.1) 1927 г.р., Клавдии Фёдоровны Протопоповой (Стрелковой) (Инф.2) 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

61. [– Как в деревне относились к ссыльным немцам? – Собир.]

– Они очень хорошие были все сначала-то. Встречаем на берегу их. Они в каждую деревню завозили, сколько семей-то! Встречали их. С рогами их везли, рога у них.

[– Что значит с рогами? – Собир.]

– Ну, что, как представляешь, война-то пошла, что вот немцы, рога у них отняли, у немцев.... Эти женщины пряли, вязали.

[– В деревне для ссыльных ставили бродяжки? – Собир.]

– Бродяги приходили, вот у нас жили. У нас жил портной. Они политические были сосланные, и женились тут даже. Даже мой политический был кум и кума. Они поженились.

Дружили вместе немцы всегда. Гуляли вместе как бы то, вот крёстный, крёстный. Политический был, бухгалтером работал у нас в Паново.

[– За что его сюда сослали? – Собир.]

– А кто его знает. Маленькие были, кого. Как-то да, бывает, вся власть-то, и советская власть, и эта царская. Так вот переворот был в это время.

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2015 году Фельде О.В. от Елизаветы Андреевны Крикау 1927 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

62. [– Немцев много было в ваших краях? – Собир.]

– Много было. В 43 году их... В 43 году сюда их, очень много здесь.

[– Как они здесь жили? – Собир.]

– Ну, как они жили. Работали нормально. Все работали. В первое время жили очень бедно, их в колхозы, в основном. Они потом из колхоза стали бежать в эти предприятия.

[– Немцев, литовцев за хорошую работу награждали? – Собир.]

– Нет, не награждали. Хорошо работали, но отклоняли им. Вот мы кое-кого отклоняли. Им не давали, кто сидел, был осуждённый.

[– Наверное, потом многие уехали в Германию, Литву, да? – Собир.]

– В основном, уехали. Вот моя жена, вот моя жена, она литовка, между прочим, Стася её зовут.

[– Она тоже ссыльная? – Собир.]

– Отца с матерью сюда сослали, вот. После войны в 47 году где-то сослали. Их сюда сослали и, между прочим, этот сын, один участвовал в этом, на фронте участвовал. Брат Иван Бенетис. Такой мужик работающий, вообще компанейский, всё время бригадиром был. Потом уехал туда в Литву, а там чё-то немного пожил.

[– Сколько лет Вашей жене было, когда она сюда попала? – Собир.]

– *А я даже не... В 47 году 13 лет. И начала работать на подсобных работах. На лошади работала, сено возила, дрова возила, горючее возила. Всё, всё что надо* (Бг.: Невонка, 2014).

Записано в п. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Ильи Александровича Турова 1933 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

63. [– Что-нибудь помните про ссыльных? Как они себя вели? – Собир.].

– *Ну, как себя вели... Латышей вот этих я ещё помню, ну. Ну, чё, обращались с ними хуже. За людей не считали.*

[– Как местное население к ним относилось? – Собир.].

– *Да, нормально. Даже это, милиция вся, это строго было.*

[– Ссыльным помогали обустроиться? – Собир.].

– *Да. Они даже с маленькими ребятами ссылались сюда.*

[– Смешанные браки между ссыльными и местными были? – Собир.].

– *Есть. На русских женищинах женились. Они здоровенны были. А женищины-то как были (смеётся). Здоровые были.*

[– Где ссыльные работали? – Собир.].

– *В лесу на лесозаготовках в основном. Тогда молотили, снопы были, работали за картошку* (Бг.: Невонка, 2014).

Записано в п. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Николая Александровича Колпакова 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

64. [– Скажите, у Вас много было ссыльных? – Собир.].

– *Ну, были. В войну много было, и грузинов, высылали тогда. Очень много литовцев было в Косом Быку, много переселенцев. Немцев много было.*

[– Как местное население к ним относилось? – Собир.].

– *Хорошо относилось.*

[– Дружили с ссыльными? – Собир.].

– *Конечно* (Кеж.: Заледеево, 2015).

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 2015 году Фельде О.В. от Владимира Ивановича Панова 1960 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

65. [– В ваших краях, наверное, много ссыльных было? – Собир.].

– *Там все они и были. Ну, они, как жили? Так как.*

[– Они убегали? – Собир.].

– Часто можно было убежать, а туды куда? Зимой мороз, летом мошка съест тебя, лодок нет. На чём? Вот с Муры, у нас 8 километров гавань была. С Муры сплавливали по большой воде лес, и гавань тут.

Когда литовцев сослали, три барака их там было. Их там как этих, как мух, как мошки напихали в бараки. И вот представьте себе, их ссылали, у них уже малированные эти баки были. Их привезли на берег, высадили, вот такие баки и марли были. Вот на сколь мы отставали от них, вот так подумать. И вот они там в лесу, помню, эту фасоль посадили, ну, там сколь... А мы же везде бегали, у литовцев гороху... Ну, сходили, надо было попроведовать, а мы нарвали и убежали. Мы выпросили всё, хе-хе, бегали везде.

Ленинградцы были, мама мне рассказывала, у нас жили. Ну, ленинградцы вот были, потом чё-то они быстро уехали. Мама рассказывала, у них там две женщины, двое ребятшек были что ли. Хорошие говорит были, чёрненькие были, таджики или кто там. Да всё было, всякие.

[– Как местные общались с ссыльными? – Собир.]

– Да в деревнях-то дружно, более менее, помогали там. Вот такие дела.

Записано в п. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 году Фельде О.В. от Николая Александровича Колпакова 1939 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

66. У нас очень много ссыльных, очень много здесь. В деревне живут ссыльные немцы вот эти, репрессированные всякие, всё это. Я с ними проводила встречи всякие. Рассказывали они, приходили, нынче много поумирало уже, потому что они уже такие... У меня... Я щас вот на другой улице живу, а жила раньше на Жуковской. У меня тут татарка жила соседка, напротив казашка жила, у неё за стенкой ссыльная немка жила. Вот я говорю, ну, мы очень хорошо, мы не ругались никогда. У нас нет какого-то недружелюбия вот там это... Я считаю, что все люди одинаковые. Чё с ними делить-то? Я не знаю, ну, нет таких, чтобы плохо относились. Как-то нет такого (Бг.: Пинчуга, 2017).

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Васильевым В.К. от Евгении Ивановны Журавлёвой 1946 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

67. [Как относились к раскулаченным? – Собир.]

– Да как... Знаете, как кулачили? Мама мне рассказывала: у них в деревне... Они ещё языком своим себя, это самое... Погубили. Вот была семья одна – беднота, куча ребятшек, а он такой ведь балабол был. На себя и под себя наговорил столько, что приехали его раскулачивать. Ничего в доме не было. Жили они в деревне, вот. И говорит: «Сани подвезли, соломы наложили,

ребятишки... и сослали». У меня зять был. Вот деревня Заимка здесь. Сосланный был, родители раскулаченные. У них было, значит, шестеро братьев, у отца у этого, зятя этого. У отца шесть братьев. Все жили они вместе, семьями. Они выстроили двухэтажный дом вместе. Вот за что их раскулачили? За их труд? Кого за язык длинный, а кого за труд.

[– Т.е., тех, кто по-настоящему трудился, их и раскулачили? – Собир.]

– Ну. Мама говорит, они жили, у них тоже, они... лошади были, коровы были. Но нанимались они... сенокосилки не было. Сенокосилки там не было, нанимались работать. Средняками их звали. Средняки были кулаки, середняки и беднота. Вот, они относились к середнякам. Ну, у них не всё было, всё равно нанимались, а потом, значит, им давали вот это... косилку и всё. Они отработали, им дали за это... Ну, как бы взаимопомощь такая. А беднота-то была.

[– Августа Васильевна, мы знаем, что Богучанский район – это район, где было много ссыльных. Это правда? – Собир.]

– Да. Много было. Я училась в школе, у нас преподавал Борис, Борис... он доцент с Питера, тогда Ленинград был. И один профессор был, профессор. Этот доцент был, а был профессор, седой старичок был. Преподавал старшие классы в нашей школе. Школа тогда одна была, а я... Вот у нас преподавал в шестом классе. Вот знаете, вот такой зайдёт, нас... Вот тут у него... Глазами – открытая книга: «Встань, двойка!». Двоек наставит и всё. И когда начал он заниматься, он говорил, что: «Я в школе никогда не преподавал. Я со студентами. Если что не так, вы говорите». Он нам столько давал, он столько, он... Мы тогда же не знали, что электрические чайники были. Откуда мы знали тогда. Это вот, это послевоенное уже время сразу было. Он нам всё рассказывал. И вот, экзамен. Тогда в четвёртом классе каждый год мы сдавали экзамены. Вот он: «Вот вам три билета. Выучите. Идите домой. Отдыхайте. Не... в учебнике не заглядывайте». Приходим, вот, например, физику сдать. Приходим, он берёт билет, и этот билет он рассказывает нам. А потом почти каждого спросит – усвоили мы или нет. Вот таких преподавателей не было и не будет.

[– Эти преподаватели были ссыльными? – Собир.]

Он был ссыльный. А профессор был. Вот он почему-то... ему не разрешали, не стали разрешать. Профессор работал с папой в бухгалтерии, в ОРСе. Такой приятный старичок был.

Литовцев много было. У нас вот главный врач литовец был, Буткус. Очень порядочный человек, очень грамотный. Я благодарна ему. Я работала сразу после института по специализации гинекологом. А район у нас разбросан, ни в одной

деревне не было... фельдшерские пункты, больниц не было. Он мне во всём помогал. Ну, и я ему ассистировала тоже.

Литовцев много было. Немцев много с Поволжья было.

[– Каких ещё национальностей ссыльные были? Может быть, эстонцы, латыши? – Собир.]

– Да, конечно, эти все были.

[– Ссыльные жили вместе с коренным населением или отдельно? – Собир.]

– Значит, мы были ещё, это... было начало войны. У нас под берегом их привозили, вот на илимках, на этих вот. Привозили, под берегом их высадят. Там они костры разжигают, а мы ходим к ним, к кострам. Их потом по деревням развозили.

[– Они жили в деревнях отдельно в бараках или сразу в домах рядом с местными? – Собир.]

– Как бараки.

[– Был кто-то, кто следил за ссыльными, отмечал их? – Собир.]

– Если он ссыльный, они должны отмечаться были.

[– Ссыльные работали вместе с коренными? – Собир.]

– Конечно. Ну, вот Буткус у нас, литовец сосланный был. Его сначала сослали... ой, подождите, как же он рассказывал... какой-то район, город, а потом его перепослали сюда. Он вот посёлок у нас Ангарский. Он вот работал фельдшером, а на самом деле он врач. Потом, значит, уже его как-то, ещё был, почему-то его долго не реабилитировали. Вот я помню, потом он, значит, уже его в больницу взяли сюда врачом. Он специализацию проходил. Прошёл, всё. И был, конечно, хирург от Бога. Ни одному человеку не отказал в помощи.

Литовцы у нас в школе учились. Был Анирст такой у нас, литовец. Учился, конечно, прекрасно. Окончил потом Технологический институт с красным дипломом.

[– Как к таким относились? – Собир.]

– Нормально. Как к нам, так к ним. У нас даже, папа мой начальником ОРСа работал. Литовка там работала у него уборщицей. Он ей дал там комнатку в конторе, она там у них убиралась. Две ученицы литовки, они... покупали картошку, к нам в подполье спускали и потом приходили, брали.

Были дружно все. Не различали. А Анирст, он вообще был у нас авторитет. Нормально. Ну, я не знаю, может кто-то где-то как-то, но вот я, сколько знаю, сколько у нас – со всеми нормально.

[– К русским немцам не относились плохо? – Собир.]

– Да нет. Если и вспомню я такого, может что-то их, как говорится, без своего (смеётся)... не выстрелишь. Нельзя же обижать человека. Вот скоко детей здесь выросло. Вот, они вот, семью знаю. Они здесь... Сосланные, я

маленькая ещё была, выросли здесь в Богучанах. Потом разрешили в Германию выезжать. Они, значит, ну, вспомнили язык, эта немка. Они уехали в Германию. Там их так встретили, а её прооперировали. Она больная была. И они всё равно приехали обратно сюда. Да, приехали сюда. Он говорит: «Я бы остался», но, это самое, у них дети были здесь, а дети не поехали туда. Русская жена – у сына русская жена, и она не приехала, с ним не поехала. Надо было немецкий язык изучить. Ну, кто там приезжал, вот некоторые... Была семья. Они уехали, так и совсем уехали. Их дочь была, у нас врачом работала. Так, они жили у хозяев. Они там, знаете как, не то что по своей специальности, они там гувернантками жили, как у нас говорят, уборщицами. Как вот они там работали, они получали прекрасно. И однажды приезжали со своим хозяином сюда. С ними хозяин был. Его тут напоили (смеётся). Смеялись все. Знай русских.

[– Как-то ещё ссыльных называли? Может, были переселенцы? – Собир.].

– Вы знаете, здесь вот ссыльные и ссыльные, а мы дети-то никак не называли. Как мы называли...

[– А взрослые как называли? – Собир.].

– Взрослые... Вот у нас жили, вот мама с папой были с Нижнеилимского района Иркутской области. Там, это, у них ссыльные назывались. И спецпереселенцы – это раскулаченные, а это сосланные, ссыльные.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году
Смирновым Е.С. от Августины Васильевны Зарубиной 1933 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

68. [– Ссыльных много было? – Собир.].

Инф.1: *Много тут, очень много даже их. Вот из Литвы было, из Прибалтики, и хохлов тут, и много...*

Инф.2: *Литовцев здесь много было.*

Инф.1: *Раньше всех было. Кто и в лагеря не попадал, сам сюда.*

[– А что это были за люди? – Собир.].

Инф.1: *Да обычные люди. Вот у меня отец до войны жил в деревне, работал в деревне на кирпичном заводе. Он с войны пришёл, опять туда же. Он с братом был, брат – там подрались потом. Ладно, он пришёл обратно, и обратно работать на кирпичном заводе. Председатель говорит:*

– *Иди в колхоз работать.*

А он говорит:

– *Я тут семью кормлю, какой колхоз. Бесплатно буду работать.*

– *В Сибирь поедешь.*

– *Я лучше в Сибирь поеду.*

И всё, ни суда, ни следствия. Вот так вот, 58 статью дали, всё.

Инф.2: Там очень много 58, там 50... там пальцев не хватит на руках и ногах. Поволжские немцы там тоже, как говорится, в сорок первом сюда.

[– Как относились к немцам? Их считали за врагов народа? – Собир.]

Инф.1: Ну, как... обзывали-то всяко.

Инф.2: Мать-то рассказывает, тяжело былов первый год, да, и называли всяко, и в колхоз не принимали сразу, и земли не давали.

[– Как они тогда выживали? – Собир.]

Инф.2: Побирались. Ну, местное население всё равно не давало им умирать.

Инф.1: До пятнадцати лет пацанов всех в трудармию забирали. Кто выжил после войны ещё ладно, а остальных-то... бабы вот остались. Кто помирали, кто выживали так-то.

Инф.2: Ну, мать вот рассказывала, в живых уже нет щас. Она недавно умерла. Они побирались. Она говорит: «Где нянчилась, маленько дадут», чё где. Ну, люди местные давали.

Инф.1: Ну, которые как давали, которые дадут картошку, а другие там с черенками как даст...

Инф.2: Другие обзывали, другие тоже обзывали, всяко было. Люди везде, они щас ведь все разные люди. Поэтому тут уже не это...

[– А потом ссыльные жили вместе с местным населением? Или где-то отдельно жили? – Собир.]

Инф.1: С населением вместе, как вот. Ну, дялян так дадут, вот заброшенное, 4 семьи, хибарка там, избушечка. 4 семьи поселятся, а там человек 20–25 ли там, вот как комната эта – всё.

[– А они сохраняли свои обычаи, традиции? – Собир.]

Инф.1: Как вот, язык свой был. А там... ну, в Ирбе только начали, там вот их учили по-немецки. В школе не брали, чтоб разговаривать начались. Те-то маленькие были ещё. В первый класс не пустили, говорит. Ещё походите маленько, язык забудьте свой. Она и в магазин, говорит, ходила: сначала с русского на немецкий переведёт, прочитает, потом обратно. И всё так.

Инф.2: Ну, они вот до конца до самого, там у них была кухня – стряпали. Это их немецкое. Кухня – это также вот, ну, тесто дрожжевое раскатывали, потом туда варенье мазали. А потом делали крошку из масла и муки. Потом они делали что-то...

Инф.1: И сахар, сахар...

Инф.2: Угу, сахар. Типо галушек, я вот, помню, они отваливали. Также кислое тесто, как-то смазывали маслом, такие большие отваливали. Ну, вот у нас не было такого.

[– А они сохранили свои религиозные праздники, обычаи? – Собир.]

Инф.1: Ну, как, у них там-то было католическое, по-моему. Ну, так-то, а так-то...

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Михаила Ашировича Ишкабулова (Инф.1) 1951 г.р., Галины Михайловны Ишкабуловой (Инф.2) 1952 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

69. [– Скажите, а в Богучанском районе много ссыльных было? – Собир.]

– *Я знаю одного. Москвича. Михал Михалыч... Бейкутов, по-моему. Чё-то так вот, я уж точно забыл... Бейкутов Михаил Михайлович.*

[– Как к нему местное население относилось? – Собир.]

– *А хорошо, тоже самое, хороший был. Ему посылки шли, конфеты с Москвы. Он нас... Трое ребят было, подростки, ходили всё к нему. То за ягодами с ним ходили, шиповник обдирать-то листья – он варенье варил. Мы воробьёв ловили, он суп варил из их.*

[– Немцы, литовцы были в Богучанском районе? – Собир.]

– *Были. Они щас ещё есть.*

[– Как к ним относились? – Собир.]

– *Да сразу-то как-то... Немцы, немцы, ну... с пренебрежением как-то.*

[– Они жили вместе с коренным населением? Или отдельно? – Собир.]

– *Да, вместе. И женаты были на русских, на наших деревенских.*

[– Они работающие были? – Собир.]

– *Работающие.*

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Валентина Афанасьевича Мутовина 1930 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

70. [– Как ваши родные попали в Богучанский район? – Собир.]

– *А они были сосланы, раскулачены с Алтайского края. Сосланные на Мунтуль.*

[– А как в Мунтуле они жили? Как обустроились? – Собир.]

– *Обустроились как... Значит, их привезли осенью, уже снег был двадцать сантиметров, там лес был. Привезли их семьями. Значит, чтобы не замёрзнуть, бабы с ребятами копали землянки. Воды как там не было, а мужики стали копать колодец, чтоб вода была. А потом начали барак строить, уже.*

[– Мунтуль основали ссыльные? – Собир.]

– *Конечно.*

[– Каких национальностей были ссыльные? Немцы были? – Собир.]

– *Немцы... Нет, немцев там не было. И литовцев там не было. Там были хохлы и русские.*

[– По сути, туда сослали своих же? – Собир.]

– *Да. Так что нет, там литовцев там не было, и немцев не было. Немцы были сосланы на Муру и на Чадобец. Восток Богучанского района. А на Мунтуле вот были вот сосланы, в основном с Алтайского края. Там были на Мунтуль сосланы оттуда.*

[– Ссылные взаимодействовали с местным населением, коренными ангарцами? – Собир.]

– Конечно, взаимодействовали.

[– Коренное население помогало ссылным? – Собир.]

– Сразу-то ни черта не помогали. Было, был комендант же был, было комендантское... зона. Никуда же не отлучались, ничё. Даже не разрешили больше трёх собираться.

Комендант был первый, когда привезли их туда, вот отец рассказывал, что, когда привезли – комендант написал на деревьях: «Здесь будет барак, здесь вот это, вот это». Расписал и уехал в деревню Иркинеево. Он там жил. А вот они уже потом начинали колупаться сами, чтобы выжить, зиму прожить.

[– Они должны были отмечаться у коменданта? – Собир.]

– Комендант сам к ним приезжал.

[– Когда стали уезжать из Мунтуля? – Собир.]

– Когда уже организовались леспромхозы. Да, потом уже стали плотбище делать, вот в Верхотурово.

[– А за что сослали ваших родных? – Собир.]

– Раскулачивали, чтобы, ну, что имели скот, лошадей. У них было, значит, на три семьи уже было молотилка. Хлеб молотили. Не в ручную, как раньше, а вот уже, уже молотилка была. И уже были, тогда типо комбайна – лобогрейки или жатки, как сказать. Хлеб жали, уже современнее. Вот за это, за то, что они имели это.

[– Тяжело было им первое время, когда сослали? – Собир.]

– Да они голые приехали сюда! Всё же отобрали!

[– Им не дали ни инструментов, ничего? – Собир.]

– Ничё, всё отобрали.

[– Когда ссылные из Мунтуля разъехались по другим деревням, как к ним относилось коренное население? – Собир.]

– Нормально, коренное население нормально относилось. Никаких стычек, ничё не было (Бг.: Богучаны, 2017).

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Николая Семёновича Пенькова 1949 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

71. [– Скажите, много было ссылных в Богучанском районе? – Собир.]

Инф.1: Много было. Вот у нас был директор школы, была... как у неё была... Это, Табакаева... Табакаева, по-моему. Бородина была. Клавдия Дмитриевна была. Вот у ней муж тоже сосланный, сосланный был. А литовцев, немцев очень много было.

Инф.2: Много было. Немцев много было.

Инф.1: У нас мать с отцом разошлись во время войны. Ну, вот мне два годика было, и мы ушли, почему-то с немцами жили целый год. Немцы жили – бабушка, ну, как трое – мама, её дочь и у неё уже ребёночек, трое, и мы с ними ещё. Вот все год жили, все вместе. А потом нам дали колхозный дом. Мы ушли в этот дом, и опять немцев к нам, опять подселили, других. Опять бабушку с внучкой. И эта бабушка с внучкой жили у нас, пока вот мой брат не подрос. А когда подрос, понимает-то про войну-то, уже в школе начали изучать, да всё. Немцы – он стал обижать девочку, это, что она немка. И они ушли от нас. Ушли от нас и вот жили отдельно. Потом её выкрала мама. И вот в то время, ведь это ездили на конях, и не знаю, как она за ей приехала. Ну, как-то мы же плотно там в деревне жили. И как она приехала, ничё, и всё – увезла Геньку. Генька – девочка звали. И она её увезла ночью, а бабушка осталась одна. Но потом они, потом уже, уже, это, как называется...

[– Реабилитировали? – Собир.].

Инф.1: Да, всех уже. Потом они все постепенно поехали, а много жили. Вот жили и вредили мы ещё. Вот они в котле в таком на улице варили, и суп варили. Суп сварят, после этого бельё парят в этом же котле. Они вот суп варят, а мы земли возьмём, комочек бросим – это мы немцам вредили.

[– Это была шутка или всерьёз? – Собир.].

Инф.1: Нет, вредили. Это мы, вроде бы, вредить. Это столько у нас здесь ума было, чтоб навредить немцам маленько. Дети, ага, возьмём земли комочек и бросим в этот суп.

[– Как коренное население относилось к ссыльным? Например, к немцам, литовцам? – Собир.].

Инф.1: Ну, нормально было. В то время не богато же жили люди-то. Все равны жили. Дружнее жили.

Инф.2: Вот у нас сейчас, чё хочу рассказать: сосед, сколь ему, 87 лет...

Инф.1: Ага, 80.

Инф.2: Вот он, как...

Инф.1: Немец тоже он.

Инф.2: ...немец. Я его спрашиваю: «Мол, Андрей, ты сюда как (Андрей его зовут) маленький сюды приехал? Он говорит: «Маленький». Я ему: «Ты учился здесь, нет?». Он говорит: «Учился. Так учиться-то не давали». Я, мол: «А чё?». «Так били, – говорит, – нас».

Инф.1: «Так натычат, – говорит, – бока, что...»

Инф.2: «Натычат, – говорит, – так». Так их натычат.

Инф.1: Ну, обежали, конечно. Потом, я помню, у нас парень был, полный. Литовец, а мы же голодные были всё время. А чё там, на одной картошке. И вот

школа была – вот там была дверь и там дверь, такой с порогами. И вот эти, пацаны, тоже издевались они над ним. Скотать – один, а он-то ещё идёт в школу, так ломать хлеба, масла намазано, второй бутерброд, а мы же голодные. И он вот при нас ел всё. И вот ребяташки опять заставят его, пацаны, на него садятся, и: «Катай нас, раз ты хлеб много наелся» (смеётся).

Инф.2: Отбирали у него?

Инф.1: Отбирать не отбирали, нет. Не было такого.

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Марии Дмитриевны Толстых (Скурихиной) (Инф.1) 1943 г.р., Николая Васильевича Толстых (Инф.2) 1941 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

72. [– А ссыльных здесь много было? – Собир.]

– Не поняла.

[– Кого ссылали по решению властей. – Собир.]

– Ну так, всякие люди-то есть. Есть хороши, есть худы.

[– Может, Вы помните, как к ним относились местные? – Собир.]

– Это уж, дак сколько переменялось там, сколько переменялось, не говори... А Сталин-то умер когда, народ котору плакали, а котору радовались! Всяко было, чё говорить. Ну войну-то всё-таки он же пробыл, чё говорить. Всяко.

Записано в с. Богучаны Богучанского района Красноярского края в 2017 году Фельде О.В. от Ольги Степановны Рукосуевой 1924 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

73. [– А у вас были ссыльные? – Собир.]

– Были.

[– И что это за народ был? – Собир.]

– Такие бы, что и карманники, и там бяз ног были, и с одной рукой, и всякие были. За что их, таких, обижали? Сами-то они люди неплохие были. Неплохие. За одного ссыльного мне тётка вышла замуж, а он как бы полномочным валеркин-то отец. Был ссыльный Родька, и решили они убить, он был карманник. Московский карманник был. Сидит иногда человека два, он их очистит, они не услышат, а потом даёт ему, чё в кармане взял у него. Вот такой был. Чистая рука была. Вот таких даже. И вот они решили его убить. Убили его...

[– А кто решил? – Собир.]

– Мой дядька. Как, тёткин муж, вот дядька получается мне, и он уполномоченным. И там ешишо товарища подговорили, втроём его убили, утопили его. А у него с сестрой связь, держал всё время, а сестра была у него в прокуратуре, работала в Москве. И вот она все раскопала-раскопала, где он в

последнее время жил, и все стали разыскивать и всё разыскали. Ему как милиционеру дали семь лет. Ну, а чё? Он ни дня не жил там, сразу же там в то время были отдельные. Это сейчас ты неделю проработал в милиции, всё, тебя там убьют всё равно. А их сейчас уже отдельно сажают. Тюрьма отдельно...

[– А вообще кежмари как к ссыльным относились? – Собир.]

– Относились они неплохо, неплохо относились, не обяжали. У нас потом ссыльный был... как же его? Гурьев. У нас всё отцов увозил в лес, на охоту. С одной рукой был. Он на лошадях был с одной рукой. То ли он горел, то ли чё-то, я как-то не помню. Лицо всё обгоревшее такое было прям... чё-то обгорелое лицо. А где он, в такую аварию попал, не знаю. Потом он куда-то исчез. Куда делся? Всё художником он был, рисовал. С одной рукой рисовал, вот не знаю, правая у него, левая ли. Рясовал. Но знаю, что на лошадях он отцов увозил у нас за три, за четыре днища на охоту, этот Гурьев. Расстояние так мерялось – днища.

Записано Фельде О.В. в г. Саяногорске в 2013 году переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (* с. Кежма) Николая Ивановича Казакова 1934 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

74. А меня кто будет сватать? У меня родителей-то нету. Я у маминой сестры подымалась. И от её бегом взамуж пошла. Пришёл мой, мы с ним больше года дружили. Он немец был, здесь же беженцы были с Поволжья, в войну-то их на Ангару пригнали. Он потом уехал в Бузыканову. А я в Ирбе осталась.

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Татьяны Дмитриевны 1907 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 397.

75. Моя прабабушка <...>, я знаю только, что она была Арина Сарафонтьевна. Её сослали с родителям сюда в ссылку, раскулачили с Забайкалья. Родители тут умерли её.

Записано в п. Первомайский Мотыгинского района Красноярского края в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рудик Нины Петровны 1933 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 324.

76. [– Много ссыльных раньше было? – Собир.]

– Были. У нас посёлки, можно сказать, на ссыльных обосновывались.

[– Как к ним относились местные жители? – Собир.]

– Ну, уважительно. Всё от человека зависит, как он, так и ты к нему. Если он хороший, честный человек, его принимали за своего. Потому что русские, они тем и отличаются, что они с человеком любой национальности уживаются, как братья. Лишь бы он плохо не делал.

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Валентина Ивановича Брюханова 1954 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

77. Инф.1: В 49 году... В 56 году мы приехали, когда в Болтурино в 56. Я вот говорил, что Лаурус – это был из ссыльных. И население в посёлке Болтурино, в основном, рабочие на лесопункте были большей части, ведь им... Нет, вру, где-то одна треть была литовцы, немцы – ссыльные. Вот их привезли – Ковинское поле, это ниже Ковы поле было, их там расселили. Но потом сжалились и разрешили ехать вот в Ново-Болтурино. Они там строили маленькие домики. Вот, может быть вот так, вот так вот, до конца этой (показывает), такие домики маленькие, засыпнушки из горбыля: столб вкапывают, второй, третий, четвёртый, для двери два столба закапают и обшивают снаружи этих столбиков горбылём, снутри горбылём. Вовнутрь горбыли они делали, как бы обрезан, вовнутрь, а туда, где... И засыпалось это всё опилками, и получались вот такие тёплые домишки. Ставили печку-железку, буржуйку, варили там. Или кирпичи, так кирпичную печку делали.

Их много было. И в 62 году... В 61 году-то денежная реформа произошла у нас, новые советские деньги вышли, им разрешили уехать. И они почти все собрались и уехали. В деревне осталось только три человека: Клёнос Будавичюс, Ира Высоцкая, Керпеня она, и Женя Ильгенедес со своим мужем, Виктором – Вистаусес Ильинес, Солис Гяльдис – сын Праноса. Блин ещё, пятый-то забыл... Керпе... Керпёнес. Это литовцы всё, вот их. Потом Керпе уехал в Литву. Солиса раскатали в гараже машинами. Вначале проехал «Кировец», К-700. Одни мужики уходили в отпуск, а Солис вроде должен на ихней машине, на лесовоз, на «Краз» садится Генка. И это, они отпуск отмыли мужики, Рукосуев Михаил Васильевич и Сизых Василий Михайлович. Эти два мужика уходили и в гараже поддали хорошо. Эти мужики-то ушли, а он пьяненький чё-то подзадержался, стал переходить и сильно пьяненький упал в колею. Ба, Ба, Ба... Бабин, однако, фамилия – парень с Удмуртии, работал на «Кировце». С леса возвращался: ни света, ни фар, ничё не было. Уже тёмно. И он его проехал, раскатал с грязью. А потом утром мужики на лесовоз падают и обратно едут – раскатали его в лепешку в колею. Это Клёнос, пил-пил-пил... Будавичюс Клёнос... Делал совки под ягоды собирать, подшивал обувь, потом скончался так по пьянке.

Кирке вместе со своей супругой уехали туда. Ира Высоцкая, прекрасный мастер, шила одежду, портной была, она тоже спилась и скончалась. А Ильгинес Виктор, водитель на лесовозах работал, он уехал в Литву. А Скоудас Бенес ещё остался, начальником лесопункта был, в партию вступил. Там ему в Литве пожилось не очень хорошо. Членом партии был, начальником, а там, говорят, гнобили. Это Женя Ильгениди, когда приезжала в отпуск, она рассказывала, что такая беда у него.

Инф.2: Коммунистов там не любили ещё при Советском Союзе.

Инф.1: Приезжал Шаткус, забыл как его зовут... фамилия Шаткус. И мы с этим пацаном, ну, когда пацанами были, приехали в Болтурино в 56 году, до 61 года. Они по первой улице, где Верхотуровы жили, тут вниз к Ангаре засыпнушка была, они там жили. Вот они, он приехал с каким-то парнем, работал следователем прокураты в этой, Литве. И приехали так и так: «Нас вот угнетали, мы там хотим музей, там теплушку, в которой нас везли». Я им говорю: «Так, слушай-ка, дорогой мой, ты с одного года со мной, мы вместе с тобой играли. Никто ваших литовцев, никто ваших эту, нацию, здесь не унижал, и вы жили свободно, как и все наши эти...».

Инф.2: Здесь тайга, их ставили мастерами, их ставили на такие хорошие должности. И они хорошо получали, хорошо жили.

Инф.1: Жили, на механизмах работали, на тракторах, на машинах. Электропилы, всё это в первую очередь, ну, они не то что прогрессивнее, они, ну, больше знали этой, современной как бы жизни той. И они зарплаты получали больше, а мы приехали, нас восемь человек. Они на ихние праздники соберутся и оказывают нам помощь: то валенки принесут, то деньги, то ещё что, какие-нибудь рубашонки и прочее. Мать вроде как начнёт принимать, мы в рёв, с пионерскими галстуками: «Мама не бери! Это они нас блатуют в секту! Они богомолы! Не бери, неси обратно!». Отказывались от ихней помощи.

У них была церковь в посёлке, вот тут ниже бабушки дом стоял. Старушка специально следила за этим, ну, за порядком в доме. Скамейки... У них католическая вера была, и они, когда вероисповедание проходит этот процесс, как богослужение, они сидят, католики – они сидят. Это наши православные, выстоять надо службу, а они сидят на лавках. Вот она все эти лавочки покрашены чистые, в ряд стоят. Я заходил несколько раз туда смотрел: «А, там церковь, богомолы!». Давай, на окошко привязываем гайку и болт, нитку. По огороду дальше, как они начинают петь песни, мы им стукача – чинь! Мы им по стеклу – чинь! Они по нитке бегут, а мы задницу в горсть и на Ангару, прячемся в кусты. Ну, отец, правда, нас, вот он сам не верил в Бога, а нас, за то, что мы такие вещи делали, наказывал.

Инф.2: Помнишь, ты рассказывал, что вы банки били какому-то литовцу?

Инф.1: *Не литовцу – китайцу. Китайцу, с рогаток. Он на забор повесит трёхлитровые банки, двухлитровые, пол-литровые, а мы на велосипедах едем – чух! Чух! Он за нами бегом. Мы на велосипедах на Ангару, по Ангаре там по песку. Где-то ребята у костра сидят: «Бери, карауль наши велосипеды!». Вот на этой-то скалке, и на скалку залезем: «Не-не-не, догнал!». Хрен нас догонишь. Ну, хулиганить-то надо было.*

Инф.2: *А банки-то раньше сдавали, деньги за это получали. Вот он их намоеет до блеска песком, повесит, а они ему всё разобьют. Вот он за ними и бегал. Ещё ты рассказывал, что пожары часто случались?*

Инф.1: *А, ну, это пока литовцы были там, там постоянно на 8 марта были пожары.*

[– Почему? – Собир.]

Инф.1: *А не знаю. Диверсия.*

Инф.2: *Ну, он подозревает, что специально.*

Инф.1: *Специально поджигал кто-то.*

[– Из местных? – Собир.]

Инф.1: *Ну, литовцы, они вредили.*

[– А, т.е. литовцы вредили? – Собир.]

Инф.1: *Да. Гаражи с машинами, потом на праздники вообще машины с гаража стали выгонять на улицу. Морозы стоят, а машины на улице. Гараж тёплый стоит, а машина на улице. В тайге гаражи рубили вначале с брёвен, в тайге. Тоже там горели в тайге, здесь горели. Земляные гаражи копали, тоже горели трактора. А потом литовцы уехали, перестали пожары. Последний вот уехал Виктор Ильгинес. Он самый шустрый такой был. Мне кажется, не его ли это рук дело? Покойника. Потому что он там, вот этот вот Шаткус рассказывал, что он там в золотых ходил. Уважаемый в Литве был человек.*

Немцы все уехали в 61 году: Мартын, Ира, а ихнего хозяина забыл как... На краю деревни к орсовским складам жили. Он сам большой дом поставил из всех приезжих, вот этих ссыльных. Большой дом у него был, хороший. Он уехал в Западную Германию. Не в Восточную, а Западную Германию.

Инф.2: *Ну, и осталось, конечно, много, но и уехало тоже достаточно.*

Инф.1: *Да нет, в Болтуруино немцев никого не осталось, все уехали. А мы приехали в июне месяце, картошку не посадили, а зиму-то как-то зимовать надо. И вот мы ходили нанимались, ребятишки копали картошку. Работали, нанимались ещё копать. Вот осенью, в сентябре месяце копают картошку, мы нанимались. И я попал к этим, к немцам. Блин, забыл фамилию... Она приезжала, эта женщина, она закончила одно из вот, первые выпуски болтуринской школы. Она закончила 10 классов, вот одна из первых учениц нашей школы была. Мне не вспомнить...*

[– Трудовое детство у вас было. – Собир.]

Инф.2: *Кроме того, за ними не глядели. Они где там упадут с деревины, там... С угора катались в бочке. И эта бочка – бу-бум. У них у всех стрёхнутые головы (смеётся). Или там с дерева на палке, с обрыва тоже катались. Безбашенные были.*

Инф.1: *И этот литовец, тьфу, этот немец, Коваль, фамилия ихняя была Коваль, он подарил мне за работу ещё кроме того белую рубаху. На меня как раз рубаха была. Белая, ношенная конечно, не новая, б/ушная, праздничную рубаху, и подарил мне портфель. Я думал, в этом портфеле Геббельс или Гитлер документы носил ещё. Кожа вот с палец толщиной на этом портфеле. Тяжелуший! Книги положишь, кое-как тащишь. И учился с нами ещё один немец – Ёхим. Его звали Ёхим. И чё-то заспорили, заспорили: «Ах, ты, немчура проклятая!». На него так выразился. Он, скотина, обиделся. Перовая ручка, помнишь ещё, пером писали. Он, скотина, берёт эту ручку и мне в заднее место, в ягодицу – терсь! Такая боль сумасшедшая, с чернилами такая. Не то что новое перо, а чернильное уже. «Ах ты, скотина, ты, подлая!». Ну, за мной не пропадёт. За собакой палка, ну, и в общем, он заходит из школы по этой, по проходу, а там лестница на второй этаж была. Я встал в тёмном месте. Он заходит, довольный такой идёт: «Я там Зарубину в задницу это...». Я с этим портфелем с книгами как его по голове – щух! Он осёл, начал подниматься, и ещё раз добавил. Портфель в руки и побежал.*

Инф.2: *Был такой разговор: насколько духовны были жители этого, Кежемского района. Мама тоже местная, тоже обросла корнями... Насиловали ли женщин в Кежемском районе? Она говорит...*

Инф.1: *Это в Недокуре.*

Инф.2: *В общем, литовцы...*

Инф.1: *Один.*

Инф.2: *Приехали и одну из дочек...*

Инф.1: *Девушек.*

Инф.2: *...изнасиловали. И вот он сказал, что пока я здесь живу, сколько-то тридцать или... ну, в общем, тоже будет насиловать русских девчонок. Ну, вот так вот.*

Ещё она рассказывала, когда этапы с литовцами приходили, мужчин было не так много, женщины в основном. И понятно, что они в этих вагонах. И они все приезжали с маленькими ребятами, с новорождёнными. Без мужа ещё, не замужем. Вот кто знает, как там с ними обращались в дороге. Понятное дело, что они забеременели где-то в дороге. Какое отношение вообще.

Инф.1: *Да ну в дороге! Не столь долго их везли.*

[– Может быть, некоторые в дороге забеременели. – Собир.]

Инф.1: *Природа берёт своё всё равно. Хоть ты в плену, хоть ты в тюрьме, хоть где. Та же женщина, она хлеб ест.*

У нас случай на Чембе – это по Кове речке, первая Уяр, вторая Сизая, Прокопьево, Костино. И выше Костиной вот этих выслали немцев, литовцев. Речка Чемба впадает в Кову. И они построили такие бараки, а тогда был, называли комендантом. Был, он участвовал во время войны, и после войны боролся с этими, ну, участвовал в боях с этими, с бандеровцами на Украине. А как он попал сюда, вот на... в Кежемский район и жил в деревне Кода – Фроленко Александр Иосифович. Он долго у нас работал в райотделе следователем, старшим следователем. И вот он, когда был комендантом, приезжал туда в эту, как она... на Чембу, на плотбище, и влюбился в девчонку, ну, молодая девушка была, он влюбился. Там проводил несколько время. Работу забросил практически и просил начальника, чтоб он женился на девушке. Они не разрешили ему. Эта девчонка, девушка забеременела от него, родила мальчика. Потом они с Чембы многие переехали, и она в том числе, в Недокуру. Потом уехала в Ленинград, жила там, Фроленко, фамилия Фроленко. Живёт где-то там под Ленинградом. Тоже интересная судьба. А партийные советские органы не дали ему жениться. А женился на нашей мокчёнке. Она с Красноярска. Он скончался, жена его скончалась, а сын от второго брака, от мокчёнки, живёт в Красноярске тоже.

Инф.2: *Где-то я слышала, что они вот литовцы приезжали, они знали танцы: там польку, ещё какие-то. Вот они на дискотеках... Церковь старая, да, пап, была в Кежме?*

Инф.1: *В Кежме. Почему старая?*

Инф.2: *И её переделали в ДК. И вот там народ собирался, и вот они танцевали, прогрессивные вот эти литовцы...*

Инф.1: *Там в Кежме их не было, в райцентре их не было. Ты, как Бажов, пишешь.*

Инф.2: *Нет, мне баба рассказывала, мама рассказывала.*

Инф.1: *Баба рассказывала... Их там не было, они все по населённым пунктам были вот: Проспихино, в Коде, в Болтуруино, в Недокуре, на Чембе, Таёжного тогда не было ещё, в Паново.*

[– Они в сфере культуры были больше задействованы. – Собир.]

Инф.2: *Да, действительно, Европейская часть была более такая...*

Инф.1: *В Болтуруино, знаю, что приходили. Помню, приходят мужики, парни на танцы в клуб с Болтуруино. Приходят, встают у дверей. Приходят парни литовцы, немцы – они им бьют моську, отправляют дальше. Девочек пропускают, танцуют. Пришли литовцы или немцы вперёд к этому, к дверям встали. Русские приходят, выгоняют. Вот такая петрушка была. Да, это они в*

Болтурино в 56, 57, 58, 59 год, до того, как они разъехались, в посёлке Болтурино, значит, аккордеон, труба, этот ударник – барабаны, в смысле оркестр какой-то. Уже играли они под оркестр. Танцы проводили.

Инф.2: Опять же литовцы, было много раскулаченных.

Инф.1: Литовцев не было раскулаченных!

Инф.2: Нет, не литовцев, вообще раскулаченных сюда ссылали?

Инф.1: Ссылали, вон в этот, первая деревня была отсюда, если ехать – Уяр. Она полностью была из раскулаченных, да, полностью. Раскулачивали вот в Костино, в Прокопьево раскулачивали, и отправляли в Уяр. Ну, чё там, километров пятьдесят. С Костино раскулачили и отправили на Уяр. Они там построили дома такие прекрасные, жили.

Инф.2: С Европейской части раскулаченных сюда не присылали?

Инф.1: С Европейской части здесь не довозили. Не было почти никого. Вот из-под Канска, из-под Минусинска, вот этих вот привезли.

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2019 году Смирновым Е.С. от Михаила Ивановича Зарубина (Инф.1) 1947 г.р., Наталья Михайловна Зарубина (Инф.2) 1982 г.р. // Из архива автора

78. [– Знаете какие-нибудь истории раскулачивания? – Собир.]

– Ну, а чё не знать-то? Знал я этих людей. Вот он года три назад умер, Кокорин. В Кежме, значит, была контора колхоза «Красный Пахарь». Вот мы маленькие играли, ну, это было подворье хозяйское. Дом здоровый, на угоре прямо, над Ангарой. Амбары поставлены на сваях, что под ними. Мы ребяташки бегали. Ну вот, а там эти колхозные свиньи в жару туда залезали, прятались, но, а мы их выгоним, там верхом, прочее. А потом, ну, уже, когда повзрослей-то стал, сказали, дядька мой покойный рассказал, что вот раскулачили под контору хороший дом. На хрен в Косой Бык, живите как хотите.

Военкомат в Кежме был. Дом не изломали до конца, всё как было: амбары до конца, скотный двор, ну, там военкоматовский конь жил и прочее. Оказалось, что это тоже раскулаченных, дальних моих родственников раскулачили. Ну, семья крепкая была, сыновья были взрослые, всё. Построено было, что достояло до конца Кежмы. Ну, вот надо, а строить – зачем напрягаться. Забрали.

[– Что Вы помните про ссыльных разных национальностей? Например, немцев, литовцев. – Собир.]

– У дядюшки, дядюшка мой покойный в леспромхозе, в Болтурино у него там друзья были литовцы. Ну чё, работали они на славу, так сказать, и прочее. И вот дядька этого друга своего Кирюха звал. Кирюха типо друг: «Кирюха, Кирюха, Кирюха, Кирюха». Приехали в Кежму, ну, я ещё не шибко большой был. Ну, к нам зашли. Ну, бабушка моя покойная на стол давай гоношить. Вот, а он

его Кирюхой наворачиват, приглашает: «Кирюша проходи, садись». Вот они давай гоготать. Кирюша, вот.

Немцы, и немцев полно было в Кежме в самой. Так у меня друзья мои одноклассники, одноклассники. Вот один из лучших, мы и сегодня с ним, одноклассник, не прерывается связь. Мы с ним и в школе за одной партой сиживали, и в армии служили, и в армии тумбочка у нас была одна на двоих, вот. Ну, это в учебке, потом разделили. Щас он в Красноярске живёт. У него мать немка была, у Владимира у этого. Отец русский, фронтовик. Ну, Эргард Сашка, у него родители оба немцы, ссыльные из-под Ленинграда. Перед войной типо вычистили, враги. Ну, дядя Коля тоже всю жизнь работагой отработал, как говорится, никто слова не скажет. В родне, в Простихино двоюродный брат моей мамы жил, он женился тоже на немке. Ну, сослал с Поволжья, вот.

[– Как ссыльных встречали на Ангаре, когда их привозили? – Собир.].

Нормально. Редкие были случаи, что, ну, измывались там: «Немчуры» или чё. Но это было очень редко. Это просто единичные случаи были. Были некоторые, вот тётя Эмма же рассказывала: председатель колхоза был у них какой-то, гонял их на работу. И это, дожь, колхозная работа какая допустим. Ну, они тех же пойдут ягод пособирать да всё. Так он бывало на коне догонит и ягоды типо на землю, вот. А местное-то население делились также. Ну как, чё они, чем они помогали.

[– Ссыльные могли собираться вместе на праздники? – Собир.].

Всё время так и было. Нет, что типо общины какие-то такого здесь у нас не было даже, вообще не было. Мы вот хоть и росли в Кежме, мы хоть и знали, что у Косолапавых тётя Миля немка, или у Сашки Эргерда немцы, чтобы это... Даже дрались иногда, не было: «Ты там немец» или хто ли. Дак я говорю, мы с Вовкой, как говорится, до сих пор уж, состарились, какие там могут различия быть.

[– Много уехало ссыльных отсюда, когда у них появилась возможность? – Собир.].

– Также редко, редко. Вот в Простихино много, много так и остались и до самого до конца.

[– Нам рассказывали, что в основном прибалты уезжали. – Собир.].

– Вот их много уехало.

[– Прибалтам не нравилось здесь жить? – Собир.].

– Дак, а местное население разве виновато в этом было.

[– Может быть, какие-то конфликты возникали? – Собир.].

– Нет, нет. Не помню ни из разговора старших, и сам ни разу не видел. Я говорю, дядька вот, эти литовцы. Ну, они в леспромхозе вместе работали. Он

всегда о них: «Кирюха, Кирюха». Дак он имена ихни знал. Я не помню просто, но я видел его друзей. По крайней мере, нормальные, доброжелательные люди.

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2019 году Смирновым Е.С. от Валентина Владимировича Привалихина 1952 г.р. // Из архива автора

79. С Литвы, с Эстонии, с Латвии откуда он. Работал на локомотиве. Тогда в 56 году свет в посёлке Болтуруино в основном осуществляли ни... Паровозная топка стояла, генератор и вот так вот свет вырабатывали. И на нижний склад, и на посёлок. И он как бы был там на электростанции слесарем или кем он был. Когда приехали в Болтуруино, на обеде гудок загудел от паровоза: у-у-у. Громко. И мы все побежали туда, на эту, на электростанцию залезли и стали смотреть, где эта труба, гудела которая. Сперва залазили, она перестала гудеть. Давай по ней стучать, этот Лаурус выходит, и нас оттуда погнал. С акцентом с таким с большим, не русским. Но, а потом на эти, на ихние праздники, особенно там на Пасху, он одевал эту, ихнюю форму. Для меня тогда казалось, что это немцы. А там эта форма была может легиона этого, литовского или латышского. Ну и ходил, красавался.

А осуществляли за ними этот, контроль. Но, представь, что ещё в 56 году, в 57 до 63 года милиция была только один участковый: деревня Кода, Кодинск, внизу эта деревня, ссыльные эти были, кулаки, Простихино, Пашино, Рожково, Дворец, Болтуруино, Недокура и всё до Кежмы, и всё один участковый. Естественно, какой контроль мог осуществлять? Только так, наездами. Они жили также как и все, свободные люди. Никто их там не ущемлял, никто не прижимал.

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2019 году Смирновым Е.С. от Михаила Ивановича Зарубина 1947 г.р. // Из архива автора

80. У нас деда ссылали по пятьдесят восьмой статье как кулака. У него было два сына, мой вот отец был и его брат младший. И ешио жил Ваня у деда у моёго. Мать у него, отец померли, похоронили, и он остался беспризорник.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Сизых 1936 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 362.

81. Но я маленькая была, может, лет пять, может, шесть, каки-то ссыльные жили. Один политический какой-то дядька, а другой был врач, такой толстенький, с бородкой такой, но уже пожилые старики <...>. Вверились в душу. Мама их жалела, кормила. У нас коровы были, всё давала: и картошку, и рыбу, и всё <...>. Я их хорошо помню. Один высокий, как наши говорят,

политически грамотный мужик, говорили, вот этот высокий. А этот врач- то, как, он толстенький, такой низенький. Мама всё говорила:

– Вот старики хорошие.

С горы таскали на себе дрова на зиму. Но они, наверно, жили, может, с год жили они там, потому что зиму они жили. А потом куда- то исчезли, никто не знает, куда.

Записано в п. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Тимофеевны Пономарёвой 1928 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011.Т.8. С. 522.

82. Я дак всех примаю, никогда никому не откажу. И, может, еишо из-за этого, может, доўго живу. И вот в Гольтявиной тоже примали, жалели. Народ-то там – не худы людишки, народ жалистливый быў, примал.

Записано в с. Ярки Богучанского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефросиньи Михайловны Непомнящей 1925 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013.Т.11. С. 205.

83. В Ирбе же здесь же сослатые литовцы жили, латыши. Здесь жила Миля, латышка. Она в школе была техничкой и сторожем. А литовцы они жили и работали больше на скотном дворе. Но они сильно бедно жили. Я помню, они ходили в деревянных ботинках. Шибко бедно жили. И вот кладбище у них своё было, могилы они как-то по-своему делали.

[– А где оно было, Татьяна Александровна? – Собир.]

Ну, там на общем кладбище.

[– Кресты высокие ставили. – Слуш.]

Да. Кресты высокие, лента кака-то чёрная. Вот бедность-то ихая до сих пор она в глазах стоит. Они всю грязную, ломовую работу в колхозе делали, на ерме тянули жизнь. И вот Амалия Петровна-то рассказывала, Колпакова-то, выжили, говорит, мы токо за счёт местных, ирбинских. Спасли с голода люди наши, ирбинские. Крадче доярки где-нибудь молочка спрячут (тогда же всё это было страшно нести со двора), по баням везде. Но, говорит, как-нибудь да, то зёрнышка где-нибудь нам принесут. Вот только за счёт народа и выжили.

Записано в д. Ирба Кежемского района Красноярского края в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Александровны Толмачёвой 1950 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2017.Т.19. С. 100.

84. *Раньше всё какие-то прохожие ходили, ссыльны. Пришёл ссыльный, да и пришёл. Откуда он пришёл? Кто он какой пришёл? Надо покормить. Голодный же <...>*

[– Местные помогали таким? – Собир.]

Жалели. Жалели, конечно, жалели, помогали, давали. Но опять он и помогал людям, кто наймёт его там чё-нибудь помочь, он ходил, помогал, вот этот Алёша у нас был. Потом киргиз какой-то был тоже ссыльный, этот уже после Алёши был. А как он туда попал? Как от, как его, ему туда пришлось приехать, не знаю даже.

Записано в п. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Деменковой Г.С. от Анны Михайловны Сизых 1936 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010.Т.5. С. 257.

85. *Но я маленькая была, может, лет пять, может, шесть, какие-то ссыльны жили. Один политический какой-то дядька, а другой был врач, такой толстенький, с бородкой такой, но уже пожилые старики. Мама пошла за водой на берег и приводит вот этих двух стариков домой, говорит, вот сидят и говорят:*

– *Бабушка, как бы нам чаю где попить или там чего-то?*

А у нас старый амбар был, в ограде старый амбар ещё был, и вот она их туда <...>. Мама их жалела, кормила. У нас коровы были, всё давала: и картошку, и рыбу, и всё.

Записано в пос. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Тимофеевны Пономарёвой 1928 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011.Т.8. С. 52–53.

86. *С Поволжья немцев в сорок втором или в сорок третьем году ссылали. С Поволжья, я помню, зимой <...>. Это вот нашего дедушки дом был тогда, и вот их, этих немцев, и поселили <...>. Потом мы их стали жалеть, вот так же кормить, всё носить: то картошки, то мяска, то молочка, то простоквашки, то это... А потом они обжились.*

Записано в пос. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Тимофеевны Пономарёвой 1932 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013.Т.11. С. 199–200.

87. *У нас деда ссылали по пятьдесят восьмой статье как кулака. У него было два сына, мой вот отец был и его брат младший. И ешио жил Ваня у деда у моего. Мать у него, отец померли, похоронили, и он остался беспризорник.*

И вот как это кулаченье-то началось, ему уже было восемнадцать, этому парню. Но он его и кормил и одевал. А тот помогал-то в хозяйстве ему, Ваня. И донесли тут от, кулаченье-то это пошло, и донесли, доказали на моего деда, а у деда (он какой кулак?!) было две коровы, две лошади. Сам пахал, сам сеял, сам убирал, сам скота держал, сено косил, молотил, и всё это он сам, никаких работников он не держал, токо вот этот Ваня был. А он живёт на дедушкином на всём.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Сизых 1936 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 362–364.

88. *Раскулачили, на илимки посадили и утопили. Раньше эвот шивера у нас, и вот в этой илимке их утопили. Совсем с илимкой. Кто-то увидел из мужикох и ничё не рассказывал в эти года-то. Сколь народу погубили! За что? Раскулачили, дак вязите на бараки-то.*

Записано в пос. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Арины Иннокентьевны Журавлёвой 1919 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 439.

89. [– А вот жена-то, она у вас откуда была? – Собир.].

Жена у меня была немка. Оне же с Волги привезёны были, немцы. Приехали сюды.

[– Их где разместили? – Собир.].

Дак а где? Их же привезли и высадили на голую полянку. И оне ходили... Их же развозили всех, илимка-лодка плывёт по Ангаре и сбрасывает по деревням, оставляет там семьи. Пристанет к берегу, сбросит, дальше поплыли. Вот на Половинном оставили, в Аксёново, Паново, Усольцево, Фролово, да везде селили. Там двадцать семей сбросят, там, там, там.

Записано в пос. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Егора Ивановича Кокорина 1920 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.9. С. 454–455.

90. [– А немцы приехали и их бросили на берег, как рассказывали? – Собир.]

На берег, на берег. И вот в большой казарме несколько семей было, Галя, несколько семей было в одной казарме. Так и жили. Так было очень трудно жить, вот, и с квартирами было трудно, и вот одних туда поместят, других туда. Может быть, две даже семьи в одну квартиру, но, трудно было. Так было им трудно. Там же всё у них было, сады и всё, а тут ни скота, ничего, приехали, на голые зубы приехали [СГРСБС, Т.11, с. 198–199].

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Васильевны Пановой 1937 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 198–199.

91. *Косой Бык он от Ковы-то шестьдесят километров.*

[– А что про него рассказывали, про этот Косой Бык? – Собир.]

Привозили раскулаченных туда и прямо в тайгу, выбрасывали под сосну. Уяр так же строили. Выселили, приехали, выселили:

– Вот стройтесь, пожалуйста, живите.

[– Ну и люди-то как, они же были работающие, да? – Собир.]

Ну, дак, конечно, работающие люди, они работали, поля разрабатывали. Но, правда, поля-то им дали ковинские. В Кове тогда была большая вода, в Кове был колхоз, от Ковы десять километров называлась Гарь. А там двести гектар, двести пятьдесят гектар было, однако, пахот, покосы там были. Ковинские занимались там, у них всё там было. Там и склады были, зерно хранили всё там они. А потом, когда все утонули, а уярский колхоз стал. Ну, там было чё, по Кове-то пять колхозов.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василия Алексеевича Колпакова 1934 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т.20. С. 297–298.

92. *А немцы, вот женщины, они особенно рукодельницы: они вязали шали, кофты вязали. Вот в деревне их... им женщины заказывали, конечно, платили им там молоком.*

Там много немцев жило, в Каменке. Шабенланд, Альберт, Гомершмидт, Шлуя, Штейнбрехер, Штеймиллер.

[– И вот они вязали, женщины, да, хорошо? – Слуш.]

Ага, хорошо вязали. Шали вязали, кофточки. Женщины заказывали, наши, каменские.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Николаевны Мутоввиной 1922 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева.

93. *Вот этих немцев раскулачили, оне же авакуированные были, оне самито из-под Саратова, оне же пострадали. Их в войну авакуировали сюда, на Ангару, дак их раздетыми, кто в чём. Ой! И дети, и старики! <...>. Помирали же!*

Записано в с. Мозговая Кежемского района Красноярского края в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зинаиды Ивановны Баковой 1943 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.1. С. 112.

94. *А у нашей мамы ссыльный жил. Абросим звали. Он не попускался, ходил, молился в Абросимы. Праздник же его. С иконам пойдёт. Икону возьмёт, а у мамы больша икона была, возьмёт и идёт со всемя. Ссыльный он. Их же раньше много было. По всёй Ангаре. Ссыльны да бродяжны. Раньше народ ангарский жалистливый был, булку хлеба, простокишу на столб ложили, кто кринку молока глиняну, чтоб не пугали, не лезли.*

Записано в с. Мозговая Кежемского района Красноярского края в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Устины Ивановны Кокориной 1927 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.1. С. 522.

Устные рассказы и интервью о «вербованных»

1. [– Как местное население общалось с теми, кто в 60-е гг. приезжал на работу в леспромхозы, химлесхозы в Мотыгинский район? – Собир.].

Инф.1: *А нормально. Всё нормально, вот не было такого, что одни ругались.*

Инф.2: *На территории Мотыгино, Рыбное не было того, чтобы какая-то национальность была изгоем.*

Записано в пгт. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Веры Петровны Андреевой (Инф.1) 1931 г.р., Таисии Ивановны Петровой (Бичёвой) (Инф.2) 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

2. [– В 60-е годы вербованные здесь были? – Собир.].

Инф.1: *Я вот не помню даже...*

[– Например, те, кто строил леспромхозы, химлесхозы. Кто там работал? – Собир.].

Инф.2: *Ну, вербовали же, ты чё, не помнишь? Сколько вербованных было.*

Инф.1: *Знаешь, как тогда, уже не доходило до этого. А как они приезжали, как они вербовались, кто их знает. Ну, были вербованные, или их посылали.*

Инф.2: *В общем, они приезжали видно до Красноярска, а Красноярск уже знал куда надо рабочих. И вербовались куда: или в Мотыгинский район, может, в Тасеевский район. Туда, туда. Это с Красноярска потом их распределяли.*

Инф.1: *С Красноярска даже водой плыли, пароходы ходили.*

Инф.2: *Вы извините, всё говорили: «Ну, сука, вербованный!».*

[– Получается, что вербованных недолюбливали? – Собир.]

Инф.2: *Да нет, вот просто так народ шутил. Все вместе жили. Не было никакой улицы, или там это... Квартыры давали, ну, вербованные, вербованные. А кто и самовольно так ехал, заработки-то были. Шахта, завод, леспромхоз такой был, пилорама. Ну, рабочие нужны были. А сейчас-то вот ничё нет: ни пилорамы, ни леспромхоза, ничё нет.*

Записано в п. Раздолинск Мотыгинского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Марии Ивановны Лысяниковой (Антиповой) (Инф.1) 1927 г.р., Клавдии Фёдоровны Протопоповой (Стрелковой) (Инф.2) 1940 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

3. *Вербованные – это люди, которых вербовали на работу леспромхозы. Например, вот они и на машинах работали. Ну, тракторов, машин как таковых было ещё не очень много, но потом постепенно стало это всё пополняться. И вот приезжие работали и на нижнем складе, где обрабатывали лес, некоторые работали на технике, вот. А которые просто тут рабочие в леспромхозе, вот. Были, были вербованные, были. Вот люди, которые приезжали на работу. Ну, потом постепенно некоторые из них оставались тут, семью заводили, а некоторые уезжали обратно на родину, вот.*

[– Вербованные жили рядом с местными или отдельно? – Собир.]

– *Нет, они вместе жили. Ну, и были тоже общежития тут, и в общежитиях жили, вот так вот.*

[– Как местное население относилось к вербованным? – Собир.]

– *А нормально всё, нормально. Никаких не было претензий.*

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Анны Константиновны Заборцевой 1931 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

4. [– Кто работал в химлесхозе? Местные или приезжие? – Собир.]

– *Приезжие работали. Местные работали, приезжие работали тоже. Много приезжих работало. Назывались, называли химдымовские. Химдым.*

Вербованные, в общем, приезжали откуда-то. И местные работали, и приезжие работали. А вербованные – это специально вот от организации начальство едет. Рабочих не хватает, допустим, химдым. Надо же живицу добывать, а где место там, в основном, в леспромхозе работали. Ага, вот. Они едут как, по каким они узнают, куда надо ехать, по каким-то сводкам узнают. И едут в эти города, там в деревни ли, в районы ли, и там вербуют людей, как бы просят их, что приезжайте. Называется – вербуют их. Приезжайте к нам работать мы... У нас и зарплата хорошая, такая работа, и квартирой мы обеспечим, и т.д., т.д. Работа такая, такая. Вот они вербуют, т.е. как бы организуют рабочее место. Вербуют – призывают или как ли, зовут.

[– А что это за люди были? Как к ним местные относились? – Собир.]

– Так, они, тоже они вербованные, которые были неплохие, неплохие которые были, а которые были пьяни. Так в лесу они жили, так в лесу и эти, ну, в общем... Были семейные, были хорошие, это, вот. Потом они, конечно, уехали, все поехали. Тут химдымовского никого не осталось. Как стал химдым прикрываться, как стала открываться новая Недокура, вот. Новая Недокура – со старой Недокуры стали сюда перебираться. Прикрылся мастерский участок, леспромхоз, как называли леспромхоз, вот. Они там чё, значит, и химдым этот тоже. Все поразъехались, вот. Некоторые сюда приехали. Здесь работали бичи эти, вот. Ну, их химдымовских, наши-то, конечно, наши были вот эти. Наши так и остались тут, наши эти местные. А эти бичи никого. Они все уехали. Да поумерли, поумирали. Ну, бичи есть бичи.

Записано в п. Недокура Кежемского района Красноярского края в 2018 году Смирновым Е.С. от Валентины Ивановны Мешкис 1937 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

5. [– Вы слышали про вербованных? – Собир.]

Инф.1: *Конечно. Миша, ну-ка, расскажи-ка.*

Инф.2: *Я чё могу про вербованных рассказывать... Вербованных называли, как вербованных – вербуются в Красноярске на сплав или куда-то в леспромхоз.*

Инф.1: *Уехал кто-нибудь из леспромхоза и созывал работать сюда.*

Инф.2: *Начальство едет там, куда говорят...*

Инф.1: *Людей не хватало здесь заготавливать лес.*

[– А говорили, что вербованные едут за длинным рублём? Такое выражение было? – Собир.]

Инф.2: *Ну, как... за длинным. Сильно-то длинного тут не было рубля. Чё заработаешь, то и про... фю. Пашешь также. И пьёшь также.*

Инф.1: *Пили тоже, но многие-то остались здесь, семьи здесь.*

[– А как относилось местное население к вербованным? – Собир.]

Инф.1: *Абсолютно разницы не было. Здесь многие, говорю, поженились, остались семьи их. Приезжали, приезжали, мне кажется, вообще ничё не было. Да ведь Миш? В Половинку приезжали, ну, чё они приезжали. Они несли единственное, что своё просто несли. Ну, культуру какую-то, а так не было.*

Записано в п. Манзя Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Галины Михайловны Ишкабуловой (Инф.1) 1952 г.р., Михаила Ашировича Ишкабулова (Инф.2) 1951 г.р., // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

6. [– В районе были вербованные? – Собир.].

– *Да, были. Вот посёлок у нас весь вербовке сделанный.*

[– А кто такие вербованные? – Собир.].

– *Так люди, трактористы... разных профессий.*

[– Они откуда приезжали? – Собир.].

– *Так, с запада... западных республик.*

[– Говорили, что вербованные едут за длинным рублём? – Собир.].

– *Да. Только из-за денег и ехали.*

[– Как к вербованным относились? – Собир.].

– *А, как... Вот так вот. Относились, а чё мы... Как их больше... наказывать что ли. Работали иль не работали хорошо.*

[– Т.е., хорошо к таким людям относились? – Собир.].

– *Ну, нормально.*

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Валентина Афанасьевича Мутовина 1930 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

7. [– Здесь были вербованные? – Собир.].

Инф.1: *Это, вербованные, потом уже пошёл посёлок. И даже так до сих пор это осталось – вербованный и сёгода. Нас сёгода зовут, а их вербованные. Это вербованные – это они приезжали сюда, как на север и заключали договор. Им подъёмные за это платили. Вот я не знаю токо какая, в какой сумме в то время, но вот они подъёмные. Даже отсюда уезжали люди. Уедут, завербуются, снова приедут и подъёмные получают.*

Инф.2: *В Красноярске завербуются, тебя, деньги плотят, как подъёмные.*

[– Говорили, что они за длинным рублём приезжали? Было такое выражение – за длинным рублём? – Собир.].

Инф.1: *Может быть, может быть, потому что зарабатывали-то хорошо здесь в то время. Лес же был, лес возили. Зарабатывали очень хорошо люди. По 600 рублей в то время же шофёр зарабатывал, лесовозник – это хорошо было-то.*

Записано в п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края в 2017 году Смирновым Е.С. от Марии Дмитриевны Толстых (Скурихиной) (Инф.1) 1943 г.р., Николая Васильевича Толстых (Инф.2) 1941 г.р. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

8. [– Что Вы можете рассказать про вербованных, химиков? – Собира].

– Они сразу по набору стали приезжать. Были в газетах, писали объявления, что требуются рабочие. Вначале ехали простые люди с семьями. С Костромской области много приезжали. Помню, вот гремел водителем Ковязин Василий Дмитриевич, бригадир лесовозной бригады, лесовозики, лес возили, шофёров. Вот он гремел оттуда. Мигудины, Минины потом оттуда приехали с Костромской области. Много семей как-то в один год. Это где-то в 57, в 58 году они приехали. Много. Ну, со всех мест ехали. А потом, значит, условия всё равно не такие как вот допустим нормальные. Он с леса приходит, ему одежду посушить надо, в тепло надо, а где? Это ему приезжай с леса, надо растопить печку, всё это высушить, приготовить обед. Вообще многие собирались и обратно уезжали. Вот Ковязин остался надолго здесь. Сын его здесь живёт, в этом, в Имбинском. Серёжка, младший сын. А потом эти стали писать: требуются рабочие, в газете. Одиночки стали приезжать. Сделали общежитие, а общежитие, больница была. Её перевели в другое место, сдали больницу, перевезли с Косого Быка на хуторе. Там клопы постоянно были и прочее. Перевели в другое место, в общежитие, брусовое здание было. А общежитие сделали в этой больнице. Вот потом значит стали приезжать по орнабору. Пишут, заключают договор. Приезжают, на сколь, на 6 месяцев, на летние работы, на сплав, или на зимние, на лесозаготовки. Вот они с работы, отработали, договор, по договору собираются и дальше пойдут. Их где-то человек до 80 в общежитии было, приезжало. Лесопункт, численность рабочих 300 человек самое большое было. Объёмы лесозаготовок тоже небольшие были: 180, 160 тысяч, 140.

Значит, было бюро какое-то, на «Мира» 45 в Красноярске. Человек освободился и идёт на «Мира» 45, знает, что там бюро. Ему договор заключают. Он с тюрьмы договор заключил и едет сюда. Ему сразу выдали деньги, договор на руки, деньги на билет или билет даже купят. И он едет сюда. Приезжает с этим договор, ему сразу выдают рабочую одежду, какой-нибудь аванс, и направят на работу. Сколько он продюжит этот бывший осужденный здесь, это самому Богу известно. Ну, также сезон отбудет, зиму или лето. Собирается. Текучка постоянная была тут, не было постоянно рабочих. Единственное, что вот долго жил Чериниченко Анатолий. И потом бывший первый секретарь Каратузского райкома комсомола – Рубан Анатолий Павлович,

как щас помню. Вот они приехали, Рубан из-за этого дела, Чериниченко Анатолий тоже из-за этого дела, из-за пьянки. Потом потерялся, приехал сюда. Вот они долго в общежитии жили, вот как костяк возле них был. Молёван Александр долго жил, тоже мужик на нижнем складе в бригаде был, работал в разделе леса. А так вот всё пришлые: приехали, уехали, приехали, уехали.

Тожё самое в химлесхозе. В химлесхозе, значит, приехало много людей с Муромской области на сезон работы, и с Донецкой области. Там село Гранитное есть. Бондарь Лена, Леонтьич... забыл как его фамилия... греки. Шатохин Федя, помню хорошо. Это, блин, забыл... У Леонтьича как фамилия? Жена-то недавно умерла, Валя. Тожё остались постоянно, понравилось здесь. Не выгонишь, что природа им очень понравилась. Сухой, зимой сухой такой крепкий мороз, от которого можно спастись в избе, а на работу значит только работать. Чем крепче мороз в лесу, лес окоряют. Процесс подсочки, чтобы живицу эту. Чем крепче мороз, тем легче окорять. Там кору снимают до определённого состояния, чуть-чуть начинает белеть, потом бросают. А летом режут. Ну, чем крепче мороз, тем легче окорять. Чем жарче лето, тем лучше живица идёт. Вот так они оставались. С Азербайджана приезжали много сюда. Один парень, Абдула, до сих пор здесь. Он приехал с братом. Брат женился на удмуртке или... не помню, а этот, младший брат евоный, он значит приехал сюда зарабатывать на калым, чтоб выкупить невесту. В общем, сезон отработал – не получилось. Второй сезон отработал – не получилось. Не может. Только 4-5 сезонов отработал, деньги зарабатывал, для того чтобы выкупить. Выкупил, приехал с ней сюда. В Косом Быку нарожали детей. Она вообще по-русски ничё не понимала, совершенно ничего. Остались, наплодили детей, получили здесь квартиру. Щас живут в Говорково, овец держат.

[– Нам рассказывали, в частности в Богучанах, что вербованные, химики часто пили. – Собир.]

– Так зарплата вся уходила на это. Обрато в магазин. Они, если зарплату: «О, я поеду домой, я поеду домой, я поеду на родину». Уволился, тут же эти деньжонки получил, пропил их. В общежитии лежит несколько дней там или недель. Идёт обратно к начальнику лесопункта, просит: «Дай работу». Обрато его с испытательным сроком берут. Он испытательный срок выдерживает, его снова в этот, на работу. И снова, пока домой не захочет. Тоска по родине, назовём. Ну, вот так вот жили.

Бляха, фамилию мужика... Который приехал молодой парень по оргнабору – Базин Слава. Чериниченко Коля, нет... С Украины два парня, здоро-о-овые бя, что стена. Амбалы были такие, здоровые, крепкие. Базин Славку обучили вальщиком, незаменимый был вальщик. Пойдёт, за два дня набросает, навалит лесу, а тракторист, чекировщик трелюют после него дня три-четыре.

Специалист был хороший. И этот, тоже здоровый такой парень, Коля, Коля, Коля... Его взяли помощником вальщика. Как бы сосна не стояла, он в нужное, помощником вальщика, вилка такая упирает, вилы, какой-то рычаг, он рычаг давит на вилы, чтоб дерево упало в нужном направлении. Как бы сосна не стояла, он всё равно упрётся и положит эту деревину на место. Ханженко Коля, с Украины парень, Ханженко. И тоже Базин Славка, не знаю, где он. Его оттуда из Болтурино уволили. Запил, запил, запил, запил, потом в Проспихино уехал, потом немного поработал, потом с Проспихино куда он девался, не знаю. Коля Ханженко так он в Болтурино и похоронен. Три, четыре, пять дней не ест, не на что. Там Протасова Мария Тимофеевна, она работала комендантом в общежитии, комендантом. Селила, постельное бельё выдавала в общежитии. Утром придёт: «Так он же не ел. Всё, он уже умирает». На носилках везут в больницу, ложат, откормят его. Одыбал, пошёл, работать немного. Опять деньги получил и опять запил, опять до такого состояния себя доводит. Всё говорил: «Первые три дня трудно привыкать, к голоданию, а потом привыкаешь, и кажется всё это нормально».

Ну, вот такой контингент был, по оргнабору которые приезжали. Со всей, со всей страны, с Западной Украины, с Восточной, с Центральной приезжали, с центральных районов России, из Красноярского края – отовсюду ехали.

Записано в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края в 2019 году Смирновым Е.С. от Зарубина Михаила Ивановича 1947 г.р. // Из архива автора

Устные рассказы и интервью о «городских»

1. *Ну и вот была категория тех, которые были высланы из Москвы, Московской области к нам.*

[– Туняядцы? – Собир.]

Да, туняядцы, неблагонадёжные. Это вот перед фестивалем молодёжи и студентов в 57 году, он должен был у нас пройти. И вот были такие семьи, но они были, ну к ним относились... Ну они вот туняядцы, т.е. они могли и пить, могли на работу не ходить. Их, конечно, не уважали.

Записано Смирновым Е.С. в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) Нины Васильевны Поповой 1959 г.р. // Из архива автора

2. *Ну, обозы шли по деревням, в Канск ездили. Потом уже в тридцать седьмом году уже пошли обозы за горючим. Кажная деревня завозила горючее себе. Вот и шли обозы по шесть лошадей, шесть возчиков, колхозы завозили.*

[– А вот раньше обозы, по рассказам стариков, когда жили единолично, грабили? – Собр.]

Ну, единолично-то жили... В городе бывало там, в Канске. Канск – паршивый городишко был, хулигански.

Записано в д. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Александра Трофимовича Брюханова 1931 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.7. С. 466.

3. Они приезжали к нам, городские-то, работать по своей специальности. И к ним вот в этом плане положительно относились, что они люди грамотные. Много чего знают, много чего могут.

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) Нины Васильевны Поповой 1959 г.р. // Из архива автора

4. Вот дедушка, ну поскольку городские в основном были грамотные, образованные какие-то люди, вот такие, он просто не мог с ними наговориться. Ему было очень интересно, он задавал кучу вопросов. Т.е. он просто от них не отходил, когда приезжали городские. Т.е. ему нужна была информация, ему интересно всё было.

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Проспихино*) Нины Васильевны Поповой 1959 г.р. // Из архива автора

5. Они приезжали к нам, городские-то, в основном те, которые получили какое-то образование.

Записано в г. Красноярске в 2020 году от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС (с. Кежма*) Любови Леонидовны Карнауховой 1956 г.р. // Из архива автора

Рабочий вариант анкеты

Дата _____

Место проживания _____

1. Пол: м/ж (выделите нужное)

2. Ваш возраст: _____

3. Место рождения (населённый пункт, район): _____

Запишите первые пришедшие в голову ассоциации на слова-стимулы. Ассоциаций может быть одна или несколько (запишите их через запятую). Это могут быть слова, словосочетания и/или предложения. Если сразу в голову ничего не пришло – ставьте прочерк. Время эксперимента ограничено: на заполнение анкеты даётся не более 3 минут.

4. Слова-стимулы:

1. Ангарцы _____

2. Вербованные _____

3. Городские _____

4. Деревенские (односельчане) _____

5. Свои _____

6. Сибиряки _____

7. Ссылльные _____

8. Чужие _____

Дата 11.03.19

Место проживания г. Иркутск

1. Пол: м/ж (выделите нужное)

2. Ваш возраст: 47

3. Место рождения (населённый пункт, район): г. Иркутск
Иркутского района

Запишите первые пришедшие в голову ассоциации на слова-стимулы. Ассоциаций может быть одна или несколько (запишите их через запятую). Это могут быть слова, словосочетания или предложения. Если сразу в голову ничего не пришло – ставьте прочерк. Время эксперимента ограничено: на заполнение анкеты даётся не более 3 минут.

4. Слова-стимулы:

1. Ангарцы диплом, харошче

2. Вербованные призыве

3. Городские диплом

4. Деревенские (односельчане) местные

5. Свои доброе

6. Сибиряки человек Сибиряк

7. Ссылные ссылка

8. Чужие на свои

Дата 11.05.19

Место проживания

г. Кудымкар

1. Пол: м/ж (выделите нужное)

2. Ваш возраст: 16

3. Место рождения (населённый пункт, район): г. Кудымкар Кочумокский район

Запишите первые пришедшие в голову ассоциации на слова-стимулы. Ассоциаций может быть одна или несколько (запишите их через запятую). Это могут быть слова, словосочетания или предложения. Если сразу в голову ничего не пришло – ставьте прочерк. Время эксперимента ограничено: на заполнение анкеты даётся не более 3 минут.

4. Слова-стимулы:

1. Ангарцы живут около Ангары

2. Вербованные люди, которых наняли на работу

3. Городские дворцы, сосиски

4. Деревенские (односельчане) люди, живущие в одном селе

5. Свои родные

6. Сибиряки люди, живущие в Сибири

7. Ссылные отправленные в ссылку

8. Чужие незнакомые